

РОМАНИЯ И БАРБАРИЯ

•Наука•

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

РОМАНИЯ И БАРБАРИЯ

*К этнической истории
народов зарубежной Европы*

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук
С. А. АРУТЮНОВ,
кандидат исторических наук
Н. А. КРАСНОВСКАЯ,
доктор исторических наук
Э. А. РИКМАН

Москва «Наука» 1989

ББК 63.5(3)
Р 69

Авторы:

*Г. И. Анохин, С. А. Арутюнов, Н. Н. Грацианская,
Н. А. Красновская, М. Ю. Мартынова, М. Н. Новиков,
М. Н. Решина, Э. А. Рикман, Е. А. Шервуд*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Л. Е. Куббель,*
кандидат исторических наук *С. П. Поляков*

Романия и Барбария. — М.: Наука, 1989. — 208 с.
Р 69 ISBN 5—02—009918—Х

В первые века нашей эры жители Римской империи называли свою родину Романией. За ее пределами лежала, по их представлениям, обширная Барбария — мир «варварских» племен и народов. Авторы книги рассказывают об отношениях этих двух миров, о том, как в процессе исторического развития возникли такие народы, как итальянцы, швейцарцы, хорваты, фриулы, сардинцы, фризы и др.

Для этнографов, историков и читателей, интересующихся историей Европы.

Р 0505000000—175
042(02)—89 —211—89—III

ББК 63.5(3)

ISBN 5—02—009918—Х

© Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

*С. А. Арутюнов,
Н. А. Красновская, Э. А. Рикман*

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена ключевым вопросам советской этнографии: закономерностям и конкретно-историческим особенностям процессов сложения, развития и видоизменения этнических общностей на территории Европы. Этническая история европейских народов изучалась более продолжительное время по сравнению с историей народов других континентов. Этнография располагает в Европе самой богатой источниковедческой базой. Этногенетические процессы за редкими исключениями отличаются большой сложностью, и надо полагать, что проблемы этногенеза населения Азии или Африки ничуть не менее сложны, чем проблемы этногенеза народов Европы. Однако именно наличие более подробной информации, содержащейся прежде всего в письменных источниках античного и средневекового времени, и позволяет и даже требует освещать эти процессы в Европе с более высокой степенью детализации. На европейских материалах различные модели этногенеза и этнического развития могут быть прослежены с большей полнотой, чем на материалах из любого другого региона земного шара.

Однако далеко не во всех случаях это благоприятное обстоятельство использовалось в должной мере. И если по этнической истории крупнейших народов Европы существует, как правило, довольно обширная литература, то по многим малым народам этого региона разработки подобного рода вообще отсутствуют или крайне недостаточны. Между тем этнические процессы их сложения и эволюции весьма интересны и поучительны, и поэтому заслуживают пристального внимания. Данная книга имеет своей целью в некоторой мере восполнить этот существенный пробел в этнографической европеистике.

По-видимому, в течение всего периода неолита, т. е. до начала бронзового века, население Европы слагалось из так называемых доиндоевропейских народов, об этническом облике которых, кроме косвенных данных археологии и палеоантропологии, мы не располагаем сведениями. Очевидно, баски — единственный, сохранив-

шийся до наших дней остаток этого доиндоевропейского населения, хотя не исключено, что к нему же относились и некоторые, известные уже по письменным источникам, этнические компоненты, вошедшие в субстрат формирования некоторых других современных народов (например, протосарды в субстрате современных сардинцев).

Предыстория этногенетических процессов, протекавших у европейского населения, последовательно рассмотрена на территории Швейцарии в эпохи от среднего палеолита до античного времени. Этому посвящена публикуемая в данной книге статья М. Н. Новикова, которая может в определенной мере служить моделью изучения подобных процессов на локально ограниченных территориях, обладающих преемственностью культурно-исторического и природно-географического единства.

Подавляющее большинство древних этнических общностей, которые можно выявить на ранних этапах этногенеза современного населения Европы, это многочисленные и весьма различные по своей культуре племена, языки которых принадлежали к различным ответвлениям индоевропейской языковой семьи: кельтские, италийские, иллирийские, германские и другие, а также их подразделения, союзы и группы. В эпоху же античности эти племена почти на всей рассмотренной в книге территории Европы, за исключением ее северной и восточной части, были в той или иной степени вовлечены в грандиозный этнопреобразующий процесс романизации, вызванный возникновением, ростом и экспансией Римской рабовладельческой державы, ее взаимодействием с окружающей первобытной и раннеклассовой периферией и последовавшим в результате этого конфликта и внутренних противоречий крушением и распадом огромного этнополитического образования.

Римское государство сыграло огромную роль в истории Европы. Основным этническим массивом Древнего Рима были италийские племена во главе с латинами. В результате завоевательных войн последних и колонизации ими земель Центральной и Южной Италии в V—II вв. до н. э. была создана могущественная федерация племен, подданные которой получили название римляне (Romani). Их общим языком стал латинский, впитавший в себя и некоторые элементы из племенных языков ассимилированного италийского населения. В дальнейшем экспансия римлян распространилась и на неиталийские племена и народы. Среди них наиболее значительными были этруски, кельты и греки.

К рубежу старой и новой эры римляне покорили и романизовали всех жителей Апеннинского полуострова. Еще до завершения здесь процесса романизации правители Римской державы стали осуществлять свои завоевательные планы за пределами Италии. В борьбе за гегемонию на Средиземном море римляне столкнулись с карфагенянами, владевшими Сицилией, Сардинией, Корсикой, а также давно и прочно обосновавшимися в своих многочисленных колониях на берегах Южной Европы. В результате трех пунических войн Риму удалось сломить могущество Карфагена и вытес-

нить его из Западного Средиземноморья. В континентальной Европе римляне овладели Галлией, Иберийским полуостровом, территориями к северу от Альп. Параллельно шла экспансия Рима на Восток, в регионы, находившиеся под влиянием Греции. Римляне подчинили Македонию, Фракию, Сирию, Египет, Киренаику. Однако здесь местное население было до этого глубоко эллинизировано, и новым завоевателям так никогда и не удалось в полной мере романизировать его. Демаркационная линия между сферами распространения латинского языка и римской культуры, с одной стороны, и сильного греческого влияния, с другой, прошла на севере Балканского полуострова.

Максимальных границ империя достигла во II в. н. э. Все завоеванные за пределами Италии территории были организованы римлянами как провинции. Первой римской провинцией стала Сицилия (241 г. до н. э.), последней — Дакия (106 г. н. э.). Население многих провинций также на несколько веков оказалось втянутым в интенсивный процесс романизации, усвоило латинский язык и римский образ жизни, что привело в конце концов к его интеграции в единое этнополитическое целое. За стиранием различий между жителями отдельных провинций и коренным населением Италии последовало расширение значения этнонима «римляне». Теперь им охватывались все подданные Римской империи. Сама же она получила свое второе название — Романия. Этому скорее культурному, чем географическому, понятию противопоставлялось другое — Барбария. Так назывался мир варваров (главным образом германцев), находившийся за пределами Римской империи. В 395 г. империя распалась на Западную и Восточную. Подданные последней именовались почти так же, как население прежней неразделенной империи — ромеи. Однако разделение закрепило две сферы влияния культур и языков. Западная империя оставалась латинизированной, Восточная — эллинизированной.

Период наибольшей интенсивности этнических процессов в Европе связан с эпохой Великого переселения народов и последующим временем раннего средневековья. Однако отголоски и вторичные волны этих крупных этнических сдвигов прослеживались и далее, вплоть до позднего средневековья. Лишь в новое время наступила эпоха относительной стабильности этнического процесса, завершившегося в XVIII—XIX вв. формированием современных наций Европы.

На землях бывшей Римской империи и на территориях, граничивших с нею и находившихся под ее влиянием, возник ряд ранне-средневековых этнических образований, в той или иной степени романизированных или подвергшихся в большей или меньшей степени римскому влиянию и воздействию. Весь этот процесс можно представить как очень сложный и многоканальный поток переплетающихся взаимодействий Романии и Барбарии. При этом результат этногенетического процесса во многом зависел от того, каким удельным весом обладали в ходе этнического синтеза роман-

ские компоненты, с одной стороны, и варварские, с другой, какой характер принимало их сочетание. В одних случаях, несмотря на очень интенсивное участие в ходе этногенеза варварских, прежде всего германских, компонентов, все же в конечном итоге романский компонент оказался преобладающим. По такому пути шло сложение большинства средневековых западнороманских этносов. В статье Е. А. Шервуд охарактеризован начальный этап подобных процессов в Северной и Центральной Италии. В статье Н. А. Красновской обрисован ход аналогичных процессов на протяжении многих веков на периферии Италии. Они показаны, с одной стороны, на примере этногенеза фриулов, где германский компонент играл значительную роль, а с другой стороны, на примере этнического развития сардинцев, в котором германского участия практически вообще не было и варварская сторона была представлена в основном местным горским населением.

В других случаях, несмотря на интенсивное участие романских элементов в этногенезе, преобладающей оказалась роль варварских племен, и формировавшиеся народности принимали в качестве общего языка какие-либо нероманские диалекты, в частности германские или славянские. В их культуре, да и в лексике, тем не менее, романское наследие прослеживается вполне отчетливо. К числу примеров этнических общностей, прошедших подобный путь развития, можно отнести определенные группы хорватов, рассмотренные в статье М. Ю. Мартыновой.

Наконец, третий вариант раннесредневековой этнической истории в Европе представлен такими ситуациями, когда взаимодействуют между собой различные варварские этнические группы, а римское влияние или предпосылки, созданные им, выступают в качестве фона или оказывают на ход этногенеза косвенное воздействие. В данной книге примеры такого рода прослеживаются в статьях М. И. Решиной и Н. Н. Грацианской.

Итак, наша книга имеет целью показать на отдельных, наиболее ярких примерах различные модели и формы обрисованных выше сложных этногенетических процессов, развертывавшихся в Европе в раннем и позднем средневековье, а также их предысторию и заключительный этап в новое время.

Отдельные главы книги посвящены вопросам этногенеза и этнической истории лишь некоторых народов Европы. Речь идет об истории сравнительно небольших этнических общностей. В ряде случаев прослеживается развитие даже не самостоятельных этносов, а субэтнических групп или отдельных компонентов в составе более крупных народов. Выбор именно этих объектов исследования продиктован стремлением показать, как одни и те же факторы или исходные предпосылки в разных случаях, при разном их соотношении и в разной конкретной исторической обстановке приводили к различным этногенетическим и этноисторическим результатам.

РАННИЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ШВЕЙЦАРИИ

(ДО СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.)

М. Н. Новиков

Территория Швейцарии на протяжении тысячелетий является как бы своеобразной «естественной лабораторией», где на периферии трех сложившихся позднее крупнейших этносов Европы — немецкого, французского и итальянского — происходило формирование и дальнейшее развитие трех коренных народов Швейцарии: германошвейцарцев, франкошвейцарцев и италошвейцарцев, родственных немцам, французам и итальянцам по языку и культуре, но в то же время и отличных от них ¹. Необходимо помнить и о том, что исторические судьбы всех коренных народов Швейцарии, включая ретороманцев, были связаны между собой как в предыстории этих народов, так и в последующем их развитии уже в рамках складывавшейся на протяжении столетий Швейцарской Конфедерации.

Рассматриваемая нами тема до сих пор оставалась вне поля зрения как советских, так и зарубежных этнографов. Материал по теме, содержащийся в основном в европейской научной литературе, представлен недостаточно полно и систематизированно. В настоящей работе предпринимается попытка исследовать ранние периоды этнической истории Швейцарии на основе данных археологии и топонимики, сведений из античных авторов, а также по отрывкам, разбросанным в научных трудах исторического, географического и лингвистического характера современных исследователей, преимущественно швейцарских, немецких и французских. Особое внимание при этом уделяется Западной Швейцарии, области формирования одного из будущих коренных народов Швейцарии — франкошвейцарцев.

Данные археологии свидетельствуют о том, что на территории современной Швейцарии человек появился в эпоху среднего палеолита. Наиболее древним свидетельством этого являются каменные орудия, найденные в середине 1970-х годов недалеко от Прательна (кантон Базель). Их возраст определяется в 350 000 лет. Возраст человеческого зуба, найденного в окрестностях Сен-Бре (кантон Юра), соотносится по времени с находками из Прательна ². Следы пребывания неандертальца обнаружены в пещерах

Вильдкирхли, Драхенлох, Котеншер и других памятниках мустьерской культуры на территории различных кантонов³. С мадленской культурой эпохи верхнего палеолита археологи связывают различные находки охотничьих орудий (в основном на севере страны)⁴. В последние десятилетия стали известны многочисленные мезолитические стоянки⁵.

В 1854 г. на берегу Цюрихского озера, а впоследствии также по берегам Боденского, Бильского, Невшательского, Женевского и других озер были открыты неолитические свайные постройки⁶, которые, по признанию археологов, имеют «особое значение в реконструкции технических достижений и жизненного уровня неолитической эпохи», поскольку «благодаря консервирующим свойствам воды, ила и торфа сохранились сами постройки и множество вещей, обычно погибающих в земле: это изделия из дерева, кости, растительного волокна, кожа, пряжа, зерна хлебных злаков, плоды и овощи, навоз и даже печеные хлебцы»⁷. Хорошо сохранившиеся предметы материальной культуры свидетельствуют о том, что основными хозяйственными занятиями обитателей свайных построек были земледелие и скотоводство, немаловажную роль играли также охота и рыболовство. Исследования свайных поселений (их обнаружено свыше 400) позволяют датировать большую их часть второй половиной IV—началом II тысячелетий до н. э., часть свайных построек относится к бронзовому веку (1800—1100 гг. до н. э.)⁸.

Некоторые исследователи между тем пробовали ответить на вопрос о происхождении древнейшего населения Швейцарии. Предпринимались попытки связать его с лигурами, этрусками, иллирийцами⁹, финскими племенами, иберийцами, предполагали также его автохтонное происхождение¹⁰. Однако выводы были подчас скоропалительны¹¹, а аргументация — недостаточно основательна и убедительна. Вообще реконструкция этнической истории населения эпохи неолита и бронзы требует более осторожного подхода, в особенности, когда это касается соотнесения данных археологии с тем или иным этнонимом. В этой связи замечание А. Л. Монгайта о том, что, «характеризуя отдельные племена и их группы, выявляемые по археологическим источникам в Европе в бронзовом веке, еще нельзя пользоваться этническими наименованиями, заимствованными из письменных источников»¹², не только справедливо по отношению к ранним эпохам (неолит), но и предостерегает от поспешных выводов применительно к последующему железному веку.

И все же именно археологические источники представляют собой тот материал, на основании которого в результате кропотливого анализа может быть воссоздана история хозяйства, материальной культуры, элементы социальной организации древних племен. Так, например, чтобы установить более точный возраст (3600—3000 лет до н. э.) эгольцвильской культуры и прийти к выводу о возможности ее автохтонного происхождения, швейцарским археологам потребовалось почти столетнее изучение этой древней-

шей культуры неолитических свайных построек в Швейцарии ¹³.

Анализ археологических данных позволяет также сделать некоторые выводы, касающиеся роли географического фактора в направлении миграционных потоков на территории Швейцарии в древние эпохи. Профессор Женевского университета М.-Р. Заутер отмечает, например, что в определенные периоды доримской истории Швейцария представляла собой некий «европейский перекресток» ¹⁴. «Это в особенности справедливо, — пишет он, — применительно к эпохе неолита, когда на швейцарском плоскогорье происходило смешение нескольких культур, преимущественно среднеевропейского и средиземноморского происхождения. Подобное имело место и в начале раннего бронзового века. Начиная с середины бронзового века преобладающим становится влияние из областей Германии и Центральной Европы» ¹⁵. Таким образом, утверждается роль швейцарского плоскогорья как того самого «перекрестка», на котором происходило смешение различных племен и культур.

В самом деле швейцарское плоскогорье образует некий коридор, который протянулся с юго-запада на северо-восток и ограничен с юга высокими Альпами, а с северо-запада — горным массивом Юра. На юго-западе этот коридор открывается в долину р. Роны, текущей на юг к Средиземному морю, а на севере — в долину Рейна, который течет на север. Высокие, труднопроходимые Альпы, разумеется, ограничивали проникновение на территорию плоскогорья с юга, из Италии. Юра была более легко преодолимым препятствием, но и она некоторым образом расчленила миграционные потоки, направляя их на севере в долину Рейна и Ааре, а на юге — в долину Роны, вследствие чего эти потоки неминуемо встречались друг с другом на швейцарском плоскогорье.

Что касается Западной Швейцарии, то здесь необходимо отметить следующие обстоятельства. Женевское озеро и отроги Юры ограничивают в этом районе плоскогорье до очень узкого коридора. Из южного бассейна Роны наиболее естественный путь через него идет вдоль северного берега Женевского озера на равнинное плоскогорье современного кантона Во и в предгорья Фрибургских Альп, а через долины рек Венож и Тьель — к Невшательскому, а затем Муртенскому и Бильскому озерам и далее на северо-восток по течению р. Ааре. Весь этот участок Западной Швейцарии, высота которого над уровнем моря не превышает 350—400 м, представляет собой, по словам М.-Р. Заутера, «наиболее благоприятную местность для поселения здесь человека, благодаря плодородной почве и удобным путям сообщения» ¹⁶.

При анализе карт распространения археологических культур Европы, помещенных в 2-томном труде А. Л. Монгайта «Археология Западной Европы» ¹⁷, нами обнаружена следующая закономерность, показывающая, какую роль Альпы, Юра, долины Рейна и Роны играли в направлении распространения археологических культур и миграционных потоков. Коротко эта закономерность

может быть сформулирована так: уже в отдельные периоды древней истории Западная Швейцария была периферийной областью распространения культур, происходивших в основном с территории, лежащей к западу от Швейцарии, тогда как Восточная Швейцария была периферией культур, распространенных преимущественно в Южной Германии и Центральной Европе. Таким образом, территория Швейцарии почти всегда находилась на окраине больших культурных провинций, граница между которыми пролегла на территории Швейцарии и была довольно подвижной, при этом не исключалось также образование самобытных культур и своеобразных историко-культурных районов.

Действительно, на карте Европы в эпоху позднего палеолита и мезолита (до VIII тысячелетия до н. э.) почти вся территория Швейцарии занята самобытной альпийской культурой, область же Западной Швейцарии к северу от Женевского озера является восточной периферией тарденуазской культуры, распространенной на территории Франции.

В эпоху неолита (VI—IV тысячелетия до н. э.) область Швейцарии лежит на границе распространения трех больших культур: культуры линейно-ленточной керамики (граница проходит на северо-востоке по Рейну), ранней культуры шассей (граница тянется с северо-запада вдоль Юры на юго-запад) и культуры сассо-фиорано, распространенной к югу от Альп. Уже в этот период начинают выделяться своеобразные историко-культурные районы на территории Западной Швейцарии. В исследовании М.-Р. Заутера, посвященном неолиту кантона Вале, и на представленной в нем статистической карте¹⁸ показано, что неолитические памятники этого горного (свыше 2000 м над уровнем моря) района Западной Швейцарии сконцентрированы в долине Роны и в долинах ее южных притоков. Это соотносится вполне и с современным характером расселения жителей этого кантона.

В IV тысячелетии до н. э., в эпоху неолита и энеолита восточная граница распространения культуры шассей проходит уже по территории Швейцарии к северу и северо-востоку от Женевского озера. Центральную часть Швейцарии от Боденского озера до Роны занимает культура кортайо (названа так по имени поселения на берегу Невшатальского озера). Очаги этой культуры были выявлены В. фон Гонценбах в Юго-Восточной Франции, в департаментах Эн, Изер, Верхняя Савойя, Юра, Ду, а на территории Швейцарии они сосредоточены вокруг Женевы, по северному берегу Женевского озера, и далее цепь очагов протянулась на северо-восток между Невшатальским и Цюрихским озерами¹⁹. Вдоль Рейна проходит юго-западная граница распространения близкой к культуре кортайо михельсбергской культуры, проникавшей в Швейцарию с территории Германии²⁰. Через бассейн Роны культура кортайо была связана с культурой шассей, а через бассейн Рейна — с михельсбергской культурой²¹.

Карта распространения европейских археологических культур в III тысячелетии до н. э. выглядит более пестрой: почти вся тер-

ритория Швейцарии от Базеля до Женевского озера и часть зарейнской зоны представляет собой область распространения горгенской культуры, тесно связанной с северофранцузской культурой Сены — Уазы — Марны, восточная граница культуры шассей отодвинулась несколько на запад, область вдоль Рейна по-прежнему остается юго-западной периферией михельсбергской культуры, тогда как культура кортайо распространилась на юг и сливается с родственной ей североитальянской культурой лагоцца. В этот период в области к западу от Швейцарии (территория Франции, Пиренейский полуостров) распространены мегалитические сооружения, тогда как к северо-востоку за Рейном лежит область распространения шаровидных амфор. В Швейцарии мегалиты также встречаются ²², при этом характерно, что их количество в южных, западных и северо-западных районах значительно выше, чем в остальных районах Швейцарии, и убывает по направлению к северо-востоку ²³.

В начале бронзового века в первой половине II тысячелетия до н. э. в западной части Швейцарии господствуют культуры бассейна Роны, а в северной и восточной — культура колоколо-видных кубков (в ее верхнерейнском варианте). В середине бронзового века во второй половине II тысячелетия до н. э. на территории Швейцарии преобладающим становится культурное влияние из Германии и Центральной Европы. В этот период происходят изменения также в типе поселений и хозяйственной деятельности населения: постепенно исчезают свайные постройки, хижины строятся на берегу озер, сельскохозяйственная деятельность так же, как и скотоводство, переносится выше в горы. На рубеже II и I тысячелетий до н. э. повсюду устанавливается южногерманская разновидность культуры полей погребальных урн, которая затем проникает во Францию ²⁴. Тем не менее, как отмечал известный швейцарский археолог Э. Фогт, и в конце бронзового века наблюдаются явные различия между юго-западной Швейцарией и северо-восточной частью страны ²⁵. Поселения эпохи бронзы в западной Швейцарии встречаются в районе Женевы, по берегам Женевского озера, в Морже, Грансоне, у Аванша (кантон Во), по берегам Невшательского озера, а также в горных районах: Оллон (Во), Сьон, Рарон, Ценегген (Вале) ²⁶.

Ранний железный век отмечен распространением в Швейцарии гальштатской культуры: центральная и северная части Швейцарии входят в западногальштатскую область, область Верхнего Рейна лежит на юго-западной окраине южногерманской гальштатской культуры, область к югу от Роны входит в северный ареал культуры голасекка, предположительно связываемой с лигурами ²⁷. С распространением гальштатской культуры в начале первой половины I тысячелетия до н. э. среди племен, обитавших (или сменявших друг друга) на территории Швейцарии, начинается имущественное и социальное расслоение, которое особенно усилилось в позднегальштатское время, увеличивается обмен изделиями, в основном с южными областями ²⁸.

Основываясь на археологических данных, можно лишь предполагать этническую картину раннего железного века в Швейцарии. Распространение гальштатской культуры связано, видимо, с проникновением в верховья Рейна теснимых с севера германцами племен кельтского происхождения. Кельты постепенно вытесняли местное население центральных областей Швейцарии, которое трудно определить в этническом отношении в силу того, что, как было показано выше, оно проживало на территории, где длительное время происходили контакты среднеевропейских, западных и южных культур. К югу от Роны проживали разрозненные племена, вероятно, лигурского происхождения (об этом речь пойдет немного ниже).

Кельтские племена, еще немногочисленные в начале гальштатского периода²⁹, проникли на территорию Швейцарии из бассейна Рейна и достигли берегов Тунского, Цугского и Цюрихского озер на рубеже IX и VIII вв. до н. э.³⁰, заняв тем самым места, по которым пролегали древнейшие торговые пути, соединявшие западные и средиземноморские области Европы с Центральной Европой³¹. Постепенно кельты расселились на всей территории Швейцарии. Предполагается, что уже в конце бронзового века большую часть Швейцарии за исключением высокогорной Альпийской области населяли племена, относящиеся к группе кельтских (протокельтских) племен³². Кстати, рубеж IX и VIII вв. до н. э. отмечен также и большими климатическими изменениями; в частности, значительно повысился уровень воды на многих озерах, что вызвало, вероятно, миграцию населения выше в горы.

Дальнейшее развитие искусства обработки металла, а также другие качественные изменения в культуре, происшедшие в V в. до н. э., знаменовали вступление кельтского мира в латенский период, который получил свое название по раскопанному в середине прошлого века на северной оконечности Невшательского озера поселению Ла Тен³³. Этот период, длившийся до рубежа н. э., считается периодом наивысшего расцвета кельтской культуры и наибольшей экспансии кельтов в Европе³⁴. Неслучайно, наверное, что именно с этого периода упоминания о кельтах и их отдельных племенах начинают встречаться в греческих и римских письменных источниках. В частности, уже Геродот (V в. до н. э.) в своей «Истории» указывает территории, заселенные кельтами (II, 33; IV, 49).

При изучении сведений, содержащихся у античных историков и географов, в сравнении с выводами археологов обнаруживается известное расхождение в определении географических границ обитания того или иного племени, распространения той или иной культуры. Это расхождение, особенно характерное в отношении рассматриваемого периода (начало—середина I тысячелетия до н. э.), может объясняться, на наш взгляд, следующими причинами. Во-первых, сведения, поступающие к автору различными путями, были не всегда точны. Во-вторых, археологические методы

не всегда оказываются эффективными при соотнесении археологических культур с известными этнонимами.

В-третьих, информация, содержащаяся в источнике, привязана, как правило, к определенному узкому отрезку времени, тогда как именно в этот период имели место частые и довольно значительные миграции населения, и, следовательно, диахронные изменения не всегда фиксировались, в особенности, когда это касалось племен, обитавших за пределами метрополии.

В-четвертых, в античных источниках рассматриваемого периода почти никак не отражена плотность заселения той или иной территории каким-либо племенем, т. е. при этнониме, по нашим наблюдениям, почти никогда не употребляется количественный атрибут, и его порой замещает указание на территориальные границы, в пределах которых обитало племя. Информационные пары: «этноним + географические пределы обитания его носителя», хотя и не всегда, но встречаются в сочинениях большинства античных географов и историков раннего периода (например, у Гекатея, Геродота, Посидония, Полибия и др.). Это обстоятельство объясняется, видимо, тем, что нейтральный в своей позиции по отношению к материалу автор руководствовался в первую очередь тем соображением, чтобы как можно полнее описать, кто и где живет (мы имеем в виду географическо-этнографические пассажи). Противоположную тенденцию имеют некоторые более поздние сочинения, в особенности «Записки о Галльской войне» Цезаря — автора, который, имея явный политический интерес при написании своего труда, уделяет большое внимание прежде всего численности и расселению покоренных им племен и дает более подробные о них сведения (I, 5; I, 29 и др.).

Приведенные выше соображения показывают, что при реконструкции этнической истории отсутствие прямых археологических доказательств пребывания на какой-либо территории определенных племен, указанных в античном источнике, не всегда категорически свидетельствует против истинности сведений, содержащихся в письменном источнике, в особенности для территорий, которые были периферийной областью проживания какого-либо племени.

Сложным и не во всех отношениях ясным остается вопрос о пребывании в середине I тысячелетия до н. э. в западных и южных районах Швейцарии лигуров. Как уже отмечалось выше, прямые археологические доказательства отсутствуют, однако из античных источников известно, что область расселения лигуров в этот период была довольно обширной и включала Северную Италию и Юго-Восточную Галлию (точнее границы установить трудно)³⁵. Кроме того, в западных и южных районах Швейцарии зафиксирована топонимика и гидронимика лигурского происхождения³⁶. Отмечено, что в названиях некоторых местностей, в основном в кантоне Тичино и отчасти в кантонах Вале (Валлис) и Граубюнден, присутствуют суффиксы *-asca*, *-osca* и др., относимые лингвистами к языку лигуров³⁷. Установлено также, что древнее название р. Роны — Роданус — лигурского происхождения³⁸. Определен-

ный интерес в этой связи представляет собой сопоставление названий городов: столицы лигуров Генуи (Genua, ит. Genova) и древних названий таких городов, как Женева — Генва (Genva), Генуа (Genua), Генава (Genava) и Орлеан (во Франции) — Кенаб(ум) (Cenab(um)), Генаб(ум) (Genab(um)). Значение корня, лежащего в основе названия этих городов, может быть восстановлено, видимо, из их топографического положения и функционального назначения (все города — порты: Женева и Орлеан, Генуя)³⁹.

Особое значение для установления пребывания лигуров и расселения их племен в западных районах Швейцарии в середине I тысячелетия до н. э. имеет стихотворное сочинение римского историка IV в. н. э. Руфа Феста Авиена «Описание морского берега» («Ora maritima»). Если принять версию немецкого историка А. Шультена о том, что, помимо сочинений других авторов, в основу «Описания» положен более древний источник, написанный около 530 г. до н. э. и принадлежащий перу некоего мессалиота⁴⁰, то «Описание морского берега» Авиена будет, следовательно, первым письменным источником, в котором зафиксированы названия отдельных лигурских племен, обитавших на территории Швейцарии в верховьях Роны: «Затем река Родан от своих истоков течет через пределы тилангиев, далитернов, по нивам клагильков и по полям лемеников. . .» (674—677)⁴¹. Название племени лемеников исследователи связывают с древним названием Женевского озера — Lemannus (Lemen(n)us) (совр. название: Lac Léman/Lac de Genève)⁴². Немногочисленные племена лигуров проживали в западных районах Швейцарии (у Женевского озера, на территории кантона Вале) и в Тичино, вероятно, вплоть до конца V — начала IV в. до н. э., когда новая мощная волна кельтских переселений прошла с севера через территорию Швейцарии⁴³.

Дальнейшая экспансия кельтов на юг, во время которой они совершили известный поход на Рим около 390 г. до н. э., завершилась расселением различных кельтских племен в Северной Италии, в северных, западных, центральных и южных районах Швейцарии. Таким образом, в начале IV в. до н. э. на территории Западной Швейцарии обосновалось несколько кельтских племен, которые в течение IV в. до н. э. продолжали осваивать новые для них земли. В конце IV—III в. до н. э., когда кельты осели на этих землях, у них формируется единая культура, известная как латенская⁴⁴.

По сохранившимся письменным источникам расселение отдельных кельтских племен на территории Швейцарии до начала римской колонизации (конец II—начало I в. до н. э.) можно представить так (рис. 1): в западных, центральных и северных районах обитали гельветы, на территории кантона Женева в долине Роны, к югу от Женевского оз. — аллоброги, на территории кантона Вале, в долине Роны, жили четыре племени: нантуаты — к юго-востоку от Женевского озера при впадении в него Роны, верагры — в Пеннинских Альпах (окрестности Мартиньи), седуны — далее вверх по Роне с центром в городе Sedunum (совр. Сьон) и уберы —

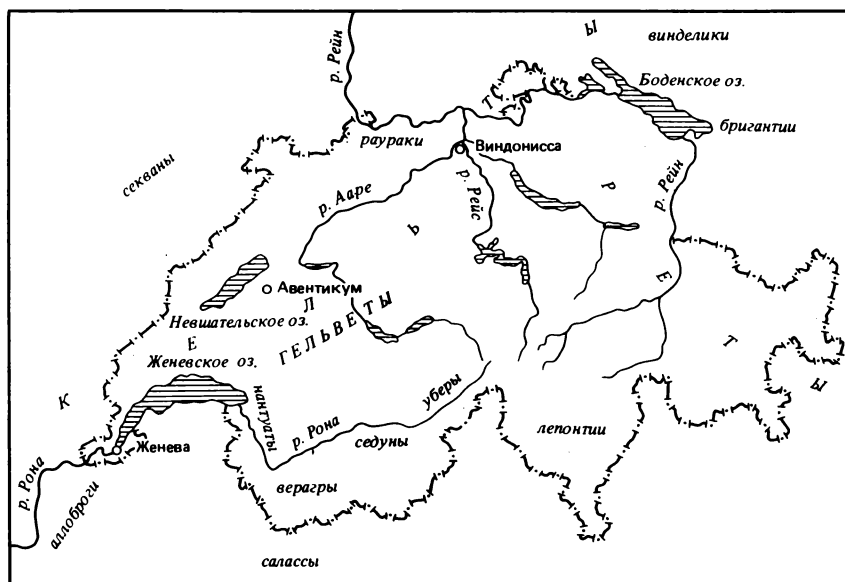

Рис. 1.
Расселение кельтских племен на территории Швейцарии в конце II—начале I в. до н. э.

в верхнем течении Роны (центр — г. Бриг). Южными соседями верагров были салассы. На северо-востоке за Рейном соседями гельветов были бригантии (около г. Брегенц) и винделики. К северу от гельветов, в районе Базеля жили раураки (или раурики), а вдоль Юры с центром в городе Весонтион (совр. Безансон) обитали секваны. Все это были кельтские племена. На территории кантона Тичино (Тессин) к югу от Лепонтинских Альп жили лепонтии. Восточную часть Швейцарии (территории кантонов Тургау, Санкт-Галлен, Аппенцель, Граубюнден) до Оберланда населяли различные племена ретов⁴⁵.

В конце II в. до н. э. сначала для юго-западной области Швейцарии, а затем, с середины I в. до н. э., и для всей Швейцарии начался новый этап в этнической истории — римской колонизации, характеризовавшийся интенсивными этнокультурными процессами. Главным содержанием этих процессов была романизация местных кельтских племен, которая явилась настоящим культурным переворотом, охватившим все сферы жизни кельтского общества⁴⁶.

Покорение римлянами западных областей Швейцарии началось в 121 г. до н. э., когда принадлежавшие аллоброгам территории к югу от Женевского озера вошли в состав римской провинции Нарбоннская Галлия. К этому моменту у аллобров было несколько городов (точнее, oppida — укрепленных крепостей):

Vienna (Вьенн) — главный город аллоброгов, Genava (Женева) и др. Женева, по словам Цезаря («Записки» I, 6, 3), была последней крепостью аллоброгов на границе с землями гельветов. Oppidum на слиянии рек Рона и Арв был сооружен, видимо, еще около 200 г. до н. э.⁴⁷ Если принять во внимание высказанные нами прежде соображения, то отнюдь не случайным покажется тогда выбор именно этого места для строительства крепости, а также то, что продвижение римлян с юга вверх по Роне застопорилось в этом узком месте коридора.

Наиболее значительным по численности племенем кельтов были гельветы, занимавшие большую часть Западной Швейцарии, сведения о которых впервые приводятся греческим историком Посидонием (около 135—55 г. до н. э.) в сохранившихся отрывках в «Географии» Страбона. Согласно Посидонию, гельветы были «племенем богатым золотом и мирным». Он также сообщает, что гельветы не были однородным племенем: во время кимврской войны (113—101 гг. до н. э.) у них было три территориальных общины (φῦλάι), из которых две были разбиты римлянами в этой войне — тигурины и тоигены (IV, 3, 193; VII, 2, 293). На то, что гельветы представляли собой союз нескольких общин, указывает также и Цезарь в своих «Записках о Галльской войне», когда пишет, что «весь народ гельветский делится на четыре пага» (I, 12) (pagus — область, район, округ). При этом Цезарь отмечает, что только одни тигурины присоединились к германскому племени кимвров во время их похода против римлян. Цезарь приводит также название еще одного пага гельветов — Вербигенского (I, 27). От гельветов происходит и латинское название Швейцарии — Helvetia (Гельвеция).

Рассказывая о том, что гельветы решили покинуть свои земли и переселиться на побережье Атлантики (анализировать причины, побудившие их решиться на этот шаг, мы не будем), Цезарь сообщает, что среди поселений гельветов, сожженных ими перед уходом, было до 12 крепостей (oppida) и около 400 деревень (vici), помимо отдельных хуторов (aedificia privata) (I, 5). Среди городов гельветов до завоевания их римлянами в Западной Швейцарии известны следующие: Noviodunum — Ньон, Eberodunum — Ивердон, Minnodunum — Мудон, Solodurum — Золотурн, Leuconna — Лозанна и др. У Цезаря приводится также и численность тех племен, которые собирались покинуть свои земли, среди них гельветов было 263 000, раураков — 23 000 (I, 29), и, хотя цифры эти воспринимаются некоторыми исследователями скептически⁴⁸, они все же позволяют судить о том, что гельветов было значительно больше, чем раураков и прочих племен. Цезарь оставил также подробное описание социальной организации и религиозных верований кельтов (VI, 12—24).

После победы войск Цезаря над гельветами у Бибракте в 58 г. до н. э. гельветы и раураки возвратились на свои земли теперь уже в качестве союзников Рима (foederati)⁴⁹. В 15 г. до н. э., когда рим-

лянами была оккупирована область, где проживали реты⁵⁰, уже вся территория Швейцарии находилась под властью Рима.

Римская колонизация по своей сути была «военной оккупацией»⁵¹, ибо, продвинув границы Империи далее на север, римлянам надо было заботиться об их надежной защите. Ввиду того, что находившиеся за Рейном воинственные германские племена представляли опасность для Империи, Риму было необходимо держать часть своих воинских формирований в пограничной области. Неслучайно поэтому уже в последние годы жизни Цезаря, в 45—44 гг. до н. э. там, где находится современный г. Ньон, была основана первая римская колония на территории Швейцарии Юлия Эквестрис (*Colonia Julia Equestris*)⁵². Немного позже в земле раураков, около Базеля, возникла и вторая колония римлян Аугуста Раурика (*Colonia Augusta Raurica*). Население обеих колоний составляли, в основном, ветераны императорских войск. Первая колония закрывала юго-западные проходы, вторая — проходы между Юрой и Рейном. Около 16—17 гг. н. э., в правление императора Тиберия на слиянии рек Рейсс и Ааре римляне возвели укрепленный военный лагерь Виндонисса (*Vindonissa*) (совр. Виндиш), который был не только крупным стратегическим оборонным пунктом на севере Швейцарии в I в. н. э. (в лагере размещался легион солдат численностью до 5000 человек, а всего в нем могло разместиться до 11 000 человек), но и большим хозяйственным, торговым и административным центром⁵³.

Еще большему хозяйственному развитию завоеванных римлянами областей Швейцарии способствовало строительство в I в. до н. э.—I в. н. э. двух важных стратегических дорог через Альпийские перевалы⁵⁴. Одна из них проходила в высокогорной восточной области через территорию ретов. В Западной Швейцарии пролегалла вторая дорога, которая вела из Аосты (*Augusta Praetoria*) через перевал Большой Сен-Бернар (*Summus Penninus*), через Мартиньи (*Octodurus*), Массонже (*Turnaiae*), Вильнёв (*Penneloci*), Ве́ве (*Viviscus*), Орон-ла-Виль (*Uromagus*), Мудон (*Minnodunum*), Аванш (*Aventicum*), Биль (*Petinesca*), Золотурн (*Solodurum*), к Базелю и Виндишу (*Vindonissa*). Кроме того, римлянами была построена дорога, проходившая по берегу Женевского озера от Женевы через Ньон, Лозанну к Ве́ве. Трудно переоценить значение этих дорог (построенных в основном для военных целей) в ускорении хозяйственного, экономического, торгового и культурного развития в период римской колонизации тех районов Швейцарии, по которым они пролегалли.

Вдоль дорог основывались, росли и укреплялись многочисленные города и поселения: перестраивались старые кельтские селения, строились новые. Наряду со строительством дорог количественный рост городов и поселений был наиболее значительным и во всех отношениях наиболее зримым этапом в романизации местного населения⁵⁵. Дороги и города несли в провинции культуру Рима, все достижения римской цивилизации. Привлекаемое в качестве рабочей силы при строительстве дорог, городов, различ-

ных зданий местное население перенимало и осваивало передовые по тем временам технические приемы, более совершенную технологию. Колонизаторы принесли в провинции и свою римскую городскую культуру: об этом свидетельствует типично римская планировка улиц и зданий, разбивка города на кварталы, возведение форумов, храмов, театров, акведуков, терм и многое другое.

С появлением таких новшеств, как театр и бани, менялся и повседневный уклад жизни кельтов. О необычайной популярности театральных представлений, боев гладиаторов свидетельствует тот факт, что в Авентикуме, например, амфитеатр и театр могли одновременно вместить около 12—14 тыс. человек каждый. Активное вовлечение местного населения в городскую жизнь было одним из важных элементов аккультурации кельтских племен римлянами. Немало способствовали этому и многочисленные торговые базары, имевшиеся едва ли не в каждом придорожном селении, а тем более в городах. Рост городов дал толчок повсеместному развитию не только торговли, но и различных ремесел. Ремесленники и торговцы были объединены в соответствующие корпорации (*collegii*). Поражали своим великолепием и богатством внешней и внутренней отделки (мозаикой, настенной росписью) созданные руками местных мастеров каменные городские постройки (*villae urbanae*) и не уступавшие им в роскоши многие сельские виллы (*villae rusticae*)⁵⁶.

Между тем процесс романизации местного населения в занятых римлянами областях Швейцарии протекал не во всех из них равномерно и одинаково интенсивно, хотя им была охвачена вся территория Швейцарии. Западные и южные районы были романизованы раньше, чем северо-восточные, и сам процесс романизации протекал в них более интенсивно⁵⁷. Это объясняется, видимо, рядом взаимообусловленных причин: во-первых, территории кантонов Женева, Во и Вале (Валлис) были заняты римлянами несколько ранее других областей Швейцарии. Во-вторых, сеть дорог в Западной Швейцарии была более густой и разветвленной, чем в остальных районах. В-третьих, там же в основном было сосредоточено большинство городов и поселений, из чего следует, в-четвертых, что плотность заселения этих районов местным населением и римлянами была наиболее высокой, и, в-пятых, частота контактов между римлянами и кельтскими племенами была там, разумеется, тоже высокой. «Во времена Цезарей, — писал в конце прошлого века швейцарский историк Б. Ван-Мюйден, — западную Гельвецию можно было считать сердцем страны»⁵⁸.

Процесс романизации охватывал не только сферы хозяйственно-экономической жизни местных племен, где модель Рима оказалась наиболее влиятельной и почти вытеснила традиционный уклад, но и области общественных отношений и духовной культуры, где в результате активного взаимодействия кельтских и римских элементов сложилась и получила широкое распространение своеобразная кельто-романская культура. Внедряя в провинциях свои общественные институты, римляне, тем не менее, предостав-

ляли местному населению определенную свободу, например, в самоуправлении, отправлении религиозных культов.

Большую роль в становлении кельто-романской (точнее, гельвето-романской) культуры играл, несомненно, в I—III вв. н. э. главный город гельветов Авентикум (Aventicum), получивший в 73 г. н. э. статус колонии (Colonia Pia Flavia Constans Emerita Foederata Helvetiorum), а его жители обрели римское гражданство⁵⁹. Авентикум по тем временам был самым крупным городом в Швейцарии, в нем постоянно проживало до 20 000 человек. В управлении городом и колонией принимали участие, помимо римских чиновников, также и представители местной знати, выдвигавшиеся по линии административной и военной, ибо служба в администрации и военная карьера облегчали приобретение римского гражданства, дававшего определенные льготы и преимущества. Если в I в. до н. э. римское гражданство имели лишь обосновавшиеся в колониях ветераны императорских войск, то уже в I в. н. э. его все чаще начинают получать представители местных племен: гельветы, раураки, секваны, реты, аллоброги (жители Жюневы стали римскими гражданами в 41 г. н. э.).

Важным событием для четырех племен, населявших Вале, явилось их объединение в административный округ Civitas Vallensium, центром его был Octodurus (Мартиньи), называвшийся с 47 г. н. э. Forum Claudii Vallensium. Начиная с I в. н. э. набор в римскую армию стал осуществляться также и из местного населения. Служба в армии, участие в политической и административной жизни немало способствовали романизации кельтских племен⁶⁰.

Важнейшим фактором романизации была языковая ассимиляция кельтского населения. Язык завоевателей был языком управления, официальных документов, армии, на нем говорили в школах, которые создавались римлянами с целью обучения местного населения, приобщения его к римской культуре. Период I в. до н. э.—I в. н. э. был переходным в языковой ассимиляции. В этот период наряду с новыми римскими названиями, которые римляне присваивали старым кельтским и новым поселениям, возникают и такие их формы, в которых римское имя собственное сочеталось с кельтским корнем⁶¹. В сохранившихся надписях, относящихся к рубежу н. э., отражен также и тот факт, что в среде местной знати в качестве родового было принято, как правило, римское имя, тогда как личное имя оставалось кельтским и сменялось полностью на римское в третьем—четвертом поколениях⁶². Из сотен надписей, сохранившихся на территории Швейцарии, лишь некоторые — кельтские (в основном переходного периода), тогда как латинские составляют подавляющее большинство⁶³.

Латынь, употреблявшаяся в повседневной жизни как средство языкового общения, в своей устной форме, видимо, уже в период I—II вв. начала приобретать местные диалектные особенности, ибо взаимодействовала с говорами местных племен. Возникновение различных местных диалектов народной латыни в основ-

ном соответствовало территориальному расселению кельтских племен.

Это отразилось также и на территориально-административном разделении Западной Швейцарии в I—III вв.: Женева и аллобруги входили в провинцию Нарбоннская Галлия (*Gallia Narbonensis*), гельветы, секваны и раураки — в провинцию Бельгийская Галлия (*Gallia Belgica*), позднее Верхняя Германия (*Germania Superior*), четыре племена, населявшие Вале, — в провинцию Грайские и Пеннинские Альпы (*Alpes Graiae et Poeninae*). В какой-то степени сепарации раураков от гельветов способствовало и основание колонии Августа Рурика⁶⁴.

Важным средством романизации было и внедрение римской религии⁶⁵, обряды друидов были со временем повсеместно заменены римскими языческими обрядами. Каждый город имел один, а то и несколько храмов, посвященных римским богам, повсюду был распространен культ императоров. При этом, однако, в основном из политических соображений римляне не допускали разрушения кельтских святилищ, в одних местах они полностью сохранялись, в других — рядом с ними возводились римские храмы. Можно говорить даже о некотором синтезе римской и кельтской религий.

Наряду с римскими богами почитались и местные божества: в Авентикуме и Женеве, например, воздвигались храмы и статуи, посвященные местным кельтским божествам — богиням-покровительницам этих городов Авентии и Геневе, при этом в Авентикуме с ними соседствовали храмы Аполлона и Марса, в Женеве — храм, посвященный Минерве. Нередко происходила контаминация римских божеств с местными, показательно при этом, что уже Цезарь в своих «Записках о Галльской войне» называл отдельные кельтские божества именами римских богов (VI, 17).

В IV в. на территорию Швейцарии начинает проникать христианство. Первые христианские надписи, относящиеся к 377 г., были обнаружены в г. Сьон (кантон Вале). Провозглашенное в 380 г. при императоре Феодосии государственной религией Римской империи христианство повсеместно стало вытеснять языческие верования. В конце IV—V в. кельто-романское население Швейцарии было почти полностью христианизировано, особое распространение процесс христианизации получил в Западной Швейцарии.

Примечательно, что некоторые первые христианские храмы возводились на месте (т. е. буквально на фундаментах) прежних языческих святилищ⁶⁶. С конца IV в. на территории Швейцарии начала складываться церковная христианская организация⁶⁷.

Из пяти первых епископальных городов четыре находились в Западной Швейцарии: епископы были посажены в Октодурсе (Мартиньи), Женеве, Базеле и Авентикуме. Начали появ-

ляться первые монастыри. В Агонском монастыре (около совр. Сен-Мориса, кантон Вале) с начала V в. зародился и получил распространение культ первого швейцарского святого — мученика Св. Мориса. Христианизация способствовала сплочению местного населения, однако церковь еще не была той могущественной силой, соперничавшей со светской властью, какой она стала на последующих исторических этапах⁶⁸.

Как уже было показано выше, в силу многих причин западные области Швейцарии были романизованы в социально-экономическом, языковом и культурном отношениях в большей степени, чем северо-восточные. Неравномерность романизации отдельных областей страны сказалась и в последующую историческую эпоху — в раннем средневековье, когда на территории Швейцарии обосновались германские племена бургундов и алеманнов. Именно этим обстоятельством и может, по всей видимости, объясняться тот факт, что бургунды, занявшие в наибольшей степени романизованные и более густо заселенные западные районы Швейцарии, восприняли язык и культуру романизованных кельтов, тогда как в наименее романизованных северо-восточных районах, большинство населения которых покинуло свои земли и переселилось на запад в начале V в., господствующее положение заняли язык и культура осевших на этих опустевших незадолго до их прихода землях алеманнов⁶⁹.

Таким образом, в первой половине V в. в результате нашествий алеманнов и бургундов относительное языковое и культурное единство романизованного населения Швейцарии было нарушено, а в последующие века установилась наиболее древняя языковая и культурная граница между северо-восточными областями, где возобладали германские (алеманнские) наречия и германская культура, и западными, где бургунды переняли язык и обычаи кельто-римлян. Граница эта в основном совпадает с современной языковой границей между франкошвейцарцами и германошвейцарцами⁷⁰.

Недолгое господство алеманнов и бургундов, сменившееся в 534 г. владычеством франков, знаменовало собой вступление Швейцарии в новый этап ее этнической истории, специфика которого состояла в начавшемся процессе окончательного обособления отдельных областей Швейцарии в их социальном и этнокультурном развитии⁷¹.

¹ Брук С. И. Население мира. М., 1986. С. 270; Листова Н. М. К вопросу о формировании швейцарской национальной общности // Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981. С. 139.

² Ducrey P. L'empreinte des anciennes civilisations // Nouvelle Histoire de la Suisse et des Suisses. Lausanne, 1982. Vol. 1. P. 20.

³ Dubois A., Stehlin H. C. La grotte de Cotencher, station moustérienne // Mémoires de la Société paléontologique suisse. Bâle, 1932. Vol. 52—53; Bächler E. Das Alpine Paläolithikum der Schweiz. Basel, 1940; Bächler H. Wildkirchli, Drachen-

- loch und Wildermanlisloch // Urgeschichte der Schweiz / Hrsg. von O. Tschumi. Frauenfeld, 1949. Bd. 1. S. 409—450; *Jequier J.-P.* Le Moustérien alpin. Yverdon, 1975.
- ⁴ *Bandi H. G.* Die Schweiz zur Rentierzeit. Kulturgeschichte der Entierjäger am Ende der Eiszeit. Frauenfeld, 1947; *Guyan W. U.* Mensch und Urlandschaft der Schweiz. Zürich, 1954. S. 62—67.
 - ⁵ *Wyss R.* Zur Erforschung des schweizerischen Mesolithikums // *Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*. 1960. H. 2/3. S. 55—69; *Wyss R.* Das Mesolithikum // *Repertorium der Ur- und Frühgeschichte der Schweiz*. Basel, 1961. H. 6. S. 37—43. Taf. 16—19.
 - ⁶ *Keller F.* Die Keltischen Pfahlbauten in den Schweizerseen. 2. Aufl. Zürich, 1865; *Désor E.* Les constructions lacustres du lac de Neuchâtel comprenant les âges de la pierre, du bronze et du fer. Neuchâtel, 1864; *Ischer T.* Die Pfahlbauten des Bielersees. Biel, 1928; *Vouga P.* Le néolithique lacustre ancien. Neuchâtel, 1934; *Хрущев И. П.* О свайных постройках в Швейцарии // *Хрущев И. П.* Сборник литературных, исторических и этнографических статей и заметок. СПб., 1901. С. 222—238; *Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Л., 1947. Ч. 2. С. 184—203.
 - ⁷ *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С. 248.
 - ⁸ *Равдоникас В. И.* История. . . С. 186; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. С. 248—256; *Vogt E.* Pfahlbaustudien. Schaffhausen, 1954; *Idem.* Urgeschichte // *Handbuch der Schweizer Geschichte*. Zürich, 1972. Bd. 1. S. 34—38; *Sauter M.-R.* Switzerland from earliest times to the Roman conquest. London, 1976. P. 73—78; *Ducrey P.* L'empreinte. . . P. 53.
 - ⁹ См.: *Листова Н. М.* К вопросу. . . С. 137. Она же. Национальный состав населения Швейцарии // *Этнические процессы в странах Зарубежной Европы*. М., 1970. С. 36.
 - ¹⁰ См.: *Ван-Мюйден Б.* История швейцарского народа. СПб., 1896. Т. 1. С. 2.
 - ¹¹ Так, например, Ф. Келлер, первый исследователь свайных построек в Швейцарии, связывал их с кельтами. См. примеч. 6.
 - ¹² *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. С. 87.
 - ¹³ *Vogt E.* Das steinzeitliche Uferdorf Egolzwil // *Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*. Zürich, 1951. Bd. 13. S. 193—215; *Idem.* Der Stand der Neolithischen Forschung in der Schweiz // *Jahrbuch des Schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte*. 1964. Bd. 51.
 - ¹⁴ *Sauter M.-R.* Switzerland. . . P. 18, 20.
 - ¹⁵ *Ibid.* P. 157.
 - ¹⁶ *Ibid.* P. 19.
 - ¹⁷ *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. С. 143, 198, 246, 254, 289; *Он же.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 51, 59, 65, 131, 174, 229, 243.
 - ¹⁸ *Sauter M.-R.* Le Néolithique de Valais // *Festschrift für Otto Tschumi*. Frauenfeld, 1948. S. 40.
 - ¹⁹ *Gonzenbach V. von.* Die Cortaillod Kultur in der Schweiz. Basel, 1949. S. 3—4.
 - ²⁰ *Baer A.* Die Michelsberger Kultur in der Schweiz. Basel, 1959.
 - ²¹ *Sauter M.-R.* Switzerland. . . P. 44—50.
 - ²² *Ibid.* P. 62—63.
 - ²³ Статистику см.: *Spahni J.-C.* Les Mégalithes de la Suisse. Caractéristiques et distribution géographique. Bâle, 1950.
 - ²⁴ *Филип Ян.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961. С. 18.
 - ²⁵ *Vogt E.* Urgeschichte. S. 44.
 - ²⁶ *Sauter M.-R.* Switzerland. . . P. 80—81.
 - ²⁷ *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 151.
 - ²⁸ *Drack W., Schib K.* Illustrierte Geschichte der Schweiz. Zürich, 1958. Bd. 1. S. 58—60; *Sauter M.-R.* Switzerland. . . P. 120—122.
 - ²⁹ *Hubert H.* Les Celtes et l'expansion celtique jusqu'à l'époque de la Tène. Paris, 1973. P. 259.
 - ³⁰ *Ibid.* P. 258.
 - ³¹ *Sauter M.-R.* Switzerland. . . P. 108—109.
 - ³² *Ibid.* P. 112.
 - ³³ См.: *Viollier D.* Les sépultures du second âge du fer sur le plateau Suisse. Genève,

- 1916; Vouga P. La-Tène. Leipzig, 1923; Hubert H. Les Celtes depuis l'époque de la Tène et la civilisation celte. Paris, 1974.
- ¹⁴ См.: Филлип Ян. Кельтская цивилизация. . .; Hubert H. Les Celtes depuis l'époque de la Tène. . .
- ¹⁵ См.: Kiepert H. Atlas antiquus. 19. Aufl. Weimar, 1884. S. 33; Idem. Lehrbuch der Alten Geographie. Berlin, 1878. S. 398—399, 499, 505.
- ¹⁶ Arbois de Jubainville H. d'. Les premiers habitants de l'Europe d'après les écrivains de l'antiquité et les travaux des linguistes. Paris, 1889. Vol. 1. P. 368; Jullian C. Histoire de la Gaule. Paris, 1924. Vol. 1. P. 110—192.
- ¹⁷ Arbois de Jubainville H. d'. Les premiers habitants de l'Europe. . . Paris, 1894. Vol. 2. P. 68—70; Staehelin F. Die Schweiz in römische Zeit. 3. Aufl. Basel, 1948. S. 6.
- ¹⁸ Kiepert H. Lehrbuch. . . S. 501; Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 6.
- ¹⁹ Kiepert H. Lehrbuch. . . S. 508; Jullian C. Histoire de la Gaule. Paris, 1920. Vol. 2. P. 243; Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 8; Broise P. Un demi-millénaire de romanité // Histoire de Genève. Toulouse, 1974. P. 21.
- ²⁰ «Описание морского берега» Авиена с комментариями А. Шультена опубликовано в кн.: Fontes Hispaniae Antiquae. Berlin; Barcelona, 1922. 1. О других взглядах на сочинение Авиена см.: Мишулин А. В. Испания в памятниках античности // Вестн. древ. истории. 1939. № 2(7). С. 200—202; Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 4.
- ²¹ Руф Фест Авиен. Описание морского берега / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 2(7). С. 237.
- ²² Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 7.
- ²³ Philipp H. Beiträge zur Bevölkerung und Kartographie der Schweiz bei Avien, Caesar, Strabo, Ptolemaeus und deren Vorlagen // Norden E. Die Germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. 4. Aufl. Darmstadt, 1959. S. 478; Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 29.
- ²⁴ Filip J. Keltové ve strědni Evropě. Praha, 1956. S. 506; Sauter M.-R. Switzerland. . . P. 130—144.
- ²⁵ О ретах см.: Красновская Н. А. К вопросу об этногенезе ретороманцев // СЭ. 1964. № 1. С. 89—101; Она же. Фриулы. М., 1971. С. 37—48.
- ²⁶ Филлип Ян. Кельтская цивилизация. . . С. 178—185; Guyan W. U. Mensch und Urlandschaft. . . S. 175—201.
- ²⁷ Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 38—39.
- ²⁸ Ibid. S. 73—74; Sauter M.-R. Switzerland. . . P. 145.
- ²⁹ Reinhardt L. Helvetien unter den Römern. Geschichte der römischen Provinzialkultur. Berlin; Wien, 1924.
- ³⁰ Schön F. Der Beginn der römischen Herrschaft in Rätien. Sigmaringen, 1986.
- ³¹ Martin W. Histoire de la Suisse. 7-ème ed. Lausanne, 1974. P. 13; Ср. также: Lanzel P. Die Rätoromanen. Leipzig, 1936. S. 5.
- ³² Müller J. J. Nyon zur Römerzeit. Ein Bild der römischen Colonie Julia Equestris Noviodunum. Zürich, 1875.
- ³³ Fellmann R. Die Grabungen in Legionslager Vindonissa in Jahre 1953. Frauenfeld, 1954; Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 130—139.
- ³⁴ Drack W., Schib K. Illustrierte Geschichte. . . S. 99—100; Hyde W. W. Roman Alpine routes. Philadelphia, 1935; Walser G. Die römische Strassen in der Schweiz. Bern, 1967. Bd. 1.
- ³⁵ Ducrey R. L'empreinte. . . P. 66.
- ³⁶ Drack W. Die Römische Wandmalerei der Schweiz. Basel, 1950; Bessire P.-O. Histoire du peuple Suisse. Porrentruy, 1955. T. 1. P. 22—23; Genzenbach V. von. Die römischen Mosaiken der Schweiz. Basel, 1961; Brenk B. Die romanische Wandmalerei in der Schweiz. Bern, 1963; Ducrey P. L'empreinte. . . P. 75—76.
- ³⁷ Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 324, 494.
- ³⁸ Ван-Мюйден Б. История. . . С. 297; ср. также: Forel F. Régeste soit répertoire chronologique de documents relatif à l'histoire de la Suisse romande. Première série: Dès les premiers temps jusqu'à l'an 1316. Lausanne, 1862. P. XXV.
- ³⁹ Schwarz G. T. Die Kaiserstadt Aventicum. Bern; München, 1964.
- ⁴⁰ Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 247—251.
- ⁴¹ Ibid. S. 128.
- ⁴² Ibid. S. 494—496; Broise P. Un demi-millénaire. . . P. 51.

- ⁶³ Inscriptiones confoederationis helveticae Latinae / Ed. Theodorus Mommsen. Turici (Zürich), 1854; Nachtrag zu den inscriptiones confoederationis helveticae latinae. Zürich, 1865; Die Römische Schweiz: Texte und Inschriften mit Übersetzung / Hrsg. von Ernst Howald, Ernst Meyer. Zürich, 1940; Walser G. Römische Inschriften in der Schweiz. Bern, 1979—80. Bd. 1—3.
- ⁶⁴ Ducrey P. L'empreinte. . . P. 53.
- ⁶⁵ Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 499—591.
- ⁶⁶ Ita B. Antiker Bau und Frühmittelalterliche Kirche. Historisch-Kritischer Katalog Schweizerischer Kirchen mit antiken Fundamenten. Zürich, 1961.
- ⁶⁷ Egli E. Kirchengeschichte der Schweiz bis auf Karl den Grossen. Mit Abbildungen zeitgenössischer Denkmäler. Zürich, 1893.
- ⁶⁸ Guyer S. Die christlichen Denkmäler des ersten Jahrtausends in der Schweiz. Leipzig, 1907; Büttner H. Müller I. Frühes Christentum im schweizerischen Alpenraum. Zürich; Köln, 1967.
- ⁶⁹ Staehelin F. Die Schweiz. . . S. 324.
- ⁷⁰ Marchal G. P. Les racines de l'indépendance // Nouvelle Histoire de la Suisse et des Suisses. Lausanne, 1982. Vol. 1. P. 106—109.
- ⁷¹ См.: Новиков М. Н. К вопросу о формировании этнических границ в ранне-средневековой Западной Европе (На примере Швейцарии) // Сов. этнография. 1988. № 5. С. 94—101.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЭТНОСА

(СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В V—VI ВВ.)

Е. А. Шервуд

На образование современных народов немалое влияние оказало так называемое «Великое переселение народов». Речь в данном случае идет не столько о миграциях племен и народов в I тысячелетии н. э., но и о тех этнических контактах, в которые они вступали друг с другом. При этом необходимо учитывать, что формирование новых этнических общностей могло идти разными путями: либо аборигенное население почти полностью уничтожалось и лишь ничтожная его часть включалась в состав «общества-завоевателя», либо отношения между этническими группами складывались в духе терпимости, с вытекающими отсюда различными последствиями, либо завоеватели поглощались завоеванными или наоборот и т. п. Как бы то ни было, в любом из случаев контакта общностей в указанную эпоху происходила такая расстановка групп, которая сыграла заметную роль в дальнейшей этнической истории народов Европы и сама составила часть этой истории периода зарождения раннеклассовых обществ на европейском континенте. «Какими бесплодными ни представляются эти четыреста лет, — писал Ф. Энгельс, — они оставили *один* крупный результат: современные национальности, новое формирование и расчленение западноевропейской части человечества для грядущей истории»¹. Касаясь вопроса о роли эпохи «Великого переселения народов» в генезисе новых народностей, академик Ю. В. Бромлей указывает, что «представляется существенным особо обратить внимание на те переселения народов, которые были связаны со становлением и развитием раннеклассовых отношений».² Таким образом, исследователь подчеркивает важность рассмотрения социально-экономических моментов при межэтнических контактах. При этом он выделяет при столкновении автохтонного населения с переселенцами тройкий характер социальных взаимоотношений последних: «1) завоеватели навязывают побежденным собственный способ производства; 2) победители оставляют без изменений способ производства побежденных, довольствуясь данью; 3) происходит взаимодействие двух способов производства — завоевателей и побежденных, в ходе которого возникает новый способ производства.»³

«Горячими точками» Западной Европы I тысячелетия н. э. являлись регионы, где происходило взаимодействие не только разноэтнических культур, но и общностей, находившихся на различных стадиях социально-экономического развития. Контакт общностей

в этих районах в указанный период складывался первоначально из отношения к перераспределению средств производства, главным из которых была земля, и лишь потом в зависимости от характера последнего вступало в силу различное взаимоотношение способов производства завоевателей и побежденных.

Отчетливо проследить процесс взаимодействия народов с разным общественным строем можно на примере социозэтнической истории Италии V—VI вв. н. э., территория которой подверглась в это время завоеванию различными варварскими племенами — остготами и лангобардами, находившимися на уровне разложения первобытнообщинного строя. Происходило взаимодействие двух этнических групп, одна из которых строила свое использование земельной площади как средства производства на базе разложения первобытнообщинных отношений, другая — на базе отживающего рабовладельческого строя; но и та и другая группы, несмотря на различные основы этого использования, в своем социально-экономическом развитии шли по одному направлению — к возникновению находившихся пока только в зачаточном состоянии раннефеодальных отношений. Цель была одна, но исходные точки движения были разные, что создавало при переплетении двух систем своеобразный социально-экономический аспект взаимоотношения этнических групп.

Для того чтобы выявить основные черты этого аспекта, отправным моментом исследования возьмем период, когда была окончательно оформлена римская налоговая система. Она зафиксирована в Кодексе императора Феодосия (первая половина V в.) и Уложении императора Юстиниана (7 апреля 529 г.), в которых основной акцент делался на введении общего поимущественного налога — *jugatio* или *capitatio terrena*. Распространенный ранее на провинции Римской империи, а теперь введенный на территории самого Апеннинского полуострова, он характеризовался тем, что налоговая единица *jugum* (или *caput*) взималась исключительно с имущества налогоплательщика⁴. Этим налогом облагались *possessores*, т. е. в основном крупнейшие землевладельцы (владельцы по эмфитезному договору). Наряду с ними налог должны были платить мелкие и свободные землевладельцы⁵. Лишь колонны и арендаторы на кратковременный срок были освобождены от него. Они вносили подушную подать (*capitatio plebeja* или *capitatio humana*). Возможно, ее уплачивали и указанные выше поссессоры⁶. Правда, существует не вполне обоснованное мнение, что и колонны вносили поземельный налог (*tributum*)⁷. Нельзя с достоверностью утверждать, действительно ли в Уложении Юстиниана *rusticana plebs* означает колоннов⁸. Под этим наименованием могли скрываться также свободные и частично зависимые мелкие землевладельцы. Помимо того, *annona congrua* (т. е. повсеместный сбор податей с продукции) не означала впоследствии поземельный налог⁹. В одном из документов от 319 г. мелкие землевладельцы, платившие налог, четко противопоставляются колоннам. В нем указывается, что ни один из декурионов не мог отвечать *pro alio decurione vel territo-*

gio (за другого декуриона или территорию), но только в делах своего tributum (налога) или своих coloni (колонов) или tributarii (трибутариев). Последние же являлись свободными землевладельцами, проживающими на территории, зависимой от данного декуриона¹⁰. Но так как они были записаны в арендном реестре декурионов и те несли ответственность за них, то трибутарики в силу этого положения попадали в зависимость¹¹. Вследствие этого они начинают называться censibus adscripti (приписанные к податным спискам) или просто adscripticii (приписанные).

Мнение, что колоны также вносили поземельный налог, происходит от совпадения адъектированных наименований трибутарики и колонов, подчеркивающих не внутреннее, но внешнее сходство выполняемых ими функций. Колоны как объекты поземельного налога, поскольку они были приписаны к земельным участкам и являлись неотрывной частью системы «земельный надел—колон», также нередко именовались в документах adscripticii. Внешнее их сходство с трибутариками проявлялось лишь в том, что оба слоя итало-римского населения платили подушную подать¹². Однако в одной из конституций Уложения императора Юстиниана зафиксировано и четкое отличие колона от трибутарика, в ней устанавливается, что coloni censibus adscripti (т. е. колоны, приписанные к податным спискам) не имеют права вносить жалобы против своего господина¹³. Таким образом, если колон как существо одушевленное и рассматривался в качестве субъекта подушной подати, то как одно из звеньев системы «земельный надел—колон» он выступал как объект поземельного налога. Не сами колоны вносят поземельную подать, но данный налог берется через посредничество колона с того земельного участка, к которому он приписан. Совершенно ясно это выступает в ряде конституций, устанавливающих, что в случае бегства колона к другому землевладельцу этот последний (а не сам колон) должен заплатить в государственный фиск не выполненные прежним владельцем (вследствие уменьшения количества iuga) подати, а также прежнему владельцу за утраченную арендную плату¹⁴. И хотя этот слой населения в V—VI вв. продолжал расти как за счет разорившихся мелких землевладельцев, так и за счет посаженных на землю рабов, и в то же время наметилась определенная тенденция к отождествлению как по названию, так и в правовом отношении, трибутарики с колонами, что являлось отражением феодализации итало-римского общества, вплоть до падения в 476 г. Римской империи понятие tributarii означало прежде всего налоговых субъектов, но не объектов, как coloni. В этом принципиальное отличие одних от других. Тем более что трибутариками являлись также поссессоры, поскольку они платили поземельный налог.

Итак, варварским племенам, вторгшимся в Италию в V—VI вв., пришлось вступить в контакт не просто с однородной массой итало-римского населения, но с тремя различными как в социальном, так и в этническом отношении, группами: крупными землевладельцами, малочисленным слоем итало-римского населения; мелкими и средними земельными собственниками, представлявшими основу

итало-римского общества; колонами с рабами, состав которых комплектовался из представителей различных племен и народов древности. Колоны и рабы в итало-римском обществе в большинстве своем были лишены какого-либо этнического своеобразия. Кроме того, они по своему положению нередко были более тесно связаны с крупными собственниками, землей которых они в основном и пользовались. Это увеличивало их отрыв от массовой культуры, но и не приближало в то же время к замкнутой элитной культуре. В итоге германская культура пришла в соприкосновение с двумя культурными слоями, среди которых были свободные мелкие и средние землевладельцы и поссессоры с колонами и рабами. В зависимости от того, на какие слои общества было направлено в первую очередь внимание германцев при перераспределении средств производства, и вырабатывался характер последующих этнокультурных процессов в Италии V—VI вв.

Первое массовое поселение в Италии германских племен произошло в период вторжения восточных гот¹⁵. Остготы (*ostgothi*), остроготы (*ostrogothi*) или грейтунги (*greutungi*) являлись восточной ветвью готского племенного союза. Во второй половине IV в. они образовали во главе с Эрманихом большой племенной союз, в который также влились другие германские, скифо-сарматские и славянские племена. В 375 г. этот союз был разгромлен гуннами. Вместе с гуннами остготы переправились в Паннонию. В середине V в. они освободились от гуннского владычества. Именно с этого времени начинается их более тесное знакомство с итало-римской культурой. Часть остготов поступает в качестве наемников на службу к западным и восточным римским императорам.

В 476 г. один из германских военачальников Одоакр, находившийся на службе у итало-римлян, свергает с престола последнего римского императора Ромула Августа. Западная Римская империя прекращает свое существование. До массового вторжения в Италию остготов остается 12 лет. Произошли ли изменения в описанной выше социальной расстановке среди итало-римского населения во времена господства Одоакра (476—493 гг.)? Правление Одоакра было слишком коротким, чтобы повлиять на существовавшие до него распорядки в жизни Северной Италии. Несмотря на то что Одоакр попытался затронуть систему распределения средств производства, его воины были наделены земельными участками, поскольку они требовали вместо $\frac{1}{3}$ жилья и зерна предоставления $\frac{1}{3}$ земли из владений фиска¹⁶. Кроме того, остались назначенные Одоакром управители из местного итало-римского населения, которые и продолжали собирать подати¹⁷.

В 488 г. около 100 тыс. остготов, включая женщин и детей, во главе с Теодорихом начали завоевание Италии. С ними шло 50 тыс. представителей других племен и народов. В 493 г. они окончательно сломили сопротивление воинов Одоакра и основали остготское королевство, включающее Италию, Сицилию, Предальпийскую область, Далмацию, а с 510 г. и Прованс.

Господство остготов не внесло каких-либо существенных изме-

нений в этническую ситуацию и социально-экономическую жизнь Италии¹⁸. Земельный раздел, происходивший под руководством римского патриция и сенатора Петра Марцеллина Феликса Либерия, занимавшего пост префекта претория в правительстве короля остготов Теодориха¹⁹, был важной уступкой со стороны остготов землевладельческой аристократии Италии. Деятельность комиссии Либерия была направлена на то, чтобы наделить остготов участками за счет конфискации земель у тех новых землевладельцев, которые приобрели их в предшествующий период правления Одоакра, но отнюдь не за счет итало-римлян вообще и крупных итало-римских землевладельцев, в частности. Основная масса готов была расселена в северной Италии на земельных участках воинов Одоакра, в то время как в остальной части Италии раздела земель не производилось²⁰. Внимание остготов было направлено главным образом на бывшие земли фиска. Поэтому, из-за малочисленности готских поселенцев, не все колонны и арендаторы, пользовавшиеся ранее этими землями и продолжавшие по наследству уплачивать вместо воинов Одоакра терцию, т. е. $\frac{1}{3}$ от плодов земли, остготам, подпали под власть последних. В этом случае терция в виде дани с колонов поступала в фиск²¹. Пожалование же земельного участка остготу влекло за собой скассирование дани в виде терции с колонов и рабов²². Если земельное владение остгота было расположено рядом с владением итало-римлянина, то иногда наблюдалось, особенно при соседстве с мелкими арендаторами и колонами, совместное пользование общинными угодиями тех и других (*praediorum communio*)²³. И поскольку основная масса готов осела в северной и средней части Италии, подобное отношение к распределению средств производства способствовало, как это ни парадоксально, сохранению массовой итало-римской культуры. Помимо локализации остготской культуры, возрос удельный вес свободного крестьянского землевладения. Наделы стали превращаться в аллоды с использованием труда рабов и колонов. Наряду с общинниками-остготами в Италии сохранился значительный слой свободных итало-римских землевладельцев — от мелких до крупных (*possessores*), игравших огромную роль во всех сферах жизни общества. Нужно обратить внимание на то, что поземельный налог оставался в силе и в дальнейшем. Может быть, его распространили даже и на готов²⁴, хотя и с некоторыми ограничениями²⁵. Но о *capitatio plebeja* в источниках уже не упоминается. Разгром остготского королевства и византийское господство (555—568 гг.) означали полный возврат к прежнему римскому устройству. *Jugatio* облагают прежних *possessores*²⁶, нижестоящие платят подушную подать. Немногие изменения в системе хозяйственных отношений вызвали конфискацию имущества отдельных готов в пользу казны. Терции не вернулись к собственникам, но стали принадлежностью казны²⁷. Не исключено, что часть остготских собственников осталась на своих землях²⁸. Следствием явилось увеличение императорских удельных земель. Наряду с этим возросло богатство монастырей и церквей. Под их опеку

отдавались мелкие землевладельцы, которые не в состоянии были платить подати²⁹.

Таким образом, лангобарды (langobarden), вторгшиеся в Италию в 568 г.³⁰, испытали влияние окрепшей и уцелевшей массовой итало-римской культуры, а также разобщенной культуры представителей различных племен и народов.

Уже сам факт странствований лангобардов от Скандинавии до Италии³¹ способствовал тому, что этот племенной союз подвергался разносторонним этническим влияниям. Недаром исследователи, занимавшиеся историей лангобардов, отмечают в своих трудах тесное родство лангобардского права с древнескандинавским³² или саксонским³³, а также, исходя из близости лангобардов по языку и обычаям англосаксам, приходят к мысли о происхождении их либо от англов³⁴, либо от саксов³⁵. В трудах, затрагивающих историю лангобардов, отмечается и культурное влияние баваров³⁶. Конечно, вести происхождение лангобардов, являющихся одним из племен, входящих в герминонскую ветвь германского мира в целом, от англосаксов, представляющих собой одно из отделений ингевонской ветви, необоснованно. Но контакт с этими племенами на нижней Эльбе, а затем даже и при миграциях не мог не сказаться на влиянии указанных племен на лангобардскую культуру. Лангобарды признавали свою близость с англосаксами даже тогда, когда они и англосаксы покинули свое местопребывание на нижней Эльбе, основавшись одни — в Италии, другие — на Британских островах. Данное подтверждают и довольно частые династические контакты между ними в последующие времена³⁷. Именно эта культурная близость вовлекла саксов в завоевание вместе с лангобардами Италии³⁸. Еще до вторжения саксы вместе с лангобардами проживали в Паннонии, о чем свидетельствует письмо франкского короля Теудеберта I (534—548 гг.) императору Юстиниану с перечислением в нем поданных королю племен и народов, среди которых названы саксы³⁹. Пребывание саксов вместе с лангобардами в Паннонии подтверждается и археологическими материалами⁴⁰. Впоследствии, правда, некоторые из них ушли из Италии, поскольку лангобарды запретили им проживать по своему праву⁴¹.

Во время прохождения лангобардов через области расселения баваров (нориков) и тюрингов к ним примкнула отдельная группа из этих племен⁴². Впоследствии эти народы сыграли свою роль в истории лангобардского королевства. Так, например, по свидетельству источников, герцог Торино тюринг Агилульф был избран королем лангобардского королевства. В жены же он взял себе баварку Теоделинду — вдову предшествовавшего короля из лангобардов⁴³. Брат Теоделинды бавар Гундоальд стал герцогом Асти⁴⁴. Насчитывалось также большое число гепидов⁴⁵ и славян. С последними лангобарды находились в тесном контакте на протяжении почти 500 лет, еще со времен вхождения их в свевский военный союз Маробода, когда они в I в. н. э. проживали в области нижней Эльбы. Розамунда, королева гепидов, стала королевой лангобардов,

а из среды свевов нередко в лангобардском королевстве выдвигались герцоги. Например, герцогом Брешии являлся свев Дроктульф, изменивший лангобардам и перешедший на сторону Византии⁴⁶. В завоевании Италии также приняло участие незначительное число сарматов и древних булгар. Однако следует отметить, что сарматы еще и до вторжения проникали на территорию Италии, а булгары обитали там со времен правления императора Юстиниана⁴⁷. Мелкими, но постепенно увеличивавшимися партиями на территорию уже лангобардского королевства в течение двух веков проникали авары⁴⁸, с которыми лангобарды в целях обеспечения себе прочного тыла еще до вторжения в Италию заключили в 555 г. мир⁴⁹. В конце VII в. усилился натиск славян⁵⁰. Таким образом, в завоевании Италии приняли участие вместе с лангобардами группы как из других германских, так и из иных по происхождению племен и народов⁵¹. Это указывает на относительную раскрытость рамок лангобардской культуры. Смена в ходе странствований прежнего племенного самоназвания «виннилы» на наименование «лангобарды» (т. е. «длиннобородые»), данное виннилам другими народами по их внешнему отличительному признаку, указывает на постепенную дегнизацию этого племени.

Пути развития этнической интеграции лангобардского союза прямо зависели от того, как сложились его отношения с различными слоями местного населения при перераспределении средств производства.

По этому вопросу существуют различные точки зрения, основанные на двух сообщениях лангобардского хрониста Павла Диакона в его труде «История лангобардов» (*Historia Langobardorum*). После рассказов об убийствах и насилиях в период вторжения лангобардов и правления короля Альбоина Павел Диакон повествует о правлении короля Клефа, который «многих могущественных римлян (*Romanorum viros potentes*) одних умертвил мечами, других изгнал из Италии»⁵².

Дальнейшее повествование о периоде правления 35 герцогов до избрания ими короля позволяет несколько уточнить это сообщение: «В эти дни многие из знатных римлян (*multi nobilium Romanorum*) были убиты из жадности. Прочие (*reliqui*) же, поделенные лангобардами, захватившими землю (госпиты), чтобы платить им третью часть от своих плодов, были превращены в трибутариев»⁵³. Спустя 10 лет, в 584 г. герцоги избирают королем сына Клефа — Аутари, и «для восстановления королевства герцоги, которые тогда были, вносят из всего своего имущества половину в пользу короля. . . чтобы сам король или те, кто его окружает, а именно те, кто пребывает на различных службах, кормились бы. Наконец, отягощенный народ (*populi*) был поделен между лангобардскими госпитами»⁵⁴. Вышеупомянутые сообщения имеют большое значение для выяснения всей проблемы, и не потому, что они являются единственными, но вследствие того, что они, несомненно, были почерпнуты Павлом Диаконом из работ тридентского епископа Секундия, жившего во второй половине VI и начале VII в.⁵⁵

Исследование этих сообщений Павла Диакона привело ученых в конечном счете к двум выводам: 1) местное население испытало большую или меньшую зависимость от лангобардов, в результате которой произошло понижение социальных статусов итало-римлян, 2) напротив, вторжение лангобардов не повлияло принципиально на общественную структуру итало-римского населения, несмотря на естественные для этого периода грабежи, убийства и насилия, а тем более не создало глубокой пропасти между побежденными и победителями, которая препятствовала бы влиянию старых римских обычаев. Как правило, все данные исследователи при построении своих доказательств начинали с толкования слов «*multi nobilium Romanorum*» и «*reliqui*» в труде Павла Диакона (II, 32). И все они принимали, что многочисленные *nobiles* являлись не чем иным, как итало-римскими *possessores*. Следовательно, тогда *reliqui* должны были означать: «оставшиеся из числа *nobiles*». Как видим, эти исследователи употребляли *Romanorum* исключительно в атрибутивном значении. Но ведь можно поставить вопрос: «А не представлено ли значение *Romanorum* в субстантивированном, а не атрибутивном смысле в труде Павла Диакона?» Ведь в нем еще выше (II, 31) термин *Romanorum* был употреблен именно в субстантивированном смысле: Клеф убивает и изгоняет *multos Romanorum viros potentes*. Таким образом, если принять второе толкование, то необходимо выяснить: кого облагали налогом? Неизвестных римлян (*reliqui* как *reliqui Romanorum*) или же *possessores* (*reliqui* как *reliqui nobilium*)?

У исследователей, пытавшихся разрешить эту проблему, существуют различные мнения. Наиболее характерными из них являются взгляды итальянского ученого Ф. Шупфера, русского исследователя П. Г. Виноградова, немецких лангобардистов Л. М. Гартманна и А. Гальбана, а также французского медиевиста Ф. Тибо.

Ф. Шупфер рассматривал зависимость итало-римлян от лангобардов только в публично-правовом значении, пытаясь в более поздних источниках найти следы существования прежнего свободного итало-римского населения⁵⁶. П. Г. Виноградов доказывал, что римское общество не существовало как таковое в лангобардском королевстве: его отдельные группы влились в соответствующие слои лангобардского общества⁵⁷. К группе исследователей, писавших о большей или меньшей зависимости итало-римлян от лангобардов, относится и Л. М. Гартманн⁵⁸. По мнению А. Гальбана, процесс оккупации лангобардами земли закончился только к VII в., а постепенность и медлительность этого процесса дали лангобардам возможность ближе познакомиться с римскими обычаями и культурой⁵⁹. Взглядам А. Гальбана близка (но иначе аргументирована) теория Ф. Тибо⁶⁰. Такие исследователи, как Ф. Шупфер и П. Г. Виноградов, рассматривали под *reliqui* в тексте Павла Диакона *reliqui nobilium*, т. е. *possessores*, полагая, что в более поздние времена под «*nobiles*» нужно понимать низшее сельское население. Подтверждение этому они искали в положении так

называемых «терциаторов» из Либурнии. Но как мог крупный земельный собственник дойти до низшего положения, столь схожего с положением колонов? Что касается А. Гальбана и Ф. Тибо, то они считали, что *reliqui (nobilium)*, так как они поставляли *tertiam partem suarum frugum*, должны были существовать и в дальнейшем. Но в источниках нет никаких конкретных данных о существовании в более поздние времена крупных земельных собственников из итало-римского населения. Здесь можно выделить и мнение Л. М. Гартманна, который принимает вышеуказанное во внимание, но заходит так далеко, что просто допускает полное исчезновение прежнего сословия *nobiles*.

Рассмотрим подробнее факты, свидетельствующие либо о сохранении в лангобардское время, либо, напротив, об исчезновении крупнейших римских посессоров. Вопрос об их сохранении является важным и для решения проблемы наличия на территории лангобардского королевства римских способов ведения хозяйства. Среди ученых, занимавшихся исследованием лангобардской Италии, установилось почти единогласное мнение об утере побежденными права на обладание имуществом и о потере ими и личной свободы.

Но не мешает помнить, что не все собственники бежали, что оставшиеся не были истреблены поголовно, что не все из оставшихся лишились своих земель. Интересный анализ слов Павла Диакона о зоне опустошения в период всевластия герцогов⁶¹ был проведен для доказательства вышеприведенной мысли итальянскими исследователями Дж. Фасоли, Р. Манселли и Дж. Табакко⁶², которые пришли к выводу, что территория, захваченная Альбоином, т. е. первая из оккупированных областей, ни до, ни в период междуцарствия не подвергалась ограблению и опустошению герцогами. Стремления герцогов к накоплению богатств путем грабежей местного населения были направлены не на ранее захваченные земли, а на области еще не оккупированные, но лишь захватываемые ими в период междуцарствия⁶³.

До прихода лангобардов в Италию там существовало большое число частных имений. Альбоин, приглашая саксов участвовать в предприятии по завоеванию Италии, говорил, что они пойдут в «обширную Италию с многочисленными владениями»⁶⁴. В дипломатических кодексах⁶⁵ налицо целый ряд грамот VII—VIII вв., содержащих данные о частных пожертвованиях в пользу церковного и монастырского имущества. И ни в одном из этих документов не назван жертвователь из крупных итало-римских земельных собственников. И имена, и генеалогические данные указывают на то, что все это были лангобарды. Приведем еще несколько фактов. Один из них — это пребывание в Павии некоего знатного лица по имени Сенатор⁶⁶, которое, очевидно, обладало довольно большим состоянием. По грамоте, датированной 714 г., этот Сенатор и его жена Теоделинда учреждают в своем доме, которым они владели по праву наследования, монастырь для своей дочери Синелинды и дарят все состояние монастырю, в том числе наслед-

ственное владение, королевское пожалование и прочие дарения. Дар состоял из движимого и недвижимого имущества⁶⁷.

Впоследствии короли нередко относились весьма благожелательно к отдельным лицам из местного итало-римского населения, что дало возможность некоторым из них сохранить и даже упрочить, если и не свое социальное положение, так свое состояние, которое в последующие времена, по мере изменения в лангобардской Италии социальных отношений, и определяло независимость от этнической принадлежности общественный статус этих лиц. Также от 603 г. известен факт, гласящий, что некие жители города Пизы во времена правления короля Агилульфа занимались морской торговлей⁶⁸. Свидетельство папы Римского Григория I указывает, что этих лиц нужно рассматривать именно как зажиточных итало-римлян⁶⁹. Налицо и такие случаи, когда итало-римляне фигурировали в документах как владельцы земельных участков⁷⁰. Так, например, спустя сто лет после вторжения лангобардов в Италию король Гримоальд в гневе на итало-римских жителей Одерцо в округе Тревизий разорил их город и отнял у них землю⁷¹. Если бы данное население не имело своей земельной или иной собственности и являлось колонами или вообще податными людьми лангобардов, то наказание пало бы не на их дома и поля, но на них лично. Однако больше сведений о сохранении на территории лангобардской Италии какого-либо числа зажиточных или даже знатных итало-римлян, владевших обширными имениями, нет. Пример, приведенный в случае с лицом, по имени Сенатор, единственный. Поэтому нельзя с достаточной уверенностью говорить о сохранении в лангобардской Италии значительного числа крупных итало-римских посессоров. Тем более, что упоминание Сенатора в труде Павла Диакона, как и наличие этого имени в грамотах, напротив, свидетельствует против сохранения многочисленного слоя знатных итало-римлян. Очевидно, Сенатор являлся значительным лицом и незаурядной личностью, что и позволило его отметить в какой-то степени в источниках. В остальных случаях речь идет о мелких собственниках, которые, возможно, со временем несколько увеличили свое состояние, а следовательно, и упрочили свое положение.

Заканчивая обзор, нельзя, не забегаая несколько вперед, не подчеркнуть следующее: со временем германцы и другие пришедшие с ними народы начинали нередко принимать римские имена. Об этом лучше всего свидетельствуют данные источников, датируемые более поздним временем. В них встречаются лица, которые, объявляя себя живущими по закону лангобардов (что указывает на их германское происхождение), носят римские имена⁷². Возможно, и сам Сенатор не был итало-римлянином. Признать принадлежность того или иного лица к определенной этнической общности, беря за основу лишь его имя, как это делал видный итальянский исследователь Дж. П. Боньетти для того, чтобы доказать сохранение на территории лангобардской Италии знатных итало-римлян⁷³, ненадежно. Да и сам ученый в одной из своих

рибот отмечает, что уже среди первого поколения завоевателей многие носили итало-римские имена⁷⁴. Некоторые известия об итало-римском населении в источниках, которые свидетельствуют о нередкой благосклонности лангобардов к итало-римлянам вообще⁷⁵, не позволяют сделать выводы о том, что это были именно итало-римские поссессоры. Ибо слишком сильно подчеркивают источники сообщения об убийствах и изгнаниях *pobiles*. Следовательно, аргументы и той и другой групп исследователей не могут быть с достаточным на то основанием приведены для доказательства положения, что *pobiles* уцелели и в дальнейшем входили в тот или иной слой лангобардского общества. Вышеприведенные замечания не позволяют также с полной уверенностью оспаривать утверждение, что именно толкование *reliqui* как *reliqui Romanorum*, а не как *reliqui pobilium*, может быть верным.

Подойдем к решению вышепоставленной проблемы с другой стороны: посмотрим, в каком значении употребляет Павел Диакон термины *tertia* и *tributum*. Но прежде чем рассматривать оба термина, нужно принять во внимание уже указанный выше факт, что сведения для фраз, где встречаются оба термина, были почерпнуты Павлом Диаконном из работ Секундия. Термин *tributarii* встречается еще раз у Павла Диакона в значении, пожалуй, каролингском⁷⁶, когда трибут рассматривался как дань, уплачиваемая покоренными народами⁷⁷. И это значение никак не согласуется с осознанием *tributarii* как индивидуальных плательщиков подати. Иначе можно предположить, что Павел Диакон знал и другое значение для этого термина. Действительно, у Павла Диакона встречается понятие *tributum*, заимствованное им из труда знатока ряда римских правовых терминов — Секста Помпея⁷⁸. Таким образом, Павел Диакон употреблял выражение *tributum* в том значении, в каком его использовали в римские времена⁷⁹, а следовательно, он хорошо понимал то, что хотел сказать Секундий. Из этого следует, что терция могла означать поимущественный налог, так как третья часть сельского дохода не могла быть для итало-римлянина (Секундий) или для человека, знающего римскую терминологию (Павел Диакон), ничем иным, как поимущественным налогом. Вести речь о подушной подати здесь нельзя. Но перед лангобардским нападением именно поссессор платил как налоговый субъект трибут. Следовательно, *reliqui*, по труду Павла Диакона, вследствие уплаты трети своих доходов, *tributarii efficiuntur*. Они должны были являться той группой населения, которая не была субъектом поземельного трибута. Такой группой были только колоны, краткосрочные арендаторы и рабы, посаженные на землю.

Однако надлежит выяснить, кому последние должны были платить подать. По Павлу Диакону (III, 16), герцоги отдали королю Аутари половину из своего имущества: *populi tamen adgravati per Langobardos hospites partiuntur*. Если сравнить приведенные слова с фразой из труда Павла Диакона (II, 32), то окажется, что обе фразы оговаривают два однородных явления, кото-

рые приходится на разные периоды времени. Во втором случае происходил захват имений уничтоженных или изгнанных итало-римских *nobiles*. Это подтверждается сообщением, что *nobiles* были убиты «из жадности» лангобардскими герцогами и что уже спустя 10 лет герцоги владели значительным имуществом, коль скоро они поделились им с королем Аутари. В первом случае происходил раздел населения, которое до последующих событий платило третью часть *suagum frugum* герцогам. В 584 г. произошла лишь смена лиц, которым население должно было платить терцию.

Подводя итог, можно отметить, что захват Италии лангобардами в 568 г. сопровождался изгнанием или уничтожением ими многих римских поссессоров и духовенства (преимущественно высшего). Именно их богатства захватили герцоги и установили постоянный *tributum* с доходов, поступавших с земельного участка от колонов и трибутариев (терция)⁸⁰. Большинство мелких и средних собственников из итало-римского населения не только уцелело, но и сохранило свое положение. Вместе с ними сохранилась и «массовая» культура итало-римского населения. Лангобарды и их союзники свое основное внимание обратили главным образом на обширнейшие поместья, принадлежавшие либо фиску, либо уничтоженным или сбежавшим крупным землевладельцам. На этих землях было развернуто общинное пользование, которое быстро начало разлагаться под воздействием старой структуры позднеимского землевладения, сохранившегося вместе с уцелевшей и быстро прогрессирующей к раннефеодальным отношениям системой колоната и мелкого арендаторского хозяйства. Систематического раздела земли, т. е. основного средства производства, с итало-римским населением у лангобардов и их союзников не было. Арендные и колонатные формы, с которыми лангобарды и пришедшие с ними другие народы близко познакомились при своем первоначальном расселении в римских поместьях (*fundi*) и даже еще при их пребывании в Паннонии, оказали разлагающее влияние на общинный способ ведения хозяйства. И в первую очередь они способствовали ускоренному возникновению прибавочной стоимости и процессу ценообразования, что привело к первым тесным контактам двух, находившихся на различных стадиях социально-экономического развития обществ. Образование прибавочной стоимости и цены явилось той точкой, в которой первоначально происходило совмещение двух типов этнических культур, позволившее установить теснейший экономический контакт между различными этническими общностями в лангобардском королевстве. К сожалению, этот процесс из-за отсутствия источников, раскрывающих его отправной момент, можно показать лишь в середине его развития, т. е. в VII—VIII вв. Именно в этот период источники иллюстрируют стремительное развитие в лангобардской Италии различных типов залоговых сделок и форм так называемых «дарений». В это время, хотя сам процесс начался значительно раньше, сложилось своеобразное сочетание действия

первобытнообщинного принципа реципрокации с развитыми формами обращения имущества классового общества⁸¹.

Самый распространенный тип дарения *gairethinx* у лангобардов основывался на развитии формы завещания. Форма завещания складывалась не только под влиянием возникновения частной собственности на имущество, принадлежавшее ранее всей родо-племенной группе, но и под непосредственным воздействием римской формы передачи имущества, с которой лангобарды познакомились еще в Паннонии. Показательно, что уже к VIII в. этот тип приравнивался к обряду *suscipium launegild*, означавшему фиктивную замену утраченного имущества⁸² и оформлявшемуся грамотой, составленной по римским образцам⁸³. При подобной форме дарения за дарителем сохранялось пожизненное право пользования подаренным имуществом. Таким образом, форма дарения *launegild-gairethinx* отражала практику выплаты вознаграждения за дарение, которое фактически являлось фиктивным возмещением, лишь формально имевшим уравнительную направленность⁸⁴. Как правило, этим возмещением была либо малоценная вещь, либо мизерная денежная сумма⁸⁵. Следует подчеркнуть, что вплоть до VIII в. *launegild* всегда являлась реальной вещью⁸⁶. Рассматривая данные источников, можно прийти к выводу о чисто позднеримском правовом происхождении института дарения с *launegild*. Однако наряду с ним наблюдалась и более совершенная форма дарения, непосредственно исходящая из основ римского права⁸⁷. Применение в одно и то же время трех типов оформления передачи имущества — *gairethinx*, *launegild* и *donatio* — свидетельствует об архаичности первых двух типов (*gairethinx*, *launegild*). Помимо того, эти два типа носят чисто германские наименования, а второй тип прямо приравнивается к первому, составляя как бы расширенное его толкование. Среди местного итало-римского населения сама практика дарения как форма передачи имущества отсутствовала. Вместо нее выступала более совершенная форма залоговых сделок, нашедшая широкое распространение и среди германских племен и народов.

Сам термин *guadia* (*wadimonium*, *wadia*) был заимствован германцами из римского юридического языка⁸⁸. На то, что *wadia* означала залог, и именно вещевой, указывают слова, употребляемые вместе с этим термином: *dare*, *solvere*, *accipere*, *suscipere*, *recipere*, *remanere*, *reddere*, *liberare* и *abtrahere*⁸⁹. *Wadia* как залог выполняла несколько следующих функций: 1) при обещании уплаты покупной цены и долга с подчеркиванием ответственности того, кому было доверено что-либо добро⁹⁰; 2) в семейном праве и 3) при процессуальном ведении дел⁹¹. *Wadia* была тесно связана с поручительством (*fidejussio*)⁹² и основана на римском имущественном праве. В эти сделки могло вступать как местное, так и пришедшее население. Таким образом, *wadia* можно представить как символ поручительства, а *launegild* — как символ дарения⁹³. Истинная сущность лаунегильда вскрывается при детальном разборе такого договора. Даривший имущество и пользовавшийся им,

хотя и не мог продать его, но имел возможность через определенное время изменить свое решение. Но если тот, кому было предназначено дарение, дал что-либо в качестве возмещения дарителю, то последний или его наследники должны были либо вернуть полученное прежнему собственнику, либо отдать подаренное имущество. В лангобардском обществе вместе с эволюцией общины форма дарения также проделала свой путь развития — от архаической передачи имущества до прекария и срочного бенефиция (*donatio*)⁹⁴. И хотя, как уже было показано выше, происходило нередкое приравнивание института *susceptum launegild* акту *per gairethinx*, что вскрывает их внутреннее родство, и условия при *donatio per thinx* были в основном такими же, которые определяли институт *susceptum launegild*⁹⁵, превалировала тенденция к приравниванию и последовательному превращению дарений с *launegild* в *donatio*⁹⁶ или в *donatio cum lidinlaib* (иначе *in die obitus sui*)⁹⁷. Последнее дарение сохраняло за дарителем пожизненное право пользования подаренным, т. е. право пользования для тех, кому было подарено имущество, только после смерти дарителя. В отличие от прекария, который оставался необеспеченным держанием и мог быть в любое время востребован собственником, в акте *lidinlaib* нельзя усмотреть частного распоряжения имуществом⁹⁸. При этой форме дарения наблюдается двойное отчуждение одного и того же имущества разными лицами.

Акт дарения с *lidinlaib*, при котором уже не требовалось никакого возмещения, явился более развитой формой отчуждения имущества, особенно, если речь шла о земельных участках. С его развитием возрастает применение различных форм условного землепользования⁹⁹. До падения Западной Римской империи германцам уже были известны формы мелкой аренды. Характерно, что в период вторжения лангобардов в Италию и в последующее время они использовали римское наименование *possessio* для участка земли; этот термин у итало-римлян означал именно участок, взятый в аренду¹⁰⁰, а не *sors*, непосредственно связанное с определением общинной собственности¹⁰¹. Под *possessio* пришельцы понимали участок земли с возведенными на нем постройками, с проживавшим на нем зависимым населением, а также движимое и недвижимое имущество¹⁰². И именно об имении, отданном в дар другому лицу на условиях *launegild* или *lidinlaib*, но остающемся у дарителя в пользовании, вели речь как о *possessio*¹⁰³. Таким образом, лангобарды уже вплотную подошли к понятию бонитарной как частной, защищенной от виндикции собственности, в отличие от такой бонитарной собственности, которая охранялась просто владением¹⁰⁴. Благодаря именно этому обстоятельству институт *launegild* из реальной вещи, выступающей как замена имущества, развился в цену данного имущества¹⁰⁵.

В этой связи необходимо отметить, что в римском гражданском праве сделкам с имуществом типа «дарения» практически не придавали большого значения, а в германском праве эти сделки приобрели одно из ведущих значений и явились важнейшей пред-

посылкой для перехода к феодализму. С итало-римской же стороны такое же значение отводилось заложенным сделкам типа *wadia*. Переплетаясь и влияя друг на друга, эти два типа имущественных сделок создали романизованную, но с германской основой, своеобразную культуру реципрокационных сделок. Первоначально при дарении *per gairethinx* можно усмотреть несбалансированный тип реципрокации. В первобытнообщинную эпоху без привнесения инокультурных элементов происходило одобрение данной процедуры *per gairethinx*, т. е. через общее собрание. Этот институт дарения еще нельзя назвать реципрокацией в подлинном смысле слова. Исчезновение общего собрания после вторжения лангобардов в Италию было причиной исчезновения этой формы дарения¹⁰⁶. Она была вытеснена формой дарения с *launegild*, существовавшей в среде лангобардов еще задолго до их прихода в Италию. Именно эта форма являлась в чистом виде несбалансированной реципрокацией, развившейся в цену имущества¹⁰⁷. Под влиянием итало-римской вадимальной системы она переросла в негативную реципрокацию. Примечательно, что первоначально эта форма реципрокации использовалась либо при завещании, либо при передаче наследства, т. е. в этих случаях происходило не столько отчуждение имущества от родственной группы, сколько передача имущества внутри этой же группы¹⁰⁸. В дальнейшем с разрывом родственных связей среди германцев и утверждением итало-римского населения на равном правовом положении с германцами в лангобардском обществе произошло не только слияние двух юридических систем, но и взаимопроникновение последних. Являвшееся фактически «синтезированной» формой, составленной из системы итало-римских залоговых сделок и несбалансированной реципрокации, характерной для первобытнообщинной эпохи, дарение с *launegild* как негативная реципрокация раздвоилось. Его развитие пошло по двум направлениям: к «обратной негативной реципрокации» (акт *lidinlaib*), ведущей к образованию прекария, и к «псевдосбалансированной реципрокации», т. е. к развитию в цену имущества.

В заключение следует отметить, что в этом процессе, не совсем обычном и не всегда встречавшемся в прочих королевствах, основанных германцами на территории Европы, не последнюю и даже главнейшую роль сыграла экономическая культура местного итало-римского населения. Социальное расслоение среди пришельцев (причины и процесс которого достаточно раскрыты в работах советских и зарубежных исследователей), протекавшее также под большим влиянием массовой культуры итало-римлян, явилось основной причиной поглощения местным населением завоевателей.

Вопрос образования в итало-германском обществе цены и прибавочной стоимости представляет одну из черт процесса этнокультурного сближения различных этнических групп. Вместе с проблемой расселения пришельцев, тесно связанной с выяснением характера перераспределения средств производства между завоевателями и покоренным населением, он составляет «сердце-

вину» решения проблемы ассимиляции завоевателей итало-римлянами. При решении вопроса о судьбах этнических культур в гомогенно-гетерогенных этнических образованиях, в частности — об адаптации их к сложной ситуации, созданной взаимоотношением этнических групп, входящих в данное образование, неизбежно назревает необходимость специального исследования различных сторон эволюции сочетаний в каждой этнической культуре общего и особенного и перспектив развития этого сочетания. В данном случае нет необходимости детального разбора общего процесса вызревания основ феодализма в обществах завоевателей и покоренных, приведшего в конечном итоге к сближению обеих этнических групп и к усвоению завоевателями многих черт экономической и затем культурной жизни покоренных. Здесь важно отметить то главное и особенное, с чего начался процесс, способствующий началу сближения различных этнических общностей: способ расселения, особенности перераспределения средств производства, вытекающие из характера завоевания, возникновение привычной стоимости и ценообразование.

Особенности вышеуказанного процесса повлекли за собой изменения в функционировании на территории Италии лангобардского королевства: исчезновение ко времени правления короля Лиутпранда (первая половина VIII в.) племенного права и постепенная замена его территориальным с утверждением действия римского права (*Jus Romanogum*), по которому вплоть до его официального признания проживали независимо от этнического происхождения все лица католического вероисповедания¹⁰⁹. Воздействие на жизнь лангобардов (под влиянием введения католичества) римского права¹¹⁰ выразилось, в частности, и в признании наряду с германскими формами отпуска на свободу обряда *circa altaria*, упомянутого еще в юстиниановском кодексе¹¹¹. После того как католичество стало государственной религией лангобардского королевства, процесс романизации пришельцев пошел значительно быстрее. В VIII в. итало-римляне вводятся в состав лангобардского ополчения¹¹². Законодательством короля Лиутпранда зафиксированы этнически смешанные поселения германцев и итало-римлян¹¹³. К концу существования лангобардского королевства при наборе в ополчение в силу уже вступает не этническая принадлежность, а ценз по величине имущества¹¹⁴.

Одним из признаков романизации пришельцев явилось быстрое усвоение ими латыни как государственного языка и главного средства общения¹¹⁵. Но принятие языка другой этнической общности еще не означает потерю своего этнического достоинства. Римское влияние можно проследить и в административном аппарате управления королевством. Счет, летоисчисление и навыки военного искусства лангобарды также позаимствовали у итало-римлян¹¹⁶. С римских времен сохранились многие черты городского планирования и городской экономической жизни¹¹⁷. Некоторые налоги следовали римским образцам¹¹⁸; на римской основе развивались арендные договора сроком на 5, 30 и 60 лет¹¹⁹. И, наконец, в VIII в.

официально были разрешены смешанные браки¹²⁰. Все указанные факторы, которые можно беспрельдно перечислять, отражающие процесс романизации пришельцев, как «сетка» накладывались на глубокие процессы, протекавшие в лангобардском королевстве в социально-экономической сфере, начало которым дал способ расселения с характерными особенностями перераспределения средств производства.

Немаловажную роль в деле ассимиляции завоевателей покоренным населением сыграло и их численное соотношение. Пришельцы в численном отношении значительно уступали итало-римлянам. Современник тех событий, папа Римский Григорий I (Великий) свидетельствовал, что наиболее высокой цифры за все времена численность населения Италии достигла как раз перед вторжением лангобардов¹²¹. В конце V в. она составляла 5—7 млн человек¹²². Само лангобардское племя являлось крайне малочисленным. Наблюдая лангобардов еще во времена их пребывания в области нижней Эльбы, римский историк Тацит отмечал его как самое незначительное среди германских племен¹²³. Сказанное подтверждает и наблюдавшаяся у них еще до прихода в Италию практика отпуска рабов на свободу с целью пополнения своего войска¹²⁴. Среди исследователей преобладает мнение о незначительной численности всех (включая и лангобардов) пришельцев в Италию в VI в. по сравнению с итало-римским населением¹²⁵. Таким образом, и количественное соотношение складывалось не в пользу лангобардов и их союзников. Хотя в истории взаимодействия различных племен и народов древности известны случаи, когда это соотношение отнюдь не препятствовало не только выживанию народа в более многочисленной иноэтнической среде, но и утверждению его верховенства над побежденными. Так было, например, у англосаксов с кельтским населением Британии, несмотря на то, что англы, саксы, юты и фризцы так же, как и племена, составляющие лангобардский союз, селились отдельными родоплеменными группами и были гораздо малочисленнее, чем кельты¹²⁶. Лангобардский хронист и летописец Павел Диакон (около 720—799 гг.) так повествует о поселении лангобардов и их союзников родоплеменными группами: «Поистине же в то время Альбоин многих с собой из различных племен, тех или других королевств, или которых сам увлек, в Италию привел, откуда до сегодняшнего дня места, в которых они обитают, мы называем селениями Гепидов, Болгар, Сарматов, Паннонцев, Славов, Нориков или другими подобного рода именами»¹²⁷. Вроде бы такое расселение и применение собственного способа ведения хозяйства должно было в какой-то мере оградить эти племена и народы от ассимиляции их итало-римлянами. Однако, как показывает дальнейшая этническая история лангобардского королевства, этого не произошло.

Какие же основные причины содействовали поглощению итало-римлянами завоевателей? Культура итало-римлян была чужда лангобардам и пришедшим вместе с ними в Италию народам и племенам. Однако, несмотря на это, между этими племенами и на-

родами царило такое же невосприятие культуры друг друга, как и итало-римской. Даже германские племена, не говоря уже об иных по происхождению народах, были разобщены в лангобардском королевстве. Так, например, в лангобардских грамотах, относящихся в основном к VIII в., т. е. спустя сто с лишним лет после завоевания Италии лангобардами, лица с готскими именами, различные по своему социальному положению (*conductores*, *gastaldes* и т. д.) носят такие почетные титулы, как *virī devoti* (мужи благочестивые) или *virī honesti* (мужи благородные)¹²⁸, а в грамотах от 769 и 1045 г. речь идет о населении, проживающем по «закону готов»¹²⁹. У германцев, представленных лангобардами, остготами, баварами, саксами, свевами и другими, отсутствовало то, пусть даже легендарное, этнически цементирующее воспоминание о чувстве родства, которое имели те же англосаксы. Их племена четко помнили о том, что они все ингевоны. Лангобарды и прочие германцы, пришедшие с ними в Италию, не сумели противопоставить итало-римской свою германскую культуру. Этноцентризм в этом случае сыграл не положительную, но отрицательную роль, еще более разобщив завоевателей. Самая же основная причина постепенной ассимиляции завоевателей итало-римлянами коренилась в характере перераспределения средств производства между завоевателями и покоренными, в полном игнорировании основной массы итало-римлян при возведении социально-экономического фундамента лангобардского королевства и в использовании без каких-либо изменений прежнего, утвержденного еще остготами способа эксплуатации захваченных богатств. Все это и явилось отправным моментом для дальнейшего развития своеобразия этнических процессов, протекавших на территории Италии в последующее за эпохой лангобардов время.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 154.

² Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии: Очерки теории и этноса. М., 1981. С. 258.

³ Там же.

⁴ Codex Theodosianus. Ad 54 librorum manuscriptorum et priorum editionum. Bonnae, 1837 (далее — Cod. Theod., Cod. Just.) — Cod. Theod. 15, 3; Weber M. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht. Stuttgart, 1891. S. 195—220; Hartmann L. M. Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—750). Leipzig, 1898. S. 79.

⁵ Cod. Just. 1, 3, 11, 48, 23.

⁶ Cod. Theod. 11, 1, 4; Cod. Just. 11, 48, 4; Schulten A. Die römischen Grundherrschaften // Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart, 1895. S. 92.

⁷ См., например: Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880. С. 207.

⁸ Cod. Just. 11, 55, 1.

⁹ Ibid. 11, 48, 21.

¹⁰ См.: Weber M. Die römische Agrargeschichte. . . S. 207, 265.

¹¹ Этот процесс не везде был доведен до конца прежде всего из-за сопротивления самих посессоров, на плечи которых, как и декурионов, пала большая налоговая тяжесть. См.: Hartmann L. M. Untersuchungen. . . S. 84.

¹² Cod. Just. 11, 48, 6.

¹³ Ibid. 2, 11, 49; Weber M. Die römische Agrargeschichte. . . S. 265.

- ¹⁴ Cod. Theod. 5, 9, 1; 10, 12, 2; 11, 1, 26; Cod. Just. 11, 48, 8.
- ¹⁵ См., например: *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959. С. 28; *Gamillscheg E.* Romania Germanica. Leipzig; Berlin, 1935. Bd. 2. S. 60. К. II; ср.: S. 70. К. III; *Schmidt L.* Die letzten Ostgoten. Berlin, 1943. S. 11; *Aberg N.* Die Goten und Langobarden in Italien. Uppsala, 1923; *Mommsen Th.* Gesammelte Schriften. Berlin, 1940. Bd. 6; *Bierbauer V.* Die ostgotische Grab- und Schatzfunde in der Lombardei // *Atti del 4° congresso internazionale di studi sull'alto Medioevo.* Spoleto, 1969. S. 305-316. Taf. 1.
- ¹⁶ См., например: *Halban A. v.* Das römische Recht in den germanischen Volksstaaten. Breslau, 1901. Bd. 1. S. 88.
- ¹⁷ *Cassiodorus A.* Variae // MGH. Auctores Antiquissimi. T. 12 (далее — Cassiod. Variae). 4, 38.
- ¹⁸ См., например: *Mengozzi G.* La città italiana nell'alto Medio Evo. Firenze, 1931. Vol. 2; *Fasoli G.* Aspetti di vita economica e sociale nell'Italia del sec. VII // *Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo.* Spoleto, 1958. Vol. 5; *Leicht P. S.* Corporazioni romane e arti medievale. Torino, 1937. Cap. 3-5; *Idem.* Operai, artigiani, agricoltori in Italia del sec. VI al XVI. Milano, 1946. Cap. 3; *Mochi-Onory S.* Vescovi e città nell'Italia precomunale // *Vescovi e diocesi in Italia nel Medio Evo.* Padova, 1964. P. 54-110; *Caspar E.* Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Tübingen, 1933. Bd. 2; *Salvatorelli L.* L'Italia nell'Alto Medio Evo (Dalle invasioni barbariche agli inizi del secolo XI). Milano, 1936; *Idem.* L'Italia comunale (Dal secolo XI alla metà del secolo XIV). Milano, 1940.
- ¹⁹ *Cassiod. Variae.* 1, 18; 2, 16; 3, 35.
- ²⁰ См., например: *Удальцова З. В.* Италия и Византия. . . С. 28.
- ²¹ *Cassiod. Variae.* 1, 14.
- ²² *Ibid.* 2, 17.
- ²³ *Solmi A.* Manuale di Storia del Diritto Italiano. Milano, 1918. P. 37.
- ²⁴ См., например: *Dahn F.* Die Könige der Germanen. Würzburg, 1866. Bd. 3. S. 143.
- ²⁵ См., например: *Thibault F.* L'empôt direct et la propriété foncière dans le royaume des Lombardes // *Nouve Revue de droit français et étranger.* Paris, 1904. Vol. 28. P. 174.
- ²⁶ См., например: *Hartmann L. M.* Untersuchungen. . . S. 78; *Diéhl Ch.* Etude sur l'administration byzantine dans l'Exarchat de Ravenne (568-751). S. l., 1888.
- ²⁷ См., например: *Hartmann L. M.* Geschichte Italiens im Mittelalter. Gotha, 1897. Bd. 1, Hf. 1. S. 81.
- ²⁸ *Ibid.* S. 340, 342.
- ²⁹ См., например: *Hartmann L. M.* Untersuchungen. . . S. 84.
- ³⁰ См., например: *Historia Langobardorum* Florentina; *Fabulosae Aripbrandi breves; Chronica Sancti Benedicti Casinensis* // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et italicarum saec. VI-IX. Hannoverae, 1878. T. 2. (далее — Florentina; *Fabulosae*); *Isidori junioris hispalensis chronica majora* // MGH. Auctores Antiquissimi. Berolini, 1894. T. 11, vol. 2.
- ³¹ См., например: *Paulus Diaconus.* *Historia Langobardorum* // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum. . . (далее — *Paul. Diac.*) 1, 1; 2, 3; 7, 8; *Origo gentis Langobardorum* // *Ibidem* (далее — *Origo*). P. 641.; *Erchemperti Historia Langobardorum Beneventanorum* // *Ibidem*; *Fabulosae; Florentina; Codices Gothani* // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum. . . (далее — *Cod. Goth.*) 3, 5; *M. Velleii Paterculi Historiae romanae supersunt.* Londini, 1718. T. 2. P. 106; *P. Cornelii Taciti Annales II* // *P. Cornelii Taciti opera quae supersunt ad fidem codicum.* Berolini, 1877. T. 2. P. 44-46; *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München, 1934. Bd. 1. S. 567, 575; *Idem.* Allgemeine Geschichte der germanischen Völker bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. München; Berlin, 1909; S. 77; *Blasel C.* Die Wanderzüge der Langobarden. S. l., 1909; *Baltzer H.* Germanische Kultur. Weimar, 1959. S. 39. *Bluhme F.* Die gens Langobardorum und ihre Herkunft. Bonn, 1868. Hf. 1. S. 7; *Idem.* После-словие к лангобардским законам // *Leges Langobardorum.* MGH. Legum Sectio 1, in folio. Hannoverae, 1868. T. 4. P. IX; *Westberg F.* Zur Wanderung der Langobarden. O. P., 1904. S. 24-25; *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959. Bd. 1. S. 78-92; 1962. Bd. 4. S. 132-133; *Wegewitz.* Die langobardische Kultur im Gau Moswidi (Niederelbe) zu Beginn unsere Zeitrechnung. Die Urnenfriedhöfe

- in Niedersachsen. Hannoverae; Leipzig, 1937. Bd. 2, Hf. 1—2; *Fett E. N.* Relief-Fibeln von nordischen Typus im Mittel-Europa. Bergen, 1942. S. 225; *Haller J.* Der Eintritt der Germanen in die Geschichte. Berlin, 1934. S. 62; *Hoffmann A.* Politische Geschichte der Deutschen. Stuttgart; Berlin, 1923. Bd. 1. S. 193—194;
- ³² См., например: *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme... S. 567; *Idem.* Die germanische Reiche der Völkerwanderung. Leipzig, 1913. S. 92.
- ³³ См., например: *Hoffman A.* Politische Geschichte... S. 206; *Bluhme F.* Die gens Langobardorum... S. 17, 31, 33; *Idem.* Последствие к лангобардским законам.
- ³⁴ См., например: *Schmidt L.* Zur älteste Geschichte der Langobarden. Leipzig, 1885. S. 34.
- ³⁵ См., например: *Gaupp E. Th.* Die germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des römischen Weltreiches. Breslau, 1844. S. 496—497.
- ³⁶ См., например: *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme... S. 582; *Osenbrüggen E.* Das Strafrecht der Langobarden. Schaffhausen, 1863. S. 138—139; *Martens E.* Politische Geschichte des Langobardenreiche unter König Liutprand. Heidelberg, 1880. S. 16.
- ³⁷ См., например: *Paul. Diac.* 5, 33, 37; 3, 10, 30; *Gregorius Turonensis.* Historia Francorum // MGH. Scriptores... in quarto. Hannoverae, 1885. T. 1 (далее — *Greg. Turon.*). IX, 25; *Troya C.* Codice diplomatico Longobardo. Napoli, 1852—1855. Vol. 1—4 (далее — *Troya C.* CDL). Vol. 2. P. 541. N XXXXLII; *Bognetti G. P.* Le origini della consacrazione del Vescovo di Pavia da parte del Pontefice romano e la fine dell'arianesimo presso i Longobardi // L'età longobarda. Milano, 1966—1967. Vol. 1. P. 167—168; *Troya C.* Storia d'Italia nel Medioevo. Napoli, 1852. Vol. 4.
- ³⁸ *Paul. Diac.* 2, 6; *Greg. Turon.* IV, 42.
- ³⁹ *Gregori i* parae registrum epistolarum // MGH. Berolini, 1891. T. 3. P. 110.
- ⁴⁰ См., например: *Åberg N.* Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala, 1922.
- ⁴¹ *Paul. Diac.* 3, 6; *Greg. Turon.* IV, 43; V, 15. В 572 г. эти саксы проникли в южную Галлию, где были остановлены и разбиты патрицием Муммолем. На следующий год они же появились под Авиньоном, где были рассеяны в битве с франками (король Сигиберт). — *Paul. Diac.* 2, 6; MGH. Scriptores Rerum Merovingicarum. T. 2. P. 111; T. 3. P. 68.
- ⁴² См., например: *Schneider F.* Die Reichsverwaltung in Toskana vor der Gründung des Langobardenreiches bis zum Ausgang der Staufer Rom. O. P., 1914. S. 178—179.
- ⁴³ Origo 6.
- ⁴⁴ Ibid. 5; 6; *Paul. Diac.* 4, 20.
- ⁴⁵ См., например: *Haller J.* Der Eintritt der Germanen... S. 63.
- ⁴⁶ *Paul. Diac.* 3, 18, 19.
- ⁴⁷ См., например: *Schneider F.* Die Entstehung von Burg und Landgemeinde in Italien. Berlin, 1924. S. 34, 134—137; *Idem.* Die Reichsverwaltung in Toskana... S. 178—179, 211—213; *Muratori L. A.* Geschichte von Italien. Leipzig, 1741. Bd. 3. S. 532—533.
- ⁴⁸ Об одном из опустошительных набегов аваров см.: *Paul. Diac.* 4, 37; *Valussi G.* Friuli-Venezia Giulia. Torino, 1961. P. 23.
- ⁴⁹ Cod. Goth. 5.
- ⁵⁰ См., например: *Индерле Л.* Славянские древности. М., 1956. С. 70—71; *Kos M.* Developpement historique de la frontière slovene occidentale. Ljubljana, 1946. P. 12—13.
- ⁵¹ См., например: *Paul. Diac.* 2, 26; *Schneider F.* Die Entstehung von Burg... S. 134.
- ⁵² *Paul. Diac.* 2, 31: «multos Romanorum viros potentes alios gladiis extinxit, alios ab Italia exturbavit»; ср.: описание этого же эпизода, приведенное в хронике бургундского историка VI в. Мария из Авентика от 573 г. (Marii episcopi Aventicensis chronica // MGH. Auctores Antiquissimi. Berolini, 1894. T. 11. Vol. 2.): «Hoc anno dux Langobardorum nomine Clebus genti ipsius rex ordinatus est et plures seniores et mediocres ab ipso interfecti sunt» («В этом году лангобардский вождь по имени Клеф стал королем этого племени и при нем было убито много знатных римлян и людей среднего достатка»).
- ⁵³ *Paul. Diac.* 2, 32: «Hic diebus multi nobilium Romanorum ob cupiditatem interfecti sunt. Reliqui vero per hospites divisi, ut tertiam partem suarum frugum Langobardis persolverent, tributarii efficiuntur».
- ⁵⁴ *Paul. Diac.* 3, 16: «ob restaurationem regni duces qui tunc erant omnem substantiarum suarum medietatem regalibus usibus tribuunt... unde rex ipse sive qui ei

adhærent eiusque obsequiis per diversa officia alerentur. Populi tamen adgravati per Langobardes hospites partiuntur».

^{61a} См.: MGH. *Scriptores rerum Langobardicarum*. . . P. 25.

^{61b} *Schupfer F.* Delle istituzioni politiche longobarliche. Firenze, 1863. P. 55, 74, 76, 78. Аналогичный взгляд развивал Дж. П. Боньетти и еще ранее — К. Бальбо: *Bognetti G. P.* Storia, Archeologia e Diritto nel problema dei Longobardi // *L'età longobarda*. Milano, 1966—1967. Vol. 3. P. 233; *Idem*. Un contributo alla storia del diritto penale longobardo in una comunicazione di Achill Ratti (Pio XI) all'Istituto Lombardo // *Ibid.* Vol. 1. P. 329—330; *Idem*. S. Maria di Castelseprio e la Storia Religiosa dei Longobardi // *Ibid.* Vol. 2. P. 109, 115, 135; *Idem*. Le origini della consacrazione. . . P. 195—196; *Balbo C.* Della storia d'Italia dalle origini fino ai nostri tempi. Sommario. Milano, 1962. P. 99—119.

^{61c} *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений. . . С. 378, 382; ср.: *Bury J. B.* The invasion of Europe by the barbarians. London, 1928. P. 269—271.

^{61d} *Hartmann L. M.* Geschichte Italiens. . . Gotha, 1903. Bd. 2, Hf. 1. S. 40—41.

^{61e} *Halban A. v.* Das römische Recht. . . S. 18, 22, 24, 26, 70; *Lot F.* Les invasions germaniques. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain. Paris, 1935. P. 281; *Deanesly M.* A history of early medieval Europe 476 to 911. London, 1956. P. 246—249; *Moss H. St. L. B.* The birth of the Middle Ages 395—814. London, 1947. P. 127.

^{61f} *Thibault F.* L'empôt direct et la propriété foncière. . . P. 166—167, 170—171.

^{61g} *Paul. Diac.* 2, 32: «spoliatis ecclesiis, sacerdotibus interfectis, civitatibus subruptis, populisque qui mere segetis excreverant, extinctis, exceptis his regionibus quas Alboin ceperat, Italia ex maxima parte capta et a Langobardis subjugata est».

^{61h} *Fasoli G., Manselli P., Tabacco G.* La struttura sociale delle città italiane dal V al XII secolo // *Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa*. Konstanz; Lindau; Stuttgart, 1963—1964.

⁶¹ⁱ См. также: *Brevissima de Langobardis Notitia* // MGH. *Scriptores rerum Langobardicarum*. . . P. 602: «Ned solum terram que hodie Lombardiae dicitur, sed etiam montes transierunt Appennini, Romamque sibi tributariam fecerunt».

^{61j} *Paul. Diac.* 2, 6: «spatiosam Italiam cum pluribus possessuras».

^{61k} *Troya C.* CDL.

^{61l} *Paul. Diac.* 5, 37; ср.: 5, 36, 38; 2, 32.

^{61m} *Troya C.* CDL. T. 3, CCCC I (714 r.); ср.: *Schiaparelli L.* Codice diplomatico longobardo. Roma, 1929—1933 (далее — *Schiaparelli L.* CDL). N 18.

⁶¹ⁿ *Troya C.* CDL. T. 3, CCCCLXXXI, CCCCLXXXIV, CCCCLXXXIII; *Paul. Diac.* 4, 20.

^{61o} *Gregorii i papae registrum epistolarum*. P. 33.

^{61p} См., например: *Troya C.* CDL. T. 3, CCCCLVII.

^{61q} *Paul. Diac.* 5, 28.

^{61r} См., например: Акты Кремоны X—XIII вв. М.; Л., 1937. № 126. С. 266; № 131. С. 272. В грамоте под № 62 указано лицо с двойным именем (Petrus Oprandi — С. 173), первая часть которого итало-римского, вторая — германского происхождения.

^{61s} *Bognetti G. P.* Longobardi e Romani // *L'età longobarda*. Milano, 1966—1967. Vol. 1. P. 115—116; *Idem*. Un gastaldato longobardo ei giudicati di Adaloaldo, Arialdo e Pertarido nella lite fra Parma e Piacenza // *Ibid.* P. 230.

^{61t} *Bognetti G. P.* Un gastaldato longobardo. . . P. 271.

^{61u} *Paul. Diac.* 2, 12, 27; 3, 28; 4, 27, 42; 5, 28.

^{61v} *Ibid.* 1, 7.

^{61w} См., например: *Greg. Turon.* IX, 29; Origo 1.

^{61x} *Sextus Pompeius Festus. De verborum significatu* // *Mommsen Th.* Fontes juris Romani antiqui. Friburgi in Brisgavia, 1887: «Tributum dictum, quia ex privato in publicum tribuitur».

^{61y} См. С. 26—28 данной работы.

^{61z} См. также: *Dantier A.* L'Italie: Etudes historiques. Paris, 1847. Vol. 1. P. 97; *Liverani F.* Il ducato e le antichità longobarde e saliche di Chiusi. Siena, 1875. P. 73—89; *Landogna F.* Storia d'Italia dal 476 D. CR. ai giorni nostri. Cappelli, 1957. P. 27—29.

^{61aa} См.: *Leges Langobardorum* // MGH. *Legum Sectio*. 1, in folio. Hannoverae, 1868. T. 4 (далее законы королей — Ro., Gr., Li., Ra., Ai.). Ro. 154—160, 162—164, 167—174, 176, 181, 225, 360, 367, 375; Gr. 5; Li. 32, 54, 65, 73, 74, 102, 105, 113, 145; Ai. 10, 13, 14.

- ⁸² См., например: Li. 54.
- ⁸³ Li. 54, 102: «cartola donationis»; *Schiaparelli L.* CDL. N 48, 54, 59, 83; *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений. . . С. 194.
- ⁸⁴ Ro. 175: «De launegild».
- ⁸⁵ *Troya C.* CDL. T. 5, DCCCLXXX; *Pappenheim M.* Über die Rechtsnatur der altgermanischen Schenkung // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte.* Weimar, 1933. Bd. 53. G. A. S. 37.
- ⁸⁶ Ro. 184; ср.: Li. 74.
- ⁸⁷ Li. 109.
- ⁸⁸ *Val de Lièvre A.* Launegild und Wadia. Innsbruck, 1877. S. 113, 119, 123.
- ⁸⁹ Ro. 360, 361, 366; Li. 15, 34—40, 61; Ra. 5.
- ⁹⁰ Ra. 8; *Troya C.* CDL. T. 3, CCCLIV. P. 187.
- ⁹¹ Ro. 360—362; Li. 62, 114, 117, 120.
- ⁹² Ro. 346; Li. 36—40, 96, 108, 109, 128; Ra. 8.
- ⁹³ См., например: *Val de Lièvre A.* Revision der Launegildstheorie // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte.* Weimar, 1883. Bd. 4. G. A. S. 227; *Winterer H.* Die Stellung des unehelichen Kinders in der langobardischen Gesetzgebung // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte.* Weimar, 1970. Bd. 87. G. A. S. 47; *Fehr H.* Der Geist der langobardischen Gesetze // *Schweizer Beiträge zur allgemeinen Geschichte.* Basel, 1948. Bd. 6. S. 39.
- ⁹⁴ Ro. 156, 157, 167, 168, 170—174, 176, 177, 225, 360, 367, 375; Li. 54, 65, 67; *Doren A.* Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1934. Bd. 1. S. 87.
- ⁹⁵ Li. 43; ср.: 65.
- ⁹⁶ Ro. 173; *Du Cange.* Glossarium Medie et infimae latinitatis. Parisiis, 1845. T. 4. P. 106—107.
- ⁹⁷ Ro. 173.
- ⁹⁸ *Liber legis Langobardorum Papienses к закону Ro. 173* // *Leges Langobardorum.* . .
- ⁹⁹ Ro. 221; Gr. 2; Li. 9, 22, 24, 55, 62, 63, 77; Ra. 4, 6, 7, 10, 14; Ai. 2, 11, 22.
- ¹⁰⁰ *Troya C.* CDL. T. 4, DXLV. P. 22; *Seeck O.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Berlin, 1897. Bd. 1. S. 406.
- ¹⁰¹ Gr. 4.
- ¹⁰² Ro. 227, 228.
- ¹⁰³ Li. 54.
- ¹⁰⁴ *Troya C.* CDL. T. 4, DXLV. P. 22.
- ¹⁰⁵ Li. 22; Ai. 16; *Pappenheim M.* Launegild und Gairethinx. Breslau, 1882. S. 19.
- ¹⁰⁶ *Val de Lièvre A.* Revision der Launegildstheorie. S. 26.
- ¹⁰⁷ В современном немецком языке сохранилось в видоизмененной форме понятие Launegild (Lohngeld) как цена за проделанную работу.
- ¹⁰⁸ Ro. 171.
- ¹⁰⁹ *Hartmann L. M.* Geschichte Italiens. . . Bd. 2, Hf. 1—2. S. 39; *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters. Weimar, 1962. S. 28; *Schneider F.* Die Reichsverwaltung in Toskana. . . S. 209; *Davidsohn R.* Geschichte von Florenz. Berlin, 1896. Bd. 1. S. 315; *Bognetti G. P.* Un contributo alla storia. . . P. 319, 328, 333.
- ¹¹⁰ *Bognetti G. P.* L'Loca Sanctorum e la storia della Chiesa nel regno dei Longobardi // *L'età longobarda.* Milano, 1966—1967. Vol. 1. P. 319—320; Li. 91.
- ¹¹¹ Li. 127; *Bognetti G. P.* Longobardi e Romani. P. 83—143; *Idem.* Un contributo alla storia. . . P. 307—309; *Pepe G.* Il Medio Evo barbarico d'Italia. Torino, 1959. P. 163—164.
- ¹¹² Ra. 3, 5, 14; *Troya C.* CDL. T. 3. P. 201—206.: «Johannes liber homo exercitales de vico Greseno»; как конлибери лангобардского законодательства: «Marcus, Johannes, Dominicus, Juvenalis, Vitalicanus».
- ¹¹³ Li. 55, 91; ср.: 8, 131; *Davidsohn R.* Geschichte von Florenz. S. 59; для X в. см.: *Акты Кремоны*, № 119. С. 251; *Schneider F.* Die Reichsverwaltung in Toskana. . . S. 175.
- ¹¹⁴ Ai. 2, 3.
- ¹¹⁵ *Paul. Diac.* 5, 29; *Bognetti G. P.* L'influsso istituzioni militari // *L'età longobarda.* Milano, 1966—1967. Vol. 1. P. 9 (до 643 г.).
- ¹¹⁶ Ro. 158—160; Li. 149; *Paul. Diac.* 4, 20, 28.
- ¹¹⁷ См., например: *Leicht P. S.* Corporazioni romane e arti medievali. Torino, 1937. C. IV, V; *Idem.* Operai, artigiani, agricoltori in Italia dal sec. VI al XVI. Milano,

1946. S. 111; *Salvatorelli L.* L'Italia nell'Alto Medio Evo. Milano, 1936; *Idem.* L'Italia comunale; dal secolo XI alla meta del secolo XIV. Milano, 1940.
- ¹¹⁸ *Troya C.* CDL. T. 3, CCCCLXXX. P. 530.
- ¹¹⁹ Ro. 227, 228; Li. 16, 70; Gr. 2, 4; Li. 18; Ai. 18; cp.: Cod. Theod. 6, 21, 1; *Drew K. F.* Notes on lombard institutions // The Rise Institut Pamphlet. London, 1956. Vol. 43, N 2. P. 77; *Мурасьев А. Г.* Emphiteuticario jure et libellario nomine. Казань, 1913.
- ¹²⁰ Li. 127.
- ¹²¹ Ex Gregorii Magni dialogorum libris // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum... III, 38.
- ¹²² *Hannestad K.* L'évolution des ressources agricoles de l'Italie // Historisk-filosofiske meddelelser. København, 1962. Bd. 40, N 1. P. 68.
- ¹²³ *Tacitus.* Germania // P. Cornelii Taciti opera quae supersunt ad fidem codicum. Berolini, 1859. Vol. 1. 40.
- ¹²⁴ *Paul. Diac.* 1, 13.
- ¹²⁵ См., например: *Halban A. v.* Das römische Recht... Bd. 2. S. 2; *Davidsohn R.* Geschichte von Florenz. S. 59.; *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1892. Bd. 1. S. 55; *Lot F.* Les invasions germaniques... P. 284; *Bognetti G. P.* S. Maria Foris Portas di Castelseprio... P. 68; *Pepe G.* Il Medio Evo barbarico... P. 111; A short history of Italy. From classical times to the present day. Cambridge, 1963. P. 30; cp.: от 60 до 70 тыс. (*Villari P.* The barbarica invasions of Italy. London, 1913. Vol. 3. P. 279); 62 тыс. воинов (*Balbo C.* Della storia d'Italia... P. 100); не более 100 тыс. (*Volpe G.* Il Medio Evo. Firenze, 1969. P. 39; cp.: P. 92); 150 тыс. (*Dettore U.* Storia d'Italia dal 476 al 1500. Milano, 1954. P. 17); 200 тыс. (Storia d'Italia. Il Medioevo. Torino, 1959. Vol. 1. P. 11; *Луццатто Дж.* Экономическая история Италии. М., 1954. С. 163).
- ¹²⁶ См., например: *Schneider F.* Die Reichsverwaltung in Toskana... S. 178; *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme... S. 614, 623; *Hartmann L. M.* Geschichte Italiens... Bd. 1. Hf. 2. S. 21, 71; *Doren A.* Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1934. Bd. 1. S. 42; *Луццатто Дж.* Экономическая история Италии. С. 164—165; *Неусызин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII веков. М., 1956. С. 225; *Он же.* Общественный строй лангобардов в VI—VII вв. // Средние века. М.; Л., 1946. Вып. 2. С. 22.
- ¹²⁷ *Paul. Diac.* 2, 26: «Certum est autem tunc Alboin multis secum ex diversis, quas vel alii reges, vel ipse ceperat gentibus ad Italiam adduxisse, unde usque hodie locum in quibus habitant vicos, Gepidos, Bulgares, Sarmatas, Pannonios, Suavos, Noricos, sive aliis huiusce modi nominibus appellamus»; Ibid. 1, 20, 21; 3, 5.
- ¹²⁸ *Schiaparelli L.* CDL. «Cudiscalcus, vir devotis» (N 24); «Gudemo, vir. hon., Gudoald, Williaremus» (N 54, 79); «Suatchis, fil., Alatheii viri devoti» (N 90); «Birricha, fil. quond. Ursi» (N 98); «Winegild» (N 104); «Alateus, fil. quond. Alais viri devoti» (N 113); «Barunta, presbiter» (N 124).
- ¹²⁹ *Schiaparelli L.* CDL. N 38: «Stavila civis Brixianus vivens leges Gothorum»; N 70: «Ego Obezo f. qd. Rosoni de vico Godi et Dominica jugalibus profesi legem vivere Gotharum donamus etc. Acto in vico Godi SS. m. Obezo et Dominica. SS. m. Araucullo et Gandulfo seu Uuitho Tt. lege Gothorum viventes, SS. m. Albericus et Uuitho ff.».

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАЛЫХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЭТНОСОВ В ИТАЛИИ

Н. А. Красновская

Всем хорошо известно, какую огромную роль в истории Европы сыграло древнеримское государство. Смещение римлян с разнородным населением сначала Апеннинского полуострова, а позднее и других регионов привело к образованию нескольких романских этносов в средневековой Европе. Крупнейшие из них: французы, итальянцы, испанцы, португальцы, румыны.

Этнические процессы, связанные с формированием этих этносов, не раз становились объектом исследования советских и зарубежных ученых. Значительно меньше внимания уделялось ассимиляционным процессам, которые на периферии очагов консолидации современных крупных наций привели к образованию малых этнических романоязычных анклавов. В наши дни эти общности тесно ассоциированы с основными нациями соответствующих государств. Тем не менее они проявляют достаточно своеобразие, существенной чертой которого является особое этническое самосознание.

В политических границах Италии в настоящее время существуют два таких малых этноса. Это сардинцы и фриулы, сформировавшиеся в средние века в отдельных регионах, некогда входивших в Римскую державу. Важную роль в процессе их сложения сыграли древние римляне. Однако на ранних стадиях этого процесса в нем приняли активное участие местные доримские племена, а на более поздних — средневековые завоеватели этих регионов. Проблемам этногенеза и этнической истории фриулов и сардинцев автор в свое время посвятил две отдельные монографии¹. В настоящей статье впервые в советской этнографической науке предпринята попытка сравнительного анализа этногенетических и этнических процессов, связанных с зарождением и развитием фриульского и сардинского этносов. Исследование проведено на широком фоне общеталейской этнической истории, при этом особенно большое внимание уделено характеристике процесса романизации областей и провинций Римской империи. Этот новый подход потребовал от автора привлечения не только введенных им раньше в оборот советской науки, но и дополнительных исторических и историко-лингвистических материалов.

До распространения Римом своего господства и языка по всему Апеннинскому полуострову значительную часть населения здесь составляли так называемые италики — племена, говорившие на наречиях италийской группы индоевропейской языковой семьи. Географическое название Италия вначале относилось лишь к небольшой области на юге полуострова (в современной Калабрии).

Постепенно оно распространилось и на центральную и северную части полуострова и лишь к концу III в. до н. э. дошло до южного подножия Альп.

На правом берегу р. Тибр жили немногочисленные племена фалисков. Вдоль верхнего течения той же реки обитали умбры; южнее находились земли марсов и самнитов. Горы, окружавшие древнюю область Лациум, населяли эквы и вольски. Наиболее крупным племенем Кампании были оски. Территории, расположенные южнее и севернее Лациума, были населены другими, более мелкими италийскими племенами. Главенствующее положение среди италиков занимали племена латинов, жившие в Лациуме. По преданию, они вместе с «древнейшим и коренным» (Страбон, V, III, 1) племенем сабинян основали близ устья Тибра Рим (Roma)².

Город, расположенный на месте пересечения важных торговых путей, связывавших друг с другом все части Апеннинского полуострова, вскоре стал центром, из которого латины начали наступление на остальные италийские племена. Постепенно, в V—II вв. до н. э. все эти племена были покорены латинами и вместе со своими завоевателями вошли в историю под именем римлян (Romani).

Среди италиков стал довольно быстро распространяться латинский язык. Им нетрудно было его усвоить по нескольким причинам. Во-первых, их собственные языки были грамматически и лексически близки к латинскому. Во-вторых, латины вели сознательную политику, направленную не только на подчинение, но и на ассимиляцию завоеванных племен. Они высылали колонии римских граждан (*coloniae civium Romanorum*) или граждан общин, входивших в латинскую федерацию (*coloniae Latinae*), во все уголки Центральной и Южной Италии. Таким образом, земли, оставленные за италиками, располагались чересполосно с участками, возделываемыми латинами. В-третьих, италики отбывали военную службу в римских легионах. Все это неминуемо приводило к постоянному общению завоеванных племен с носителями латинского языка и культуры и к усвоению ими того и другого. После Союзнической войны (90—88 гг. до н. э.) на всех италиков было распространено право римского гражданства, взамен за что, однако, от них уже официально требовалось знание латинского языка.

Италийские диалекты в свою очередь оказывали влияние на народную латынь, которая по этой причине и сама не оставалась неизменной. Г. Мольтер справедливо отмечал: «Первое про-

никновение Рима и латинского языка на итальянские территории начинается почти с VI в. до н. э., но только позже, во II в., после Ганнибала Рим начинает колонизировать и латинизировать Европу, создавая в ней римские земли, и Средиземное море, его „собственное“ море (*mare nostrum*). Таким образом, латинский язык в Италии развивался, преобразовывался и изменялся в течение трех — четырех столетий, прежде чем проникнуть в другие провинции Европы. . . Как можно при этих условиях не признать, что народная латынь есть в основном, если не исключительно, итальянский продукт, естественное изменение латинского языка в устах фалисков, умбров или марсов, результат своего рода компромисса между *sermo rusticus* (народным языком. — *Н. К.*) Лация и местными диалектами, которые были так близки к нему и по своим формам, и по словарю?»³.

Римляне неустанно осваивали завоеванные земли: осушали болота, проводили дороги, мостили городские улицы и пр. Все это вовлекало италиков в совместную с римлянами сферу деятельности и также невольно способствовало их культурной интеграции.

К концу I тысячелетия до н. э. римлянам удалось завоевать и народы, говорившие на языках, далеких от их собственного. Из них самым крупным и цивилизованным были этруски, возможно, заложившие и основы римской классической культуры. Расселение этрусков на Апеннинском полуострове подтверждается археологическими данными, относящимися к началу I тысячелетия до н. э. Однако на исторической арене этот народ появился значительно раньше. В египетских иероглифических памятниках XIV—XII вв. до н. э. этруски упоминаются среди так называемых «народов моря» и фигурируют как «турша», откуда произошли древнегреческие наименования этого народа *Τυρρηνοί* (тиррены) и *Τυρσηνοί* (тирсены). В древнеримских источниках этруски зафиксированы под названиями: *Etrusci* (этруски), *Tusci* (туски) и *Tyrrheni* (тиррены).

До завоевания римлянами этруски, господствовавшие долгое время над землями и водами Западного Средиземноморья, занимали на Апеннинском полуострове обширные территории, где сохранились памятники их высокой цивилизации. Возможно, этруски имели также какое-то отношение к островам Корсика и Сардиния. Во всяком случае их долгое господство над морями, омывающими эти острова, никем из историков не оспаривается.

В период своего наивысшего расцвета этруски владели территориями, соответствующими современным итальянским областям Тоскана, Лацио и Кампания. Еще в VI в. до н. э. существовала федерация двенадцати этруских городов, а в самом Риме некоторое время даже правили цари из этруского рода Тарквиниев.

Этрусский язык, на котором сохранилось много надписей, до настоящего времени полностью не расшифрован и не уклады-

мется пока в рамки существующих лингвистических классификаций.

Поэтому до сих пор остаются загадкой и сами этруски. Неясно их географическое происхождение: были ли они потомками местного населения Италии или переселились сюда из Восточного Средиземноморья (может быть, из Трои?); представляли ли собой единую этническую общность или названия, под которыми они встречаются в исторических источниках, указывают на объединение разных племен? На эти вопросы историческая наука пока не дает ясного ответа, продвигаясь к решению так называемой «этрусской проблемы» медленными и неуверенными шагами.

Начиная с V в. до н. э. римляне завоевали все земли этрусков и изгнали из Рима представителей рода Тарквиниев.

В юго-восточной части Апеннинского полуострова римляне покорили неродственные им по происхождению племена япигов. В прибрежных районах Южной Италии они стремились подчинить себе города так называемой Великой Греции — греческие колонии, основанные здесь в VII—VI вв. до н. э. Их жители, не порывавшие связей со своей родиной, постоянно оказывали культурное влияние на италиков, которые среди прочего заимствовали у греков и алфавиты.

Города Великой Греции долго и упорно сопротивлялись экспансии Рима, но в конце концов (273 г. до н. э.) были покорены. Через несколько лет римлянам подчинилось и сельское греческое население этого региона. Таким образом, к середине III в. до н. э. земли Центральной и Южной Италии были также завоеваны римлянами. С этого времени усилия Рима были направлены, с одной стороны, на покорение народов Северной Италии, а с другой — на завоевание гегемонии на Средиземном море.

В Северной Италии римляне столкнулись с разными племенами, далекими по своему происхождению от италиков. На северо-западе Апеннинского полуострова жили племена лигуров, говорившие, по-видимому, на одном из неиндоевропейских языков. Римляне начали наступление на лигуров с III в. до н. э. Однако те оказывали им упорное сопротивление и покорились власти Рима лишь в 180 г. до н. э.

Долину р. По и ряд прилегающих к ней равнинных и предгорных районов с конца V—начала IV в. до н. э. населяло несколько кельтских (галльских) племен. Римляне постепенно (с конца III—начала II в. до н. э.) завоевывали и осваивали эти регионы, основывая там свои города-колонии.

Вдоль северного берега Адриатического моря простирались земли венетских племен, язык которых, по-видимому, занимал промежуточное положение между иллирийскими и итальянскими диалектами. Судя по некоторым данным, римляне покорили эти племена, не встретив с их стороны особого сопротивления. Во всяком случае уже в III в. до н. э. венеты фигурировали в письменных

источниках как союзники римлян в борьбе с кельтскими племенами.

Завоевав разнородные по языку и культуре племена и народы Апеннинского полуострова, римляне перешли к систематическим действиям, которые привели в конце концов к полному подавлению их индивидуальности и сплочению населения Италии в единое этническое целое. Русский ученый Антон Будилович ярко охарактеризовал результаты этой деятельности римлян: «Прямолинейные дороги прорезали Апеннины и равнины во всех направлениях, вековые римские мосты смелыми арками перекинулись через реки; каналами осушены мареммы; водопроводы связали горные ключи с городскими фонтанами. Бесчисленные народы и народцы Италии постепенно приведены к сознанию сначала гражданского, а потом и национального единства. Политическая религия римских патрициев постепенно вытеснила все прочие культы аграрного, метеорологического, философского характера и соединила всех частных богов под сводами общего пантеона»⁴.

Для полного стирания, как бы мы сейчас выразились, этнической специфики италиков и неиталиков завоеватели стремились всеми способами в первую очередь сделать их латиноязычными. Французский историк Ш.-А. Жюльен правильно отметил: «Рим, который не знал ни расовой ненависти, ни религиозной нетерпимости, не допускал, однако, по политическим соображениям, иного языка, кроме латинского»⁵.

В процессе языковой ассимиляции латинами и романизации в полном смысле этого слова племенам и народам Апеннинского полуострова пришлось утратить свою самобытность, что не прошло для них безболезненно. Начались эти процессы с Центральной Италии. «Ассимиляция эта, — пишет крупнейший советский романист В. Ф. Шишмарев, — явилась результатом многовековой борьбы, упорной и жестокой; „сад империи“ вырос на почве, обильно политой кровью боровшихся, а то, что называется „романизацией“ населения Италии, было не только перевоспитанием покоренных народов, но подчас также грубой и жестокой ломкой всех их традиций и их жизни»⁶. Постепенно теми же процессами охвачена вся остальная часть региона.

В результате сознательной и планомерной политики Римского государства на Апеннинском полуострове, по-видимому, образовалась некая, хотя и рыхлая, но все же обладавшая своим «лицом» этническая общность. В античных источниках первых веков н. э. она угадывается под словами «*populus romanus*» (букв. римский народ), которыми в этот период обозначались уже все жители полуострова. Время завершения формирования этой общности точно установить трудно. Советские исследователи по-разному судят о темпах и сроках полной романизации населения Апеннинского полуострова. В. Ф. Шишмарев пишет: «За вычетом островов и некоторых южных окраин нивелировка населения в Италии и обращение этой пестрой этнической массы в более или менее однородную, в своего рода „римлян“, протекали, таким образом,

довольно быстро и, во всяком случае, с большим успехом». Известный специалист по истории латинского языка И. М. Тронский отмечает:

«К началу I в. н. э. мы имеем дело уже с языком начинающей складываться италийской народности, которая занимает господствующее место в огромной рабовладельческой империи». Этнограф Л. П. Лашук считает, что «Италия была романизована во всех отношениях к рубежу нашей эры, чем и завершился процесс образования латинской народности». Историк О. В. Кудрявцев высказывает мнение, что «объединение населения Италии в единую народность» произошло в I в. н. э.⁷

Оговорка В. Ф. Шишмарева об островах не случайна, в чем мы сможем убедиться, исследуя особенности этнических процессов, в которые римляне оказались вовлеченными за пределами Италии.

Стремясь завоевать гегемонию на Средиземном море, Рим столкнулся с могущественной Карфагенской державой. В борьбе с карфагенянами для римлян было очень важно овладеть островами Сицилией, Сардинией и Корсикой. В результате первой и второй пунических войн (264—241 и 218—201 гг. до н. э.) Рим получил эти острова. Однако в течение нескольких веков положение завоевателей было здесь сложным. Ведь римляне столкнулись на островах с конгломератом племен и народов. Ко времени завоевания римлянами местные жители островов (корсы на Корсике и Сардинии, иолеи и балары на Сардинии, сикулы и сиканы на Сицилии) достигли определенной культурной интеграции, а местами и этнического смешения с семитами-карфагенянами и встретили новых пришельцев крайне враждебно. Военные мятежи островитян против римлян продолжались вплоть до I в. н. э., романизация же их растянулась еще на несколько веков.

С завоеванием заморских территорий Рим превратился из федерации италийских племен в могущественную державу. Управление островами было организовано несколько иначе, чем землями в континентальной Италии. Сицилия стала первой, а Сардиния вместе с Корсикой — второй римской провинцией. В дальнейшем с расширением границ Римской империи провинциями (*provinciae*) стали называться все земли, присоединенные к ней за пределами Италии.

Территория самой Италии при Августе (I в. н. э.) была разделена на одиннадцать областей (*regiones*) (рис. 2). Император последовал совету Мецената, проведя это деление «*κατά τε γένη καὶ ἔθνη*» («по племенам и народам») (Дион Кассий, I, III, 22)⁸.

Первоначально слово *provincia* обозначало сферу военных действий, которую римский сенат отводил каждому из двух консулов, посылаемых со своими легионами в завоеванную местность. Управление внеиталийскими землями римляне рассматривали как продолжительную военную оккупацию. Поэтому поведение римских властей в провинциях и в самой Италии было разным.

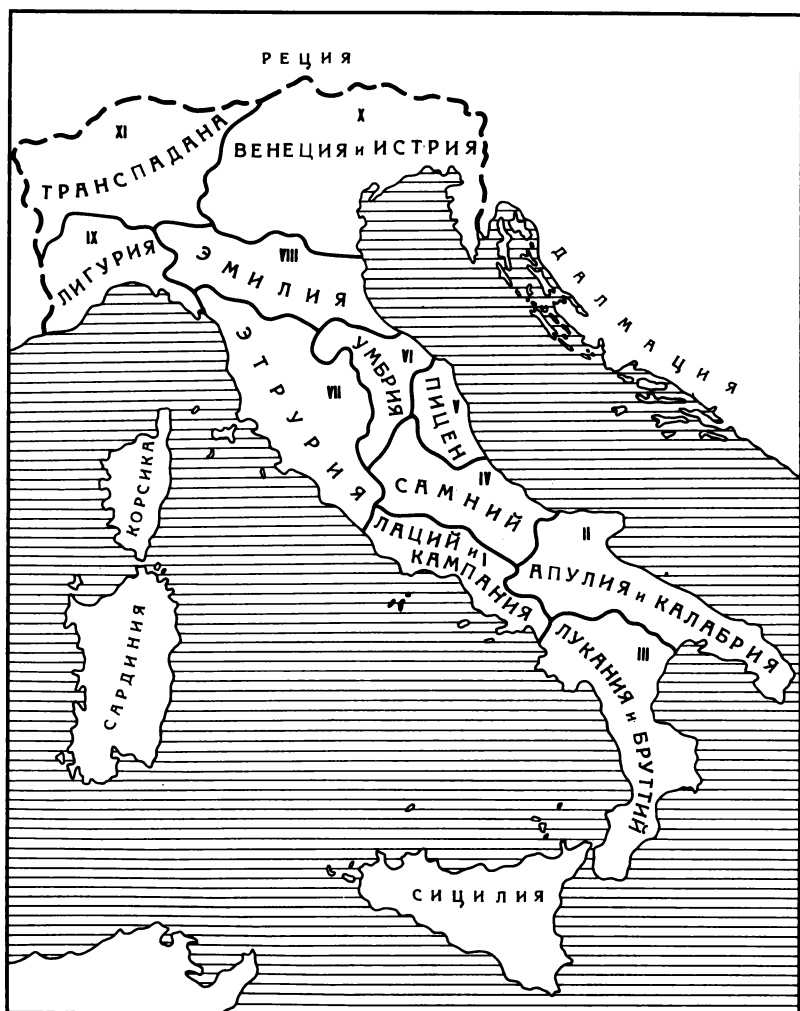

Рис. 2.
Области и провинции Римской империи в I в. н. э.

* * *

К настоящему времени историческая наука располагает значительными письменными и археологическими материалами, которые позволяют выявить как общие, так и частные черты в механизме романизации римских провинций. Прежде чем остановиться на них, целесообразно привести суждение советского историка О. В. Кудрявцева о самом феномене романизации. «Процесс рома-

низации (и соответственно эллинизации), — пишет он, — можно рассматривать в широком и узком смысле этого слова. В широком смысле романизация представляет собой распространение хозяйственных, социальных, политических и культурных форм, свойственных коренным областям римского мира, на территорию романизирующихся провинций. С этой точки зрения и изменения в хозяйственном быте новых провинций под влиянием римского завоевания, и распространение античной формы собственности, и урбанизация — все эти явления представляют собой составные части процесса романизации. В узком смысле этого слова, более общепринятом, но не охватывающем всей глубины процесса, под романизацией понимается распространение латинского языка, римских бытовых навыков и римской культуры»⁹.

Освоение любого завоеванного ими региона римляне обычно начинали со строительства дорог. Римские власти проводили их главным образом в стратегических целях и придавали огромное значение контролю над ними. Однако это имело и другие последствия. По великолепным дорогам, построенным со всей тщательностью и по последнему слову техники того времени, сразу устремлялся мощный поток торговцев из Италии. Распространение ими изделий римского ремесла и само их общение с местными народами оказывали романизирующее воздействие на завоеванные римлянами области.

Другим существенным рычагом романизации любого региона было присутствие там римских легионов. Римские воины, служба которых продолжалась много лет¹⁰, размещались в лагерях, разбиваемых по определенному, повсюду одинаковому плану. Лагерь (*castra*) обычно был прямоугольным. Его главная улица, начинавшаяся у главных ворот (*porta principalis*), вела к преториуму (*praetorium* — площадь вокруг ставки полководца). По обе стороны от главной улицы располагались склады оружия и продовольствия, жилища для легионеров, мастерские, бани и другие постройки.

Археологические раскопки в ряде римских провинций дали материал и о так называемых канабах (*canabae*) — поселках, где по соседству с лагерем жили жены, наложницы и дети легионеров, а также торговцы, маркитантки и другие гражданские лица, часто римского происхождения¹¹. Легионеры должны были сами заботиться о своем пропитании, для чего им приходилось обрабатывать земли близ лагерей. Основным костяком легионеров повсюду были италийцы, однако римляне привлекали к военной повинности и местных жителей. Совместная служба и возделывание лежащих рядом полей приводили к постоянным контактам завоевателей с завоеванными, что способствовало взаимному влиянию систем их земледелия и определенной степени экономического и культурного синкретизма.

По окончании срока службы легионеры получали землю и права римского гражданства и становились так называемыми ветеранами

(veterani). Участки, выделяемые италикам и провинциалам, часто находились рядом, что опять-таки приводило их владельцев к постоянному общению и заимствованию друг у друга навыков в сельском хозяйстве. Естественно, более высокая римская культура и античная форма собственности оказывались победителями в паритетном обмене двух хозяйственных укладов. Таким образом, и этот социальный слой населения провинций романизовался.

Во многих регионах, покоренных римлянами, прежде преобладали сельские поселения. Освоение той или иной области всегда было связано с возникновением там римских городов-колоний. Так как римская цивилизация с отдаленных времен носила городской характер, города стали очагами романизации и в завоеванных местах. Именно они кардинально изменили стиль жизни местного населения. Одинаковая повсюду система постройки городов придавала им общий облик в разных областях обширной Римской империи и приводила к их внешней нивелировке. Закладка городских стен, как и разбивка лагеря, осуществлялась всегда по единой системе и сопровождалась определенной религиозной церемонией. Сначала плугом пропахивали так называемый померий (romerium) — борозду, которая фиксировала место будущих стен. С помощью землемерного инструмента (groma) проводили две главные линии для ориентировки всего города: *decumanus maximus* (с запада на восток) и *cardo maximus* (с севера на юг). Затем все очерченное пространство разбивалось на равные участки (центурии).

Две главные линии, а также границы между центуриями (лимиты) неоднократно прослеживались при археологических раскопках многих древнеримских городов.

Экономическая, административная, религиозная жизнь города регулировалась его уставом (*Lex coloniae*). Статус города обязывал его граждан возводить общественные здания и мосты, рыть колодцы, проводить акведуки. В городе непременно устраивался форум (рыночная площадь), строились амфитеатр, театр, цирк, храмы и святилища¹². План города был повсюду прямоугольным, планировка его улиц — линейной. В строительных работах в городах принимали участие и римляне, и их рабы, и местные жители.

Естественно, язык колонистов-италиков (как разговорный, так и письменный) стал языком управления, военной службы, а также средством пропаганды римской цивилизации.

Обычно римский город как культурный, административный, экономический, религиозный центр, доминировавший над определенным регионом, втягивал в сферу своего влияния и сельские слои завоеванного населения, которые в процессе постоянных контактов с горожанами также изменяли свой уклад жизни и в конце концов романизовались.

Мощным средством романизации провинций явилась и сама административная система, введенная там римлянами. Хотя Рим-

ское государство, придерживаясь своего известного принципа «*divide ed impera*» («разделяй и властвуй»), и даровало завоеванным регионам разный юридический статус, в управлении провинциями было много общего. Высшая военная, административная и судебная власть Рима в провинциях находилась в руках проконсулов (*proconsulis*). Откупная система сбора налогов регулировалась так называемыми публиканами (*publicanus*). Юрисдикция в провинциальных городах была вверена так называемой коллегии четырех (*quattuorviri iuri dicundo*) или коллегии двух (*duumviri iuri dicundo*). Эдилы (*aedilis*) заботились о благоустройстве городов и строительстве общественных зданий, квесторы (*questores*) управляли гражданской кассой, аннонам было вверено продовольственное снабжение населения. Значительная часть пригодной для сельского хозяйства земли отбиралась у местных жителей и превращалась, как и в самой Италии, в «*ager publicus*». Эти участки были оккупированы римскими войсками и распределены между колонистами-италиками. В провинциях действовали статьи римского права, относящиеся к налогообложению, привлечению населения к военной службе, регулированию правовых отношений провинциалов друг с другом и с римлянами. Распространение в провинциях римских правовых норм внедряло в среду провинциалов новые формы поведения в различных сферах их личной и общественной жизни. Все это и было распространением римской цивилизации в завоеванных регионах.

Так как языком устного общения при всех контактах местного населения с римлянами была народная латынь, а при администрировании и составлении официальных документов применялся латинский литературный язык, провинциалы непременно оказывались охваченными и романизацией в узком смысле этого слова: сначала они становились двуязычными, а затем — и латиноязычными.

В первые века нашей эры все жители римских провинций независимо от их происхождения были вовлечены в те этнические и этнокультурные процессы, которые и превратили их в римлян. Интеграции подданных римского государства в единое этническое целое по-прежнему служила замена местных языков латынью — высоко развитым языком коренного населения Италии. Нельзя сказать, что процесс романизации проходил стихийно. Напротив, правители Римской империи заботились о сплочении всего подчиненного им населения в однородную бесправную массу подданных. Важным рычагом ассимиляции при этом оставалось постепенное уравнивание жителей всех провинций в гражданских правах.

Заметной вехой на пути превращения провинциалов в римлян было принятие Эдикта Каракаллы (212 г.). Стремясь охватить своей финансово-налоговой системой как можно большее число лиц, император предоставил права римского гражданства всем свободным жителям провинций. Необходимым условием для уравнивания в правах с италиками оставалось для провинциалов знание

латинского языка. Культурно-историческое значение Эдикта в том, что он стал стимулятором дальнейшей романизации населения империи. Указание на то, что стирание различий между жителями отдельных провинций и италиками осознавалось уже в ту эпоху, когда этот процесс шел к своему завершению, несомненно, можно видеть в словах блаженного Августина (354—430 гг.): «Кто теперь знает, какой народ Римской империи чем был, когда все стали римлянами и все называются римлянами?»

По-видимому, еще раньше, возможно, на рубеже старой и новой эры, появилось и второе название Римской империи — Романия (лат. *Romania*). Оно было не столько географическим, сколько культурным понятием. Термином «Романия» охватывались как коренные области расселения древних римлян, так и романизованный ими мир, вошедший в сферу влияния их цивилизации. Романской империей (*Βασιλεία τῶν ρωμαίων*) называлась и Византия. Романии противопоставлялась Барбария (лат. *Barbaria*) — мир варваров (главным образом германцев), рāсстлавшийся за пределами Римской империи и не охваченный их цивилизаторской деятельностью. После распада Римской империи на отдельные части эти названия (с теми или иными модификациями) закрепились за отдельными, чаще всего пограничными, землями. Так произошли названия Румыния, Романья (область Италии, за пределами которой в VI в. находились владения остготов, а в VII—VIII вв. — лангобардов), Берберия (в Северной Африке), Барбаджа (в горной Сардинии) и др.¹³

Хотя по территории, где впоследствии сложились сардинская и фриульская этнические общности и прошел «нивелирующий рубанок римского мирового владычества» (Ф. Энгельс)¹⁴, романизация каждой из них отличалась своими особенностями. Чтобы стала понятна специфика этнокультурных процессов, затронувших эти регионы в римский период, необходимо охарактеризовать и их предшествующий этнический субстрат.

Остров Сардиния с глубокой древности притягивал к себе племена и народы из разных регионов древнего Средиземноморья. По-видимому, какие-то иммиграции значительных масс древних племен на остров начались еще в бронзовом веке (с середины II тысячелетия до н. э.). Этот долгий период в истории Сардинии дал обильный археологический материал, но одновременно и поставил перед наукой множество вопросов.

С самых отдаленных времен этническая ситуация острова характеризовалась соотношением двух компонентов населения. Первый был представлен племенами, жившими в отдаленных от моря холмистых и горных районах центральной части острова, которые проникли туда из разных мест и в разное время, но уже в античности воспринимались народами других регионов как автохтонное население Сардинии. Второй компонент включал жителей приморской полосы, колонизовавших мирным или военным путем плодородные равнины острова.

Одной из наиболее ранних иммиграций на Сардинию следует считать проникновение туда какой-то группы племен, построивших на острове множество мегалитических каменных башен — так называемых нурагов (ит. nuraghi)¹⁵. Сооружение самых ранних из них началось на Сардинии в середине II тысячелетия до н. э. Весь этот период называют эрой нурагов или нурагической культурой (*civiltà dei nuraghi*). Создателей ранних нурагов принято именовать просто «нурагиками» (*nuraghichi*)¹⁶. На острове до сих пор возвышается приблизительно 7 тыс. нурагов, в древности их, несомненно, было еще больше. По множеству довольно хорошо сохранившихся стен нурагов можно составить впечатление о том, как они выглядели во времена их сооружения и функционирования. Нураги представляли собой башни в форме усеченного конуса от 10 до 20 м высотой, сложенные из больших каменных плит. Внутри каждый нураг состоял из нескольких довольно тесных помещений, свет в которые проникал лишь через отверстие в каменном же сводчатом покрытии крыши.

В течение последнего столетия нураги являются постоянным объектом археологических исследований. Однако многие вопросы, связанные с их возникновением и развитием, до сих пор не выяснены. В частности, никем пока не доказано, для чего служили эти сооружения¹⁷.

Во всех районах острова поблизости от нурагов, а в некоторых случаях — внутри них было обнаружено в общей сложности около тысячи статуэток, отлитых в бронзе (так называемые *bronzetti*). В настоящее время большая часть этих «бронзетти», описанию которых посвятили свои труды многие археологи и искусствоведы¹⁸, сосредоточена в национальных музеях сардинских городов Кальяри и Сассари. По датировке археолога Джованни Лиллиу, бронзетти относятся ко времени расцвета нурагической культуры и датируются X—VIII вв. до н. э.¹⁹ В этих фигурках можно увидеть указание на определенные черты социальной жизни нурагиков, на их сложный религиозный культ с развитым жречеством и на некоторые другие аспекты их бытия.

Однако и эти важные археологические находки не позволили ученым прийти к достоверному выводу о том, какой народ древности был носителем нурагической культуры. Автору настоящей статьи представляется, что на подобный вопрос никогда нельзя будет дать однозначного ответа. Причины этого кроются в главной, отмеченной выше особенности древнейшей истории Сардинии. Ее лишний раз подтверждает сам факт существования, строительства и функционирования нурагов на протяжении столь длительного периода (начиная с расцвета бронзового века и кончая последними годами карфагенского владычества). В течение этого периода население острова постоянно обновлялось. По-видимому, заселение Сардинии происходило несколькими волнами. Каждая вновь прибывавшая сюда этническая группа сначала завоевывала берега острова, частично подчиняла, частично вытесняя предыдущих жителей в глубинные районы. А затем, расширяя свои владения,

пришельцы проникали в районы, над которыми господствовали нурагики, и постепенно смешивались с ними. В результате население центральной гористой части острова на протяжении многих веков было тем ядром, которое рано или поздно поглощало вновь прибывших. Из-за отсутствия достоверных источников невозможно установить хронологическую последовательность и дать хотя бы приблизительную датировку всех древнейших миграций на остров. Однако указания на то, что эти миграции происходили, а также названия и лаконичные характеристики некоторых племен можно встретить в ряде древних источников, причем не только греческих и римских, но и египетских.

Многие современные исследователи считают, что родину создателей нурагов нужно искать в Северной Африке²⁰. Идею о тесных этнических связях нурагиков (как и вообще древнейшего населения Сардинии) с Эгейским миром, особенно с Лидией, постоянно проводит в своих исследованиях и стремится доказать с помощью данных топонимики известный сардинский ученый Массимо Питтау²¹.

Вполне возможно, что из этого региона происходит и одна из групп племен, упоминаемых в античных источниках как древнейшее население Сардинии. Речь идет о племенах иолеев или илиенсов (греч. Ἰολαῖοι или Ἰολαῖς, лат. Ilienses). В полулегендарных отрывках древних греков (Диодор Сицилийский, IV, 30 и VI, 15; Страбон, V, 11, 7; Павсаний, X, 17, 2) иолеи фигурируют как выходцы из Эллады. Римские писатели (Помпоний Мела, II, 123; Солин, 46, 12; Силий Италик, XII, 344) то связывают их с Илионом, т. е. с Троей, то называют «древнейшим» или «известнейшим» народом острова.

Второй группой древнейших племен Сардинии были корсы (лат. Corsi). Античные авторы оставили о них лаконичные, но не противоречащие друг другу упоминания. Плиний Старший (III, 7, 85) называет их в числе «известнейших» народов Сардинии. Птолемей (III, 3, 6) помещает их на севере острова. Современные исследователи полагают, что корсы попали на Сардинию с соседней Корсики, переплыв узкий пролив Бонифаччо. Вероятно, они были родственны или даже идентичны древнейшим племенам, населявшим Корсику и упоминавшимся в античных источниках под тем же названием. На Сардинии они жили в восемнадцати поселениях (oppida)²².

Третья древнейшая группа племен Сардинии — балары (лат. Balari). Павсаний (X, 17, 5) пишет, что они происходили якобы от ливийских и иберийских воинов, сначала сражавшихся вместе с карфагенянами против местных племен Сардинии, а потом дезертировавших и поселившихся между иолеями и корсами. Имя балары, как заявляет Павсаний, обозначает на языке корсов «беглецы». Современный исследователь Р. Б. Мотцо считает, что на самом деле этническим балары указывает на связь с названием Балеарских островов и на возможное родство жителей этого архипелага с населением Сардинии²³. Массимо Питтау добавляет

к этиологической легенде Павсания интересные топонимические данные. Деревня, где был найден пограничный камень, разделявший владения баларов и корсов, носит название Перфугас, что представляет собой латинский перевод слова «балары», понимаемого как раз как беглецы²⁴.

По-видимому, на рубеже II и I тысячелетий до н. э. на Сардинии появилась какая-то часть племен шардана (шердана)²⁵. Посвятив отдельное исследование этим племенам и их возможной роли в этногенезе сардинцев²⁶, автор настоящей статьи предложил свою концепцию пути и характера этой древней колонизации острова. Возможно, племена шардана происходили из Малой Азии, но та их ветвь, которая оказалась на Сардинии, попала туда через Африку. Предыдущие переселенцы на остров — иолеи, балары, корсы, а может быть, и еще какие-либо племена, которых древние авторы помещают в глубинных районах острова, оказались там, на наш взгляд, как раз потому, что их вытеснили в горы новые иммигранты — племена шардана, поселившиеся на юге Сардинии.

По причине своего выгодного стратегического положения между Европой, Африкой и Азией остров продолжал привлекать многие народы с этих континентов. Когда их корабли приставали к берегам Сардинии, они сталкивались здесь прежде всего с людьми, которые именовали себя шардана. Вполне возможно, что именно тогда остров, известный прежде как Ихнуса (древнегреч. Ἰχνοῦσα), стал обозначаться Сардиния (древнегреч. Σαρδῶ, Σαρδηνία, Σαρδανία, лат. Sardinia). По имени острова и все его древнее население получило название «сарды», которое вначале не носило этнического характера, но лишь указывало на их географическую принадлежность.

Заселение острова группами иммигрантов из Восточного Средиземноморья и оттеснение ими предшествующего населения с берегов и равнин в горы продолжалось также в эпоху, о которой наука располагает более достоверными сведениями. Это неслучайно. Ведь в начале I тысячелетия до н. э. на остров потянулись представители крупных этносов древнего Средиземноморья, создавших к этому времени развитые цивилизации у себя на родине.

Первыми колонистами Сардинии, о которых содержатся сведения в античных письменных источниках, были финикийцы. Вполне возможно, что, кроме удобного положения на пути к их колониям на Иберийском полуострове, остров привлек финикийцев своими природными богатствами, в частности залежами меди²⁷. Материалы археологических раскопок последнего десятилетия в сопоставлении с отрывками из произведений античных историков свидетельствуют о том, что финикийцы (выходцы из города Тира) вступили в тесные экономические контакты с местными племенами острова уже в IX в. до н. э. К VIII в. до н. э. относится основание финикийцами постоянных колоний на южном и западном берегах острова. Первым городом финикийцев на Сардинии считается Нора.

Значительными и процветающими колониями были также Сульцис, Таррос и Каралис²⁸.

Постепенно на Сардинии установился регулярный обмен товарами между финикийцами и островитянами, жившими на берегах и равнинах острова. Вначале финикийцы владели лишь узкой полосой суши вокруг своих портов и причалов. Позднее они стали расширять владения, осваивая большие массивы плодородных земель, а жившие здесь племена вынуждены были отступить во внутреннюю, гористую, малопригодную для земледелия часть острова.

Многие расположенные на равнинах нураги, вокруг которых развивалась экономическая и социальная жизнь населения, теперь утратили свою былую роль. Вопрос о проникновении финикийцев в глубинные районы острова остается до наших дней спорным.

В тот же период, когда прибрежные районы Сардинии обживались финикийцами, они стали привлекать внимание также греков и этрусков. Античные авторы оставили довольно много указаний на это, но сообщаемые ими сведения не всегда достоверны. Бесспорным фактом можно считать лишь то, что ионийские греки максимально приблизились к Сардинии, основав на восточном берегу Корсики колонию Алалию (Геродот, I, 165; Диодор Сицилийский, V, 131).

Известно также, что на северо-восточном берегу Сардинии существовал город с типично ионийским именем Ольвия. Археологические же данные со всей очевидностью свидетельствуют лишь о постоянных контактах островитян с греками и этрусками начиная по крайней мере с VII в. до н. э.²⁹ Привлекая данные лингвистики, Массимо Питтау стремится доказать и более стабильное присутствие этрусков на Сардинии. С конца 1970-х годов он неоднократно выступал в печати с гипотезой о том, что остров был первым пристанищем этрусков, прибывших из Малой Азии в Западное Средиземноморье. Прежде чем переселиться на Апеннинский полуостров, считает ученый, этруски долгое время сосуществовали на Сардинии с нурагиками³⁰.

Существенно отличалось от всех предыдущих колонизаций карфагенское (пуническое) проникновение на Сардинию (VI в. до н. э.), бывшее для островитян настоящей военной оккупацией. Карфагеняне завоевали значительную часть острова и владели этими территориями более трех столетий. Они захватили все финикийские порты и основали несколько своих городов, тоже на побережье. В этих городах соблюдался типично карфагенский административный порядок. Высшая магистратура состояла из коллегии так называемых суфетов, о чем имеются свидетельства для Каралиса, Битии, Неаполиса и Тарроса. Кроме того, в каждом городе, по-видимому, действовали два собрания: одно было представлено старейшинами, другое — всеми горожанами³¹.

Население равнин было пунизировано. Незавоеванными остались горные районы в центре и на северо-востоке острова. Правда,

и с жившими там иолеями, баларами и корсами завоеватели постепенно пришли к определенному *modus vivendi*.

Археологические экспедиции, регулярно проводившиеся на Сардинии, начиная с 1950-х годов выявили свидетельства сардо-пунийской культурной интеграции. Особенно интересный материал дали раскопки в населенном пункте Монте Сираи (около Карбония)³². Сарды и пунийцы жили в общем поселении, поддерживая друг с другом экономические и культурные контакты. Их взаимное влияние в быту и культовой жизни подтверждается археологическими материалами и из других, преимущественно прибрежных зон острова. Возможно, за три века господства карфагениян над Сардинией их язык стали понимать все племена и народы острова.

Вполне вероятно, что на Сардинии имело место и биологическое смешение завоевателей острова (пунийцев) и местного населения. Ведь известно, что у карфагениян допускались браки с чужеземцами, а детям, рожденным от таких браков, предоставлялось полное право карфагенского гражданства. И хотя прямыми доказательствами карфагенско-сардских брачных союзов наука не располагает, нет оснований считать, что на острове дело обстояло иначе, чем в других регионах, завоеванных пунийцами.

Однако накануне завоевания римлянами до консолидации карфагениян и местного населения Сардинии в один этнос было еще далеко.

Доримский субстрат в этнической истории области Фриули не был столь сложным, как на острове Сардиния.

Со времени неолита обширную территорию между Альпами и Адриатическим морем занимали эвганеи (*Euganei*). Они делились на ряд племен, живших, по-видимому, в укрепленных населенных пунктах, называемых в археологической литературе кастельерами (ит. *castelieri*)³³. По античным источникам известны имена трех племен: трумплинов, камунов и стоэнов. Правда, ряд древних авторов причисляет первые два племени к ретам. Вопрос об этнической принадлежности эвганеев дискуссионен. Луиджи Парети, Джан Карло Менис и некоторые другие ученые склоняются к тому, что они были одним из лигурских племен³⁴. Франц Альтхайм и вслед за ним Вилли Боржо утверждают, что эвганеи, появившиеся на занимаемой ими территории около 1200 г. до н. э., говорили на языке латино-фалисской группы³⁵.

Как отмечалось выше, землями вдоль Адриатического моря владели племена венетов. Они появились в Северной Италии в начале I тысячелетия до н. э. Главным центром венетов стал Эсте (Атесте) к северу от низовьев р. По. На территории Фриули венетам приписывают определенные остатки поселений близ населенных пунктов Тольмино (деревня Санта Лючия), Капоретто и Идрия.

Поселившись в регионе, приблизительно соответствующем современной области Венето и равнинным районам Фриули, вене-

ты вытеснили часть эвганеев с прибрежной полосы в Альпы. Другая часть эвганеев осталась на своих прежних поселениях и постепенно смешалась с венетами. В горных же долинах эвганейские племена сохранялись маленькими группами почти до прихода туда римлян. Нам неизвестны все эти долины, но в двух из них — Валь Тромпия и Валь Камоника — несомненно, поселились эвганейские племена трумплинов и камунов. Так как в середине I тысячелетия до н. э. в этих же двух долинах обосновались племена ретов, есть основание предполагать, что здесь произошел процесс смешения их с эвганеями. Неудивительно поэтому, что древние авторы причисляют камунов и трумплинов то к ретам, то к эвганеям³⁶.

В середине I тысячелетия до н. э. земли Северо-Восточной Италии заняли пришедшие из-за Альп кельтские (галльские) племена. Частью вытеснив, частью покорив венетов, галлы проникли и на те территории, где впоследствии сформировалась фриульская этническая общность. Главными из них были племена карнов или галло-карнов, присутствие которых прослеживается здесь с IV в. до н. э.³⁷ Население, образовавшееся в результате смешения венетов и карнов, вероятно, говорило на каком-то языке, в котором присутствовали черты как галльско-карнийского, так и иллирийско-венетского говоров. Этот лингвистический субстрат во Фриули непосредственно предшествовал латинскому языку³⁸.

В III—II вв. до н. э. в районы современного расселения фриулов проникли римляне, покорившие венетов и карнов. Начался продолжительный процесс романизации, проходивший почти синхронно во всех уголках охваченной им территории.

Напомним коротко о политических событиях, которыми сопровождалось покорение римлянами населения этих районов.

В первой половине II в. до н. э. галльские племена стали постепенно продвигаться к Адриатике, расселяясь на свободных землях. Затем, придя на равнину, они вытеснили оттуда венетов, которые теперь были вынуждены расселиться по правому берегу р. Ливенцы. Течение этой реки надолго стало границей между карнами и венетами. Римляне расценили продвижение карнов как агрессивный акт и предприняли в 183 г. до н. э. против них военную экспедицию. В том же году Римский сенат решил вывести на эти земли колонию, что было выполнено в 181 г. до н. э., после чего римляне больше не покидали этот регион. Основанной ими в 15 тыс. шагов от моря колонии завоеватели дали название Аквилея (Aquilēja), скорее всего заимствовав его у прежнего населения. Кельтский термин *akyllis* (глубокий) указывал на судоходные воды р. Натизоне. Римляне охотно приняли это название, так как оно было близко к латинскому слову *Aquila* (орел), символу их славы и могущества. В этом значении оно и понималось в дальнейшем³⁹.

Лаконичное сообщение об основании Аквилеи находим у Тита Ливия: «В том же году на территорию галлов была выведена колония Аквилея. 3 тысячи пехотинцев [которые ее составляли]

имели 50 югеров земли каждый; центурионы — 100 и кавалеры — 150. Выведением было тогда поручено заниматься троим: Публию Сципиону Назике, Гаю Фламинию и Луцию Манлию Ацедино».

Современные фриульские историки полагают, что территория колонии с прилегающими обрабатываемыми землями составляла примерно 400 км². Аэрофотосъемкой для Аквилеи были зафиксированы как *decumanus maximus* и *cardo maximus*, так и пересекавшиеся друг с другом лимиты, ограничивавшие площадь центуриона⁴⁰.

Вначале создание колонии проходило в лихорадочном ритме из-за постоянной галльской угрозы. Аквилея и замышлялась как крайний северо-восточный бастион Римского государства. В 129 г. до н. э. она стала отправным пунктом военной кампании консула Семпрония Тудитана, в ходе которой было нанесено поражение карнам, таврискам, япидам и либурнам, а 115 г. до н. э. консул Эмилий Скаур одержал еще одну, по-видимому, полную победу над карнами⁴¹. Одновременно с военными действиями римляне последовательно и настойчиво осваивали завоеванный ими регион, проводя и здесь политику, направленную на создание единой Италии.

Число колонистов вместе с их семьями в первые годы существования Аквилеи составляло, по-видимому, около 15 тыс. человек. Их участки располагались в основном на равнине. Настойчивыми стараниями римлян эти земли все больше заселялись. Для усиления Аквилеи в прилегавшую к ней область в 169 г. до н. э. было поселено еще 1500 семей колонистов. Вначале они выращивали здесь овес, пшеницу, овощи, необходимые им для пропитания. Позднее, когда установились экономические связи региона с рядом земель Европы, они перешли к возделыванию других культур, которые экспортировали.

Статус Аквилеи несколько раз менялся. Она была основана как латинская колония, затем получила права римской колонии. В 90 г. до н. э. по так называемому Юлийскому закону город стал муниципием, т. е. жители его получили те же гражданские и политические права, что и горожане Рима.

Закончив во II в. до н. э. колонизацию наиболее плодородной зоны, в I в. до н. э. римляне начали освоение всей области, впоследствии получившей название Фриули. Была основана еще одна римская колония — Юлия Конкордия (*Iulia Concordia*). В альпийских долинах было построено два торговых города (форума), один на р. Натизоне, другой — в долине р. Бут. Первый назывался Форум Юлии (*Forum Iulii*, совр. Чивидале), второй — Карнийский Форум Юлии (*Forum Iulii Carnicum*, совр. Цульо).

Несколько раз менялся и статус всей территории, на которой впоследствии сложилась фриульская этническая общность. Вначале она считалась одной из римских провинций, затем, когда Август (I в. н. э.) разделил Италию на одиннадцать областей, она стала десятой областью, названной «*Venetia et Histria*» («Венеция

и Истрия»). При преемниках Августа регион вновь фигурировал как провинция.

Главным торговым, административным и стратегическим пунктом в этом регионе оставалась Аквилея. Сразу после вывода колонии римляне стремились связать ее с остальными частями своего государства превосходными дорогами. При проведении их завоеватели проявляли здесь, как и повсюду, свои углубленные технические знания. Некоторые участки дорог, тщательно вымощенные большими многогранными камнями, сохранились на поверхности почвы до наших дней, другие вскрыты при археологических раскопках. В самом городе Аквилея были обнаружены не только мостовые, но и тротуары античного времени. Протяженность дорог римляне точно промеряли. В ряде мест в регионе были найдены так называемые «милиари» (с высеченными на них цифрами), название которых происходит от древнеримской единицы измерения дорог (*miliarium*), равной 1480 м. Эти археологические материалы, сопоставленные с некоторыми данными письменных источников, позволили реконструировать дорожную сеть области. Дороги расходились от Аквилеи на север, запад и северо-восток. Три из них вели внутрь римского государства. Уже в 175 г. до н. э. была проведена дорога, которая связывала Аквилею с Римом (*Via Aemilia*), в 148 г. до н. э. были проложены известные *Via Postumia* и *Via Annia*. В первый же век римского господства над регионом его пересекли еще несколько дорог, по которым осуществлялись контакты с Нориком, Паннонией и Далмацией. Эти дороги превратили Аквилею в главный эмпорий в торговле Рима с дунайскими провинциями ⁴².

Существование римской дорожной сети в области, центром которой была Аквилея, стало одним из детерминирующих факторов ранней и глубокой романизации здесь местного населения. Существование пяти главных (расходящихся от Аквилеи радиусами) и большого числа второстепенных дорог (рис. 3) облегчало капиллярное проникновение сюда римских властей, а также помогало колонистам и аборигенам поддерживать торговые контакты с жителями других частей империи, вовлекая их в общую сферу экономики древнеримского государства. Постоянное же присутствие здесь римлян, занятых в сооружении дорог и содержании их в необходимом порядке, способствовало проникновению в карно-венетскую среду римских обычаев и латинского языка. Фриульские историки справедливо считают, что на интенсивность колонизации римлянами региона в самый ранний период его освоения указывает определенный характер местной топонимики ⁴³. Например, на равнине часты топонимы с латинскими окончаниями на -апо/ана, тогда как в предгорьях Альп (где карны несколько дольше сохраняли свою независимость) можно встретить много названий местностей с окончанием на -ассо-, которое является не чем иным, как производным от кельтского суффикса -асус.

Вся территория, на которой впоследствии сложилась фриульская этническая общность, превратилась в типичную Романию,

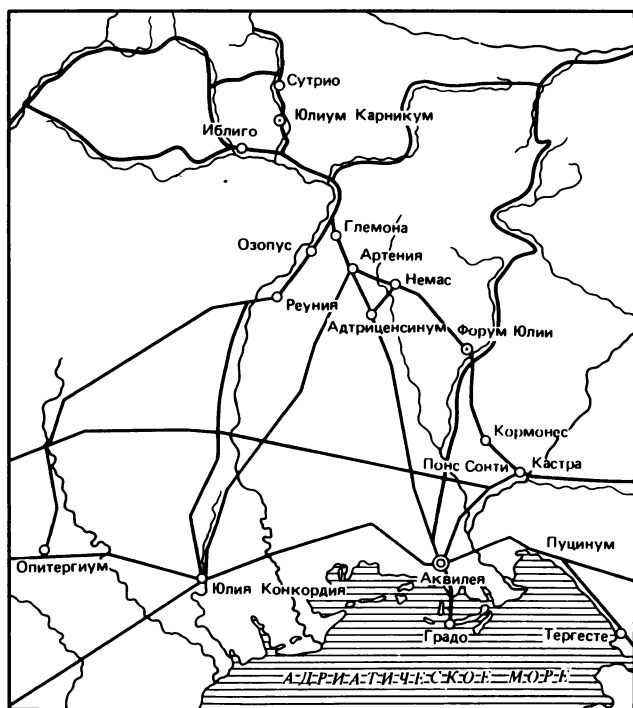

Рис. 3.
Римские населенные пункты и дороги в области Венеция и Истрия

и укрепления римского лимеса обозначили ее границы с Барбарией. По мере распространения римского влияния на ближайшие земли площадь Романии постепенно расширялась. Из Аквилеи волны романизации распространялись радиусами по всей территории, над которой она доминировала. Римляне частью поглощали, частью отталкивали племена субстрата: карнов, венетов, истров и др.

Со времени основания римлянами Аквилеи в области зазвучала народная латынь. Покоренные племена должны были стремиться овладеть языком своих завоевателей. Ведь это не только облегчало их общение, но и давало, как и в других регионах, юридические привилегии — право римского гражданства. Однако в первые годы своего бытования латинский язык впитал в себя и значительные карнийские и венетские элементы лексики и фонетики. Это и понятно: латиноязычное население в Аквилее и прилегающих к ней землях численно значительно уступало карно-венетам. Они постепенно усваивали язык завоевателей, но говорили на нем со своими флексиями, своими ударениями и, конечно, сохраняли многие слова своих диалектов. Язык, образовавшийся в результате взаимного влияния народной аквилейской латыни и местных

диалектов, на котором говорило в это время население Фриули, крупнейший фриульский лингвист Джузеппе Маркетти удачно назвал «*latino in bosca carnica*» («латинский язык в карнийских устах») ⁴⁴. По-видимому, этот язык долго сохранял своеобразие ⁴⁵. Известно интересное свидетельство об этом. В середине IV в. епископ Аквилеи Фортунатиан был вынужден составить комментарии к евангелию на «сельском языке», чтобы сделать его понятным своей пастве ⁴⁶.

Синтез в культуре победителей-римлян и побежденных карнов хорошо прослеживается также в религиозной сфере. Из собственно имперских культов наиболее важным в Аквилее был культ личности императора. Однако главным языческим культом Аквилеи стал культ божества Белена (лат. *Belenus*, греч. Βέλενος). Этот культ, вероятно, был кельтского происхождения. В Аквилее насчитывалось 54 святилища Белена. Известны храм этому божеству в Карнийском Юлии и почетные надписи в других местах. Так как римлянам было свойственно стремление находить для чужестранных божеств аналогии среди богов греко-римского пантеона, Белен был приравнен к Аполлону, и поэтому его культ стал близок к культу солнца. Память о Белене сохраняется в топониме *Beligna* в местности, расположенной к югу от современного населенного пункта Аквилея. Есть указания, что здесь был храм в его честь ⁴⁷. Греческий историк Геродиан (170—241 гг. до н. э.) называет Белена «богом покровителем той страны» (имея в виду Аквилею и ее область) ⁴⁸.

И все же, несмотря на культурный синкретизм, этнический состав населения региона еще долго был весьма пестрым. Письменные свидетельства об этом немногочисленны, но и недвусмысленны. Это особенно касается космополитической Аквилеи. Геродиан называет ее «величайшим, всегда многолюдным городом» и указывает, что «здесь не только бывает много жителей, но и всегда много гостей и купцов» ⁴⁹. Эпитафии, обнаруженные на могильных плитах в Аквилее, показывают, что среди аквилейцев были как римляне, так и кельты, истры, венеты, а в императорскую эпоху — также выходцы из Малой Азии, Африки, сирийцы, евреи и др. ⁵⁰ Если учесть, что умирали в этом городе, вдали от своей родины, далеко не все из них, можно представить, что иноземцев в Аквилее было очень много.

Как ни парадоксально, однако, но и полиэтничность жителей Аквилеи способствовала завершению процесса романизации в узком смысле этого слова. Ведь всем этим представителям многочисленных этносов древности необходимо было общаться между собой. А из-за того, что они не понимали наречия друг друга, им был необходим какой-то общий язык. При таких условиях аквилейская народная латынь и стала здесь языком-интегрантом.

Местное население не только овладело латынью, но было вовлечено также в социальную, культурную и экономическую жизнь империи. Главным его компонентом, по-видимому, были романизованные карны. Вначале многие из них были рабами

римских колонистов, составляя часть их *familia domestica*. Затем, при Цезаре, получив свободу, вступали в более тесные экономические и социальные отношения с бывшими господами и в более широкой мере воспринимали римскую культуру. Будучи гораздо многочисленнее, чем завоеватели, карны, по-видимому, не только подверглись культурному влиянию римлян, но и сами влияли на них. По всей вероятности, в период романизации в области Фриули сложилась своеобразная римско-галльская культура, которая в дальнейшем сохранялась в своих общих чертах и предопределила развитие областной автономии⁵¹.

Вероятно, в I в. н. э. среди других религий в Аквилее появилось христианство. После эдикта Константина (313 г.) город стал центром одного из крупных епископств. Принятие новой веры, безусловно, имело большое значение в романизации Фриули; это в какой-то мере способствовало подавлению культуры местного населения. Но и христианство не смогло подавить ее полностью. К сожалению, античные авторы не оставили конкретных сведений о быте и культуре населения Фриули первых веков н. э. Доказательством сохранения здесь каких-то этнических традиций могут служить выделение Августом этого региона в область, названную «Венеция и Истрия», и некоторые беглые замечания отдельных писателей древности и раннего средневековья. Так, Плиний Старший (I в. н. э.) называет земли вокруг Аквилеи «королевством карнов»⁵², а Прокопий Кесарийский (IV в. н. э.) упоминает «венетскую область» (I, 15, 25)⁵³.

В отличие от Сардинии, которая сначала была римской провинцией, Фриули на протяжении большей части своей истории в пределах римской державы представляла собой область собственно Италии. По-видимому, это также способствовало более высокой степени романизации ее населения в начале нашей эры.

Остров Сардиния был завоеван римлянами раньше Фриули, а романизован значительно позднее. Причины этого следует видеть, во-первых, в той этнической ситуации и расстановке сил, которую римляне застали на острове, а во-вторых, в том, что остров был для римлян провинцией в первоначальном смысле этого слова, т. е. регионом, подвергавшимся их длительной военной оккупации.

Приход римлян на Сардинию был встречен враждебно всеми островитянами: и карфагенянами, и пунизированными сардами, и независимыми горцами. Тем не менее с первых своих шагов на острове римляне стремились его освоить теми же методами, которые они прежде применяли на Апеннинском полуострове, а в дальнейшем — во всех других завоеванных ими регионах. В результате все области Сардинии подверглись глубокой романизации. Однако этот процесс проходил здесь крайне медленно и неодинаково в разных областях острова. Его оживление римлянами шло с берегов к центральной и северо-восточной части, занятой горами, где дольше всего сохранялись автохтонные племена. С одной стороны,

долгое присутствие на острове карфагенской цивилизации облегчало римлянам освоение острова. Например, они не разбивали многие города, а использовали те, что уже были созданы карфагенянами и даже еще финикийцами. С другой стороны, именно тот факт, что карфагенская культура пустила на острове прочные корни, замедлял процесс романизации местного населения.

Привлекая местное население и рабов, римляне в течение нескольких веков восстанавливали старые и строили новые дороги. Функционирование этих дорог помогало завоевателям размещать здесь свои военные силы, что обеспечивало им постоянный контроль над населением разных районов острова.

Археологическими раскопками на Сардинии к настоящему времени выявлено пять главных римских дорог. Все они начинались на юге острова (у Каралиса), а дальше или пересекали его, или проходили по западному и восточному побережью, заканчиваясь на севере Сардинии (рис. 4).

Римляне разместили на острове легионы. Обрабатывая земли близ лагерей, легионеры вступили в контакты с местным населением, знакомя его со многими элементами своей культуры, и особенно с системой сельского хозяйства. Как и повсюду, римляне привлекали в легионы покоренное население. Несомненно, островитяне, романизовавшись в ходе военной службы, становились затем «проводниками» романизации у себя на родине.

Римляне сохранили крупные латифундии, появившиеся на Сардинии еще во времена господства карфагенян, и создали новые. Для освоения земель Рим переселил на остров какое-то число италийских колонистов. Реорганизация латифундий по образцу тех, что были в Италии, также стала мощным фактором романизации сардинских равнин, ибо она опять-таки означала вовлечение масс населения Сардинии в совместную с римлянами сферу деятельности.

На острове был введен римский аппарат управления. Это, естественно, также способствовало романизации населения Сардинии. Повседневная жизнь островитян регулировалась теперь нормами римского права, что диктовало им и новые формы быта.

Местное население широко привлекалось римлянами также к разработке рудников. О том, что завоеватели не оставили без внимания минеральные богатства острова, замеченные еще финикийцами и карфагенянами, известно как по данным археологии и топонимики, так и из произведений античных писателей (Солин, Сидоний Апполинар, Рутилий Намацион)⁵⁴.

Несмотря на все эти меры, жители острова долгие годы не превращались в «римлян». Известно, что в первые века н. э. этнический состав населения Сардинии по-прежнему не был однородным. На западе и юге острова, в приморских городах и на плодородных равнинах жили сами римляне и романизованные ими пунийцы и сарды. В I—III вв. здесь наблюдался расцвет римской социальной, экономической и культурной жизни. Основанные в свое время финикийцами города перешли от карфагенской формы

быстрее приобщало их к римской культуре. Однако в тех же зонах сохранялось смешанное население, подвергшееся в свое время в большей степени языковой и культурной пунизации. В некоторых городах, например в Битии, до II в. н. э. сохранялась карфагенская система управления (суфетами), а официальные документы составлялись на пуническом языке⁵⁵. Итальянские исследователи считают, что жизнеспособность пунической цивилизации в Сардинии можно сравнивать лишь с той, что была в Африке⁵⁶.

На севере и востоке Сардинии, в горах продолжали существовать почти не затронутые римской цивилизацией автохтонные племена. И хотя римляне и называли их сардами (*Sardi*) или — для отличия от прибрежного населения — сардами в шкурах (*Sardi Pelliti*), сами они сохраняли свои прежние этнонимы. Дольше других не теряли свою самостоятельность иолеи, балары и корсы. Некоторые племена, по-видимому, оставались независимыми чуть ли не до V в. н. э.⁵⁷

Между тем, несмотря на все трудности и опасности, связанные с завоеванием местных племен, римляне постоянно стремились подчинить себе и их, для чего им необходимо было прочно обосноваться и в далеких горных областях. Об этом, в частности, могут свидетельствовать дороги, проложенные завоевателями во внутренней части острова, служившие как для налаживания с горцами контактов, так, в конечном счете, и для подчинения их. Очевидно, в период многочисленных экспедиций римлян в горные районы острова они стали называть эту зону Барбарией (*Barbaria*), т. е. населенной варварами⁵⁸. Ей, по-видимому, как и в других регионах Европы, противопоставлялась Романия (*Romania*), т. е. все те земли, которые римлянам удалось завоевать и романизировать сравнительно быстро⁵⁹. Как и повсюду, границы между Романией и Барбарией были обозначены римским защитным поясом (*limes*), укрепленным сильнейшими гарнизонами. Лимес как бы опоясывал зону, где жили «*barbaricini*» («маленькие варвары»), как называли их римляне. С каждым веком эту зону все плотнее охватывало кольцо римских городов и поселений, и она постепенно сужалась.

Ни время окончательного покорения горцев римлянами, ни время завершения их романизации нам неизвестны. Однако полное исчезновение языков всех местных народов Сардинии говорит о том, что и горные сарды в конце концов были романизованы. О том, как и когда проходил этот процесс, можно лишь строить гипотезы.

Интересна точка зрения, высказанная на этот счет сардинским лингвистом Массимо Питтау⁶⁰. Рассмотрев некоторые данные археологии, эпиграфики и диалектологии сардинского языка, ученый утверждает, что римляне довольно рано завоевали все зоны Барбарии, или, как ее называют сейчас, Барбаджи. Питтау усматривает противоречие в том, что горцы оказывали римлянам сопротивление дольше других жителей Сардинии, а наибольшее число латинизмов сохранилось до наших дней как раз в зонах, которые они

населяли. Желая объяснить это противоречие, ученый выдвигает довольно оригинальную версию о том, почему же Барбаджа все-таки была так глубоко романизована. По его мнению, это могло произойти лишь вследствие истребления и высылки римлянами всех мужчин-барбариценов и смешение в этих зонах самих римлян с женщинами-барбариценок.

Ни в одном труде, где ученый затрагивает вопрос о романизации горцев Сардинии, он не дает достаточно убедительного доказательства выдвинутых им положений. Однако история римского государства знает подобные примеры. Так, в Северной Италии римляне истребили значительную часть кельтских племен боев, поселив на их землях тысячи своих колонистов. Так же они поступили и с лигурами. Если принять во внимание, что истребление непокорных племен не было чуждо завоевательной политике римлян, можно считать правомерной и гипотезу Питтау.

Однако существуют и другие суждения по поводу романизации горной Сардинии. Так, ярким оппонентом Питтау выступает сардинский лингвист Антонио Санна. Он считает, что в течение долгого периода римского господства ее внутренние области не только не подверглись романизации, но даже никогда не были завоеваны римлянами. По мнению Санны, жители Барбарии были романизованы лишь в VII в. н. э., когда они были обращены в христианство⁶¹.

Автор настоящей статьи, не принимая полностью ни одну из этих точек зрения, представляет себе путь романизации горных сардов несколько иначе (см. об этом ниже).

В 395 г. произошел раздел Римской империи на Западную и Восточную. В V в. Западная империя стала распадаться под натиском варварских племен. Началось с потери ею отдельных провинций, закончилось прекращением существования некогда могущественного государства в 476 г. Однако еще задолго до этой даты зафиксированы инфильтрация варваров, главным образом германского происхождения, в пределы империи и смешение их с романским населением Апеннинского полуострова.

Главным «коридором», по которому варвары устремлялись в Италию, стали земли, где впоследствии сложилась фриульская этническая общность. В 166 г., пройдя провинцию Рецию и Норик и перейдя Альпы, в Северной Италии появились племена маркоманов и квадов. Первым крупным городом, которому угрожало завоевание, оказалась Аквилея. Императорам Марку Аврелию и Луцию Веру удалось справиться с пришельцами и отбросить их за пределы империи. Однако часть этих племен с согласия римлян заняла незаселенные земли на севере страны. В конце III в. император Проб разрешил обосноваться здесь же бастарнам, гепидам, остготам и некоторым другим германским племенам. Магистр римской конницы Феодосий в 370 г. поселил в долине р. По побежденных алеманов, а семью годами позднее император Грациан разместил в качестве колоннов на землях Северной Италии готов и тайфалов. В первые века нашей эры в том же регионе

стала колонами и некоторая часть воинов-наемников, служивших в этнически пестром римском войске.

С начала V в. поток варваров, устремлявшихся к границам Италии, становится непрерывным. С Балканского полуострова двинулись вооруженные племена вестготов во главе с Аларихом. Первой областью, на которую они обрушились, снова стала территория, населенная в наши дни фриулами⁶². Вестготы появились здесь со стороны Юлийских Альп, прошли по долине р. Изонцо и осенью 401 г. осадили и взяли Аквилею. Зимой 401—402 гг. полчища вестготов заняли всю область Венецию. В дальнейшем Аларих собирался пройти через Северную Италию и спуститься к Риму, но потерпев поражение недалеко от Вероны, был вынужден отступить в Иллирию. Однако позднее угроза вестготского завоевания вновь нависла над империей. Аларих пересек восточные границы Италии, спустился в 410 г. к «вечному городу» и взял его⁶³. В середине V в. в Северную Италию из Паннонии пришли гунны под предводительством Атилы. В 452 г. после трехмесячной осады они разрушили и буквально сравняли с землей Аквилею, которая с этого времени уже никогда больше не существовала как крупный город. Многие жители некогда цветущей римской колонии и тяготевших к ней земель покинули свои родные места и укрылись в горах и на островах прибрежной лагуны. Еще недавно крупнейший очаг романизации превратился для римлян в пограничную область стратегического значения⁶⁴. С целью обороны страны здесь начались разбивка новых лагерей и возведение крепостей. Для охраны дорог и фортификационных линий была создана мощная защитная система (см. рис. 3).

Вскоре после смерти Атилы держава гуннов распалась. Однако поток варваров, пробивавшихся в Италию, не прекращался. В 455 г. из Северной Африки на Апеннинский полуостров направились вандалы во главе с Гейзерихом, подвергшие «вечный город» страшному 14-дневному разгрому. Возвращаясь после этого в Африку, вандалы нанесли поражение флоту, выставленному против них Восточной Римской империей. В 476 г. по договоренности с византийским императором Зеноном Гейзерих получил острова Сицилию, Сардинию и Корсику, а также бывшую римскую провинцию Африку, где было создано так называемое Вандальское королевство. Его первым королем стал Гейзерих. На Сардинии вандалы высадились еще раньше (между 456 и 466 г.) и владели ею до 534 г.

Римская держава клонилась к своему закату. Провинции одна за другой оказывались в руках варваров. В конце V в. в Западную Римскую империю входила одна Италия, а императоры ее были лишь ставленниками вождей германских дружин. Когда в 476 г. был свергнут последний римский император Ромул Августул, Западная Римская империя прекратила свое существование. На ее территории возникло варварское королевство во главе с германцем Одоакром. В 488 г. император Восточной Римской империи Зенон, желая избавиться от соседства могущественного восточно-

германского племени остготов, спровоцировал их вождя Теодориха двинуться на Рим.

Приход остготов в Италию был не обычным военным набегом, а переселением сюда большой массы германских и некоторых других племен, до этого подчиненных готам. Многие историки считают, что Теодорих привел на Апеннинский полуостров около 100 тыс. остготов и около 50 тыс. человек из других племен. Теодорих разбил в нескольких сражениях Одоакра, осадил и взял в 493 г. Равенну. После этого он был провозглашен «королем готов и италиков». Остготское королевство, столицей которого стала Равенна, охватывало обширную территорию: в нее входили значительная часть Апеннинского полуострова, Сицилия, Далмация, Реция, Норик, Тироль и даже Прованс. Большинство остготов поселилось в Северной и Центральной Италии. К ним отошла и вся область Венеция и Истрия. Как следует из одного документа V в. (так называемый Мадридский каталог), главным городом этого региона (*caput Venetiae*) теперь стал Форум Юлии, расположенный на пересечении дорог, по которым шли завоеватели⁶⁵.

В отличие от многих других предводителей варварских дружин Теодорих стремился к мирному сосуществованию остготов с римлянами⁶⁶, а также хотел приобщить своих соплеменников к высокой римской культуре. Приняв латынь в качестве официального языка своего королевства, он дал всей своей семье римское образование. Стремясь привлечь на свою сторону римских рабовладельцев и католическое духовенство, Теодорих сохранил многие римские политические учреждения. Около 500 г. был обнародован (на латинском языке) известный Эдикт короля Теодориха. Он был основан на римском праве и дополнен некоторыми положениями из обычного права германцев. Действие Эдикта распространялось на всех подданных нового государства независимо от их этнической принадлежности. После раздела земель между пришельцами и прежним населением (см. об этом выше, в статье Е. А. Шервуд «Предпосылки формирования итальянского этноса (Социально-экономический аспект в V—VI вв.)») Теодорих распределил и «обязанности» подданных своего государства. Готам были доверены военная служба и защита королевства, римлянам — администрирование и юриспруденция.

Однако смешению готов с местным населением препятствовали религиозные мотивы. Распри готов-ариан и римлян-католиков оказались той центробежной силой, из-за которой так и не произошло их настоящего этнического сращения.

Остготское королевство просуществовало около шестидесяти лет. В 552—553 гг. Италия стала объектом завоевательных устремлений византийцев, которым удалось продержаться на Апеннинском полуострове всего тринадцать лет.

Области Италии, завоеванные оружием воинов Восточной империи, никогда не были глубоко эллинизированы. Чтобы удержать здесь свою власть, византийцы были вынуждены идти на большие уступки побежденному населению. Ему разрешалось применять

любые правовые нормы, отправлять культы на латинском языке, сохранять местные обычаи ⁶⁷.

В 568 г. в Северную Италию из Паннонии, перейдя Юлийские Альпы, вторглось германское племя лангобардов под предводительством Альбоина. Первым крупным населенным пунктом, который они заняли на пути в Италию, оказался Форум Юлии ⁶⁸. Не встречая вооруженного сопротивления местных жителей, лангобарды обосновались на фриульской равнине. Затем они изгнали византийцев с территории, которая впоследствии получила по ним название Ломбардия, а позднее, к 590 г. овладели большей частью Апеннинского полуострова, оттеснив византийцев к Равенне и в Южную Италию ⁶⁹. Альбоин назвал созданное им в Италии государство королевством (*regno*) и разделил его на герцогства (*ducati*).

Завоевание Италии лангобардами было не только военным набегом, но в еще большей степени, чем нашествие готов, сопровождалось переселением этого племенного союза на Апеннинский полуостров. Одновременно с завоевателями здесь появились и другие племена различного происхождения. Лангобардский историк Павел Диакон (VIII в.) сообщает, что «Альбоин привел с собой в Италию много людей разного рода и племени, которых захватил он сам и другие герцоги. Вследствие этого мы до сих пор называем поселения, в которых они живут, по именам гепидов, болгар, сарматов, паннонцев, свевов, нориков и других подобных народов» (II, 6). Все эти народы входили в мощный племенной союз, основным ядром которого были сами лангобарды ⁷⁰.

В процессе овладения Италией лангобарды в основном ликвидировали государственную систему Римской империи. Местное население должно было платить в пользу завоевателей $\frac{1}{3}$ доходов. Правда, сама структура землевладения не была полностью разрушена. Лангобарды не вмешивались и во внутреннюю жизнь городов, «где сохранялись не только римский правовой уклад, но и римские должностные лица» ⁷¹.

В первый век своего господства лангобарды жили отдельно от романского населения. Они расселялись кровнородственными группами — фарами (*faerae*), подчиненными герцогам. Каждая фара имела в своем распоряжении земельную собственность, чаще всего соответствовавшую прежним римским участкам. Несколько фар образовывали округ, управлявшийся так называемым «скуальдахием» (ит. *scualdasco*), или «деканом» ⁷². В местах своего расселения лангобарды становились новыми земельными собственниками, бок о бок с которыми жило местное население. Фара представляла собой и организацию политико-военного типа. Корень *-faera-* вошел в состав многих итальянских топонимов, очевидно, возникших на месте лангобардских поселений. Таковы, например: *Fara Sabina*, *Fara Oliva* и др. ⁷³

До конца VII в. еще не произошло «растворения» лангобардов в местной среде. Романско-лангобардский синтез можно отнести, вероятно, лишь к VIII в., когда уже существовали совместные

поселения. Замедленный процесс смешения завоевателей с подчиненным населением можно объяснить также тем, что долгое время романизованное население жило по римскому праву, а пришельцы — по лангобардскому⁷⁴. Выражения «проживающий по римскому праву» и «проживающий по лангобардскому праву» сохраняются в итальянских письменных документах до XII—XIII вв.⁷⁵

Лангобардское право предоставляло населению королевства полную свободу относительно браков⁷⁶. Однако католическое духовенство нередко выступало против брачных союзов местных жителей с лангобардами. Долгое время завоеватели говорили на своем языке. Павел Диакон утверждает, что он был «живым» языком еще в конце VII в. Лангобарды пользовались в Италии своим языком в течение всего VIII в.⁷⁷ Некоторые исследователи, например В. Брукнер и Ф. Клуге, утверждают даже, что пришельцы говорили по-лангобардски вплоть до 1000 г.⁷⁸ В конце концов лангобардский язык исчез, но он оставил заметные следы в итальянском. Правда, это в основном бытовая лексика, топонимы и собственные имена⁷⁹. Грамматические же основы итальянского языка и всех его диалектов оставались чисто романскими⁸⁰. Некоторые историки видят причину этого в численном перевесе романского населения над лангобардами. Думается, что здесь дело не только в этом. Важнее, пожалуй, то, что латинский язык и римская культура были несравненно развитее германского наречия и их «варварской» культуры. И завоеватели, приобщаясь к высокой римской культуре, постепенно овладели и языком ее носителей. Лангобарды усвоили латынь к середине VIII в.⁸¹, а к моменту франкского завоевания она была здесь господствующим языком⁸².

Большую роль в постепенном усвоении завоевателями языка и обычаев населения Апеннинского полуострова сыграл католицизм. В первые годы лангобардского владычества католиками были только римляне. В этот период у ариан-лангобардов, сохранявших собственный язык и обычаи, были свои епископы. В начале VII в. лангобардская верхушка приняла католичество. С этого времени арианство постепенно вытеснялось, и к концу VII в. подавляющая масса лангобардов была католического вероисповедания. Исчезновение различия в религии у покоренных римлян и завоевателей-лангобардов весьма способствовало сближению между ними. Коренное население Италии и лангобарды были включены в одни и те же церковные общины, а богослужение проходило на латинском языке⁸³. В последний век существования лангобардского королевства латынь стала его официальным языком. Лангобарды пользовались им для составления своих хроник. Во второй половине VII в. появляется и лангобардская литература на латинском языке⁸⁴.

К аккультурации лангобардов римлянами неминуемо должно было привести и совместное ведение сельского хозяйства. «Земле-владение, — пишет историк итальянского права А. Сольми, — способствовало усвоению диким победителем обычаев побежден-

ных, к которым лангобарды приспособили в конце концов свою организацию земельной собственности, равно как систему заселения земельных участков, а за этим медленно последовали язык, искусство, культура и, отчасти, право». Завоеватели перенимали римские навыки и во всех ремеслах⁸⁵.

Несмотря на явное сближение лангобардов и римлян и их взаимное культурное влияние, роль завоевателей в формировании итальянской народности оценивается в европейской исторической литературе по-разному. Оставляя в стороне этот, пока открытый в западноевропейской историографии вопрос⁸⁶, автор данной статьи хотел бы отметить, что лангобарды привели в Италии в действие центробежные силы. Дело в том, что их королевство не было по-настоящему консолидированным государством. Оно делилось на несколько герцогств, самыми крупными из которых были Форум Юлии, Беневенто и Сполето. Каждое лангобардское герцогство представляло собой самостоятельное владение с сильной властью герцога. Жизнь дукатов отличалась большой замкнутостью, что уже в лангобардское время заложило основы формирования отдельных этнографических групп итальянцев. Этому способствовало еще одно важное обстоятельство. При учреждении герцогств лангобарды учли границы старых римских областей, «то объединяя несколько таковых в одно целое, то выделяя для себя значительную часть той или иной»⁸⁷. Римляне же в императорский период, как указывалось выше, поделили Италию «по племенам и народам». Таким образом, «через несколько веков после латинизации лангобарды могли определить этнические рамки племен доримской эпохи и организовать свои герцогства в общих чертах на базе старых племенных границ»⁸⁸. Так произошло и на фриульских землях, где начавшийся процесс обособления населения зашел еще дальше и привел в конце концов к зарождению самостоятельной этнической общности — фриулов.

Основы первого дуката были заложены на территории Фриули в 569 г., когда Альбоин, покидая ее, оставил здесь большой гарнизон под командованием своего племянника Гизульфа. По его главному городу (Форум Юлии) дукат стал называться Форуюлийским (*Ducatus Foroiuliensis*)⁸⁹. Он включал в себя территорию четырех римских муниципиев (Форум Юлии, Аквилея, Юлий Карнийский и Конкордия) и объединял, таким образом, под властью герцога все земли, расположенные между реками Ливенца и Изонцо и между Альпами и морем. На той же территории позднее сложилась фриульская этническая общность. От Павла Диакона узнаем, что Гизульф отказывался от герцогства до тех пор, пока в его распоряжение не были переданы определенные фары (II, 9). По всей вероятности, знатные фары заняли в Форуюлийском дукате место прежней земельной аристократии и составили опору герцога. Лангобарды стали в регионе новыми земельными собственниками, в подчинении у которых находилось местное население⁹⁰. Как и в других областях Италии, корень *faça* вошел здесь в состав многих топонимов, возникших в лангобардское

время. Таковы например: Monte Fara, Farella, Farra d'Isonzo и др.⁹¹

В VII—VIII вв. шла консолидация Форуюлийского дуката как административного и, может быть, политического объединения. Поэтому немало способствовала внешняя опасность — в течение двух веков пограничному герцогству пришлось отражать набеги аварских и славянских племен, несколько раз разорявших территорию герцогства. По-видимому, позднее между лангобардами и наиболее близкими (территориально) славянскими племенами было достигнуто согласие. Теперь лангобарды не препятствовали мирной иммиграции славян в пограничные районы герцогства. Так была заселена славянами вся предальпийская зона, идущая от Тарченко к Чивидале и Кормонсу⁹².

Позднее, в VIII—IX вв., славяне стали проникать и на фриульскую равнину. Вероятно, в это время образовалась полоса славянских поселений, расположенная южнее Чивидале, к западу от окрестностей Порденоне (через Пальманову, Кодройпо и р. Тальяменто). Это доказывается топонимикой перечисленных районов⁹³.

В первой половине VIII в. в Форуюлийском дукате можно наблюдать тяготение лангобардской верхушки к римской культуре. Известно, что герцог Пеммон основал дукатскую школу, ставшую вскоре центром латинской культуры. В этой школе воспитывались дети знатных лангобардов. Из нее же вышли историк Павел Диакон, а также грамматик и поэт Паолин, ставший позднее патриархом и прославившийся своей просветительской деятельностью⁹⁴.

По всей вероятности, в лангобардское время зародилось имя «фриулы» (лат. *Friulani*, ит. *Friulani*). Павел Диакон называет *Friulani* жителей всего Форуюлийского дуката, главным городом которого был Форум Юлии. В его «Истории лангобардов» слово *Friulani* встречается много раз именно в этом значении (IV, 38; V, 23; V, 17 и др.). Позднее *Friulani* изменилось в *Friulani* и превратилось в этноним.

Форуюлийский дукат достиг большой независимости от королевства и являл собой нечто вроде «государства в государстве». У народа же его, по мнению фриульских историков, существовало сознание областного единства. Вероятно, для последнего века существования дуката можно уже говорить о возникновении здесь этнической общности того типа, который советские историки называют «протонародностью феодальной эпохи»⁹⁵.

Возникает вопрос: почему именно во Фриульском дукате началось формирование подобной протонародности, а в других дукатах этого не произошло? Фриульский этнос сохранился до наших дней, тогда как о сложении беневентской или сполетской этнической общности историческая наука сведениями не располагает. Видимо, именно пограничное положение Форума Юлии, интенсивность межэтнических контактов, которые проходили в регионе, способствовали осознанию населением герцогства специфичности своей ситуации и общности своих специфических интересов. Именно поэтому здесь сложилась не локальная группа итальянского

этноса, как в других герцогствах, а особый этнос со своим обособленным самосознанием.

Надо полагать, что фриульская протонародность уже в целом оформилась, когда в 774 г. в область, где она зародилась, вторглись две армии франков. Лангобардское королевство в Северной Италии было уничтожено. Правда, несколько лангобардских герцогов не пожелали подчиниться королю франков Карлу Великому. Во главе их заговора стоял фриульский герцог Ротгауд⁹⁶. Однако в 776 г. Карлу удалось сломить сопротивление мятежных дукатов, и Ротгауд был убит в первой же битве.

Карл лишил власти многих лангобардских дуков и заменил их графами (*conti*) франкского происхождения. Во Фриули Карл поселил большое число верных ему франков, предоставив им в дар земли. Так здесь был создан постоянный гарнизон и положено начало формирования феодалов. Уделяя немалое внимание укреплению границ своего государства, Карл организовал область Фриули как марку (*marchia*), т. е. пограничное маркграфство. Территория его вдавалась в южнославянские земли и была призвана отражать набеги аваров и славян⁹⁷. Марка в свою очередь была разделена на несколько графств (*contee*), графы которых непосредственно подчинялись маркизу (*marchese*) или маркграфу. На западе границы марки простирались до р. Адидже, на востоке она включала трансальпийские земли, расположенные по правому берегу Дравы⁹⁸. До этого главный город области назывался *Forum Iulii*, или *Foroiulana Civitas*. Теперь он был переименован в *Civitas Austriacae*⁹⁹. Название же *Forum Iulii* осталось за областью в целом¹⁰⁰.

При Карле Великом продолжались войны населения Фриули со славянами и аварами близлежащих земель. Карл отдал под верховную власть фриульского маркграфа Посавскую и Далматинскую Хорватию вместе со словенскими районами¹⁰¹.

Хорваты платили фриульскому маркграфу дань и поставляли в его войско вспомогательные отряды.

Начиная с X в. равнина продолжала заселяться славянскими колонистами, которых посылали туда аквилейские патриархи¹⁰². Славяне оставили здесь значительные следы в топонимике, но вскоре были ассимилированы местным населением (за исключением так называемых «бенешских словенцев» Юлийских Альп)¹⁰³.

В середине IX в. Фриули пережила период культурного подъема. В это время при престоле аквилейского патриарха возник центр писцов (*scriptorium*), что явно указывает на расцвет литературы¹⁰⁴. В годы франкского господства продолжал формироваться фриульский язык. По своему строю это был по-прежнему чисто романский язык, и лишь лексика его обогатилась некоторыми словами франкского происхождения¹⁰⁵. Фриульские лингвисты считают, что в период господства над Фриули Каролингов эволюция аквилейской латыни во фриульский язык должна была закончиться. В противном случае, полагают они, было бы трудно объяснить, как этот язык смог целиком поглотить говоры славянских народов, населивших фриульскую равнину после ее опустошения

в X в. венграми, и противостоять в течение трех последующих веков интенсивному немецкому влиянию¹⁰⁶.

Еще Карл Великий начал дарения аквилейским патриархам фриульских земель. В X в. к ним перешли обширные пространства поделываемых участков с укрепленными замками. Уже в начале века патриарху были феодально подчинены многие аббатства и даже епископства, например Конкордия, Читтанова Истрийская, Педена и др.¹⁰⁷

В 50—60-е годы X в. Северная и Средняя Италия была завоевана германским императором Оттоном I. В 962 г. папа Иоанн XII в соборе святого Петра в Риме короновал Оттона I. Так официально был санкционирован переход империи от франков к саксонцам и было положено начало Священной Римской империи¹⁰⁸.

Во времена Оттона началось распределение фриульских земель между господствующими германскими семьями. Из них одни обосновались внутри патриархии, другие — объединили свои новые владения с прежними, которые у них были по ту сторону Альп¹⁰⁹. В дальнейшем императоры опирались на политическое могущество аквилейской церкви. Патриархи получили от императоров обширнейшие земли, важные дороги и мосты, не говоря о суверенных правах всякого рода.

Уже в первой половине XI в., во времена известного патриарха Попона (1019—1042 гг.) аквилейская церковь достигла огромной мощи. Еще большее значение она приобрела при императоре Генрихе IV, уступившем в 1077 г. патриархии обширную территорию графства Фриули, а позднее марки Карниолу и Истрию. На севере и востоке границами графства были Карнийские и Юлийские Альпы, на юге — море, на западе оно простиралось до р. Ливенца. Так образовалось государство аквилейских патриархов, существовавшее во Фриули более трех с половиной столетий¹¹⁰. Известный исследователь национального развития малых народов Европы Серджио Сальви определяет суть этого государственного образования как «церковный принципат германского типа»¹¹¹.

С течением времени государство аквилейских патриархов все меньше зависело от императоров и становилось самостоятельной политико-территориальной единицей, защищавшей свои собственные интересы¹¹². Это в свою очередь способствовало дальнейшей консолидации фриульского этноса, укреплению его специфического самоощущения, а следовательно, и самосознания.

Патриарший престол находился в Аквилее, однако политическая столица государства была установлена в Чивидале. Чтобы подчеркнуть свою монархическую власть, аквилейские государи стали чеканить собственную монету. В государстве существовал и свой особый свод законов (*Constitutiones Patriae Foriulii*)¹¹³. Подданные аквилейских монархов составляли три социальных слоя: так называемые «знатные» (*nobili*), «свободные» (*liberi*) и «сервы» (*servi*), очевидно, крепостные. С опозданием по сравнению с другими областями Италии во Фриули возникли и коммуны (как городские, так и сельские). Выражением

эволюции патриархии было появление в первой половине XIII в. такого важного социального учреждения, как Фриульский парламент (*Parlamento Friulano*). В него входили представители всех вассалов патриархов, а также посланцы тринадцати главных городских коммун. Вначале функции парламента ограничивались обсуждением вопросов о финансовых податях, позднее он получил также исполнительную власть¹¹⁴. В жизни сельских коммун большую роль играла соседская община. Известно, что многие вопросы здесь решались на собрании глав семей, которое называлось *vicinia* (букв. — соседство). Такие собрания обычно происходили под вековым деревом или в лоджии на большой площади главного населенного пункта коммуны, куда представители семей собирались по звону колокола¹¹⁵.

В XI в. аквилейские патриархи по-прежнему не препятствовали иммиграции славян из Каринтии на опустошенную в свое время венграми фриульскую равнину. Пришельцы расселялись по большей части между реками Торре и Тальяменто. На этой территории еще сегодня бытуют топонимы славянского происхождения, например: *Gradisca*, *Gradiscutta*, *Gorizzo*, *Goricizzo*, *Lestizza*, *Belgrado*. Из документов XII в. видно, что в это время потомки иммигрантов еще сохраняли некоторые свои славянские имена: Иван, Гоймир, Добровит, Стоян и др.¹¹⁶

Вековая зависимость аквилейских патриархов от германских императоров не прошла даром. Свыше двухсот лет (до 1250 г.) патриарший престол Аквилеи занимали представители немецких семей¹¹⁷. Для утверждения своей власти в стране они постоянно привлекали во Фриули немецких дворян, наделяя их поместьями. Эти дворяне селились в бургах, предоставляемых им патриархами, или строили себе новые укрепленные поселения. Дворянство окружало себя вассалами также немецкого происхождения. Вся область Фриули оказалась усеянной городами-крепостями, где господствующий слой составляли германоязычные дворяне. Стиль жизни в бургах диктовался германскими обычаями, процветала германская рыцарская культура. В течение веков господствующая верхушка Фриули стойко держалась своего немецкого наречия. В это время в лексику фриульского языка прочно вошли многие слова германского происхождения, сохранившиеся в нем до наших дней¹¹⁸. К периоду господства во Фриули аквилейских патриархов заальпийского происхождения относится и появление в области многих немецких топонимов¹¹⁹. Таковы, например: *Spilimbergo*, *Soffumbergo*, *Solimbergo* и др. Германское влияние можно проследить не только в языке, но и в других элементах культуры фриулов.

При дворе патриархов собирались немецкие рыцари-поэты, так называемые миннезингеры. В XII в. среди них был и всемирно известный Вальтер фон Фогельвейде. Архитекторы из-за Альп возводили в городах и сельских местностях региона церкви и гражданские здания. Заальпийские традиции были перенесены и в некоторые ремесла подданных патриархов, например в ювелирное дело¹²⁰.

В аквилейский период истории судьба Фриули сложилась отлично от судьбы других областей Италии. Продолжительное существование на этой территории самостоятельного и весьма своеобразного государства привело к ее общественно-политической замкнутости. В то время как у населения ряда областей Италии появилась тенденция национального единства, жители патриархии стояли особняком. Это проявилось, например, в таком факте. Император Фридрих I Барбаросса пытался подчинить себе северо-итальянские города, тоже существовавшие как отдельные самостоятельные государства. Тогда Милан, Кремона, Бергамо, Брешиа, Мантуя, Феррара, Венеция и другие города, забыв свои распри, заключили против «Священной Римской империи» союз, названный Ломбардской Лигой. К этому союзу примкнули также римский папа и Сицилийское королевство. В 1176 г. объединенные силы итальянских городов при Леньяно около Милана наголову разбили войско Фридриха, и он признал их независимость¹²¹. Период войн итальянских городов с германским императором принято считать эпохой пробуждения итальянского национального самосознания. Фриулы же к этим войнам не имели никакого отношения, а аквилейские патриархи, вероятно, даже помогали Фридриху¹²².

Здесь сказалось, видимо, германское происхождение как самих аквилейских патриархов, так и верхушки дворян, которые совместными усилиями изолировали область от влияния остальной Италии и в своих симпатиях всегда были на стороне германских соседей. Однако это была верхушечная политика, реальные возможности которой все же были ограничены.

В дальнейшем на культурное развитие и политическую ориентацию фриулов повлияло соседство Венеции. Поэтому не приходится удивляться, что в последние полтора столетия существования аквилейской патриархии отношение Фриули к Венеции и соседним областям существенно изменилось. Для этого периода характерны обширные связи Фриули с итальянскими областями. Во времена патриарха Маргуарда (вторая половина XIV в.) в г. Удине в свите императора Карла IV был Петрарка. Кажется, во Фриули побывал и Данте. При дворе патриарха служило много итальянских культурных деятелей. В этот же период наблюдается участие выходцев из Фриули в культурной жизни многих итальянских городов (Болоньи, Падуи и др.).

В последнее столетие существования аквилейской патриархии усилилось влияние Венецианской республики. Оно ощущалось прежде всего во фриульском искусстве, которое развивалось в контакте с искусством других областей Италии, закрепляя духовные связи фриулов с населением этих областей. Итальянский характер фриульского искусства проявился в живописи Удинского собора (середина XIV в.), архитектуре церквей Сан Франческо в Чивидале и Удине, собора в Спилимберго, дворцов в Вендоне, Джемоне, Чивидале и в других творениях фриульских мастеров¹²³.

Однако самым важным для характеристики фриулов в период

существования патриархии является формирование их языка. Наиболее ранний из дошедших до нас памятников фриульского письменного языка относится к 1150 г. Это фрагмент аквилейского капитулярного сборника постановлений. Он написан по-латыни, но содержит много фриульских слов¹²⁴. Несомненно, фриульская народная речь начала звучать гораздо раньше, чем появился этот письменный памятник. Наверно, в VI—X вв. аквилейская народная латынь постепенно преобразовывалась во фриульский язык¹²⁵, который, однако, весьма продолжительное время оставался бесписьменным или почти бесписьменным. Ведь официальным языком при аквилейских патриархах, какого бы происхождения они не были, всегда оставалась литературная латынь. Мало-помалу фриулы превратили свой разговорный язык в письменный¹²⁶. К XIII в. относятся уже сотни документов (пергаменты, свитки, нотариальные, судебные и медицинские записи), составленные по-фриульски¹²⁷. Еще чаще этот язык стал применяться в письменном виде в XIV в., т. е. в период интенсивного развития фриульской культуры. К тому времени относятся отчеты, написанные казначеями Удине, Чивидале и Джемоны, дарственные грамоты, нотариальные акты¹²⁸, а также художественные произведения¹²⁹. Таким образом, *volgare scritto* (письменный народный язык) начинает заменять литературную латынь, в которой, очевидно, уже не были сильны те, кто писал по-фриульски. По всей вероятности, фриульский язык в это время стали преподавать в некоторых учебных заведениях¹³⁰.

Литература на фриульском языке появилась примерно тогда же, когда в Италии начал утверждаться итальянский язык. И хотя жители отдельных областей Апеннинского полуострова говорили на своих диалектах, в XIV в. все они понимали так называемый *volgare illustre* (прекрасный народный язык), созданный Данте на основе тосканского диалекта¹³¹. Во Фриули этот язык тогда еще не проник.

Во многих документах периода патриархии встречаем слова *Terre Forijulii* (фриульские земли), *loci Forijulii* (фриульские местности), *villae Forijulii* (фриульские деревни)¹³², *partes Forijulii* (фриульские края)¹³³, из чего совершенно ясно, что всю область продолжали называть *Forum Iulii*.

В документах XIII в. впервые появляется термин *Patria Forijulii* (Фриульское отечество)¹³⁴. Позднее, в XIV—XV вв. это название прочно закрепляется за территорией Аквилейской патриархии¹³⁵. Приведенные свидетельства очень важны как факт деноминации исследуемой области как «Фриули». Очевидно, в те же века сформировалось второе этническое название фриулов — *Furlani*. Это название неоднократно встречается, например, во многих документах второй половины XIV в.¹³⁶

В последний период существования Аквилейской патриархии ее население уже осознавало себя определенной этнической общностью. Подтверждением этого могут служить еще некоторые другие, зафиксированные в различных исторических документах

термины. Так, в них неоднократно встречаются слова: *Patriani*, *Patrienses* и *Compatriotae* ¹³⁷. Все эти слова на русском языке можно выразить термином «соотечественники».

Из сказанного становится ясным, что во времена существования Аквилейской патриархии ее жители осознавали себя принадлежащими к единому отечеству, т. е. ощущали себя членами определенной этнической общности. Это явление следует считать результатом существенных и глубинных процессов этнического, социального, политического, экономического и культурного характера, на которые уже указывалось в ходе изложения истории области Фриули.

В иных условиях оказалась в I тысячелетии н. э. Сардиния. Если главной чертой этнической истории области Фриули была в это время постоянная и интенсивная инфильтрация германских племен и смешение с ними романского населения региона, то для острова определяющим фактором дальнейшего этнического развития оказалась его длительная изолированность от остальных частей Романии.

В первые века нашей эры Сардинию продолжали осваивать римляне. Их господство и цивилизация неуклонно утверждались здесь при отсутствии каких бы то ни было контактов с континентальными варварскими племенами. Сардиния не знала германского адстрата вплоть до прихода в середине V в. вандалов. Да и с этого времени остров по существу никогда не германизировался.

Отношения между римским обществом острова и миром здешних горцев оставались и в этот период сложными. Местные «маленькие варвары», по-видимому, организованные в военно-родовые отряды (*bardanas*) ¹³⁸, не только не были покорены, но и порой переходили в наступление на официальных властителей острова. Прорывая в разных местах римский лимес, они совершали грабительские набеги на жителей сардинской Романии. Из-за постоянной мятежности горцев римским властям приходилось посылать на Сардинию все новые контингенты своих войск, и таким образом романский этнический компонент на острове не только не поглощался местной средой, но, постоянно пополняясь, усиливался.

В конце концов слияние барбарицинов с римлянами и романизованным раньше населением равнин в один этнос, по-видимому, произошло, хотя исторические источники и не сохранили сведений о том, какими конкретными событиями это сопровождалось. Археологические и эпиграфические материалы со всей очевидностью свидетельствуют об установлении (хотя и позднем) тесных экономических и культурных связей двух некогда враждебных миров и о проникновении, пусть и медленном, в среду горцев латинского языка и римской культуры. Длительные контакты римлян с сардами должны были привести к существенным изменениям в материальной и духовной культуре горцев. Постепенно земли местных народов Сардинии превращались в интегральную часть древнерим-

ского государства, а сами эти народы медленно, не неуклонно романизовались.

В первые века нашей эры римские императоры превратили Сардинию (наверное из-за свирепствовавшей там малярии) в место ссылки неугодных им лиц, а порой и больших групп людей разной этнической принадлежности. Об одной из таких акций римских властей, предпринятой в 19 г., сообщает Тацит в своих *Анналах* (II, 85). «Обсуждался и вопрос, — пишет римский историк, — о запрещении египетских и иудейских священнодействий, и сенат принял постановление вывезти на остров Сардинию четыре тысячи зараженных этими суевериями вольноотпущенников, пригодных по возрасту для искоренения там разбойничьих шаек, полагая, что если из-за тяжелого климата они перемерут, то это не составит большой потери; остальным предписывалось покинуть Италию, если до определенного срока они не откажутся от своих нечестивых обрядов»¹³⁹.

В письменных источниках нередко сообщается и о высылке на остров проповедников раннего христианства, приговоренных к тяжелым принудительным работам в сардинских рудниках. История сохранила имена тех из них, кто продолжал пропаганду новой религии и на Сардинии. Это были святые Сатурн, Эфизий, Симплиций, Гавин и др. Об их проповеди здесь христианства свидетельствуют и определенные археологические находки в местах, где позднее были воздвигнуты храмы в честь этих «мучеников». В Южной Сардинии были обнаружены также многочисленные остатки христианских кладбищ и катакомб. В IV в. христианство, получившее официальное признание в империи (по эдикту Константина Великого в 313 г.), широко документировано почти для всех сардинских прибрежных городов. В конце века новая религия начала распространяться и во внутренних регионах острова¹⁴⁰. Деятельность духовных лиц, образованных людей своего времени, оказала благотворное влияние на развитие не только религиозной, но и светской культуры островитян.

Депортация на Сардинию служителей католического культа происходила и при арианах-вандалах, владевших островом до 534 г. Источники этого времени свидетельствуют о том, что сосланные проповедники способствовали все большей христианизации островитян. В вандальский период на Сардинии существовало пять епископств¹⁴¹. Так как и епископы, и более мелкие чины католической церкви были носителями римской культуры и латинского языка, они способствовали все более глубокой романизации жителей острова. Таким образом, в V—VI вв. на Сардинии продолжались этнокультурные процессы, начавшиеся еще при господстве римлян.

Сами же нецивилизованные вандалы не могли оказать влияния на культуру островитян. Не произошло и их смешения с местным населением. Причиной этого, по-видимому, было запрещение в королевстве вандалов межэтнических браков¹⁴².

Однако нельзя сказать, что господство вандалов не оставило

никакого следа в развитии сардинского общества. При них социально-экономическая жизнь населения Сардинии перестала регулироваться римским правом. По-видимому, оно вернулось к сложившимся здесь до римского завоевания институтам обычного права, в которых важную роль играла сельская община¹⁴³.

В 534 г., после изгнания вандалов с Сардинии войсками византийского полководца Велизария она официально перешла к Византии и стала одной из семи византийских провинций. Во главе администрации новых завоевателей сначала был поставлен презес (*praeses*), а с VII в. — юдик провинции (*judex provinciae*).

Как и на Апеннинском полуострове и по тем же причинам (см. выше), эллинизация населения Сардинии была неглубокой и охватила, по-видимому, незначительную часть островитян. Сложилась сложная лингвистическая ситуация. Официальным языком византийской канцелярии был греческий. Вместе с тем византийцы и образованные слои местного населения были билингвичны, владея и латинским, и греческим языками. Остальная же, менее просвещенная и более многочисленная часть населения острова продолжала говорить лишь на латинском с лексическими добавлениями из местных языков¹⁴⁴.

При византийцах продолжался замедленный процесс романизации населения острова и консолидации его в единое этническое целое. Теперь в него оказались вовлеченными и горные сарды. Полное исчезновение языков всех местных народов Сардинии указывает на то, что они были в конце концов ассимилированы романским населением острова и лингвистически. Завершающим этапом слияния жителей равнин с горами следует считать принятие последними христианства, что произошло в конце VI—начале VII в.

Время окончания византийского господства над Сардинией точно неизвестно из-за отсутствия достоверных сведений в исторических источниках. Есть косвенные указания на то, что власть императоров Восточной Римской империи над островом стала ослабевать с конца VII в. На протяжении всего VIII в. императоры с трудом охраняли свои близкие и далекие владения от посягательств арабов. Особенно напряженным было положение в Сардинии. С 703 до 1015 г. она подвергалась постоянным набегам арабов, державших жителей ее прибрежных районов в постоянном напряжении.

Мусульмане не оставили почти никаких следов в культуре островитян. И это вполне естественно. Несмотря на то что арабы вторгались на остров в течение трех столетий, они никогда не имели продолжительных контактов с сардинцами. У них не было здесь ни постоянных поселений (даже типа лагерей), ни организованной власти. Иная ситуация создалась в этот же период на соседней Сицилии. Там арабское господство носило постоянный и продолжительный характер, и следы глубокого мусульманского влияния можно легко распознать в языке, топонимике, архитектуре и обычаях сицилийцев¹⁴⁵.

Последствия арабских набегов для сардинцев были совсем в другом. В течение VIII—X вв. островитяне, покинутые византийцами и предоставленные самим себе, вынуждены были самостоятельно противостоять натиску арабов. Именно эти три века постоянной борьбы с внешними врагами стали для сардинцев тем временем, когда процесс их консолидации в этническую общность вступил в завершающую стадию.

По историческим документам XI в., Сардиния известна как остров, земли которого были разделены на четыре феодальных владения — юдикаты во главе с юдиками. Ни время, ни обстоятельства этого разделения неизвестны. Итальянские историки, занимавшиеся сюжетами сардинского средневековья, датируют возникновение юдикатов по-разному: от VIII до XI в.¹⁴⁶

Может быть, начало юдикальной системы было положено еще раньше — в VII в., когда византийцы сосредоточили всю административную власть над островом в руках юдика провинции, имевшего резиденцию в Кальяри. Вполне возможно, что первый независимый юдик Кальяри происходил из семьи последних византийских должностных лиц¹⁴⁷.

Высказывались предположения, что после того как византийские императоры бросили Сардинию на произвол судьбы, а арабы усилили свой напор, юдик, будучи не в силах отражать их набеги, сам разделил территорию острова на эти четыре области. Управление ими он доверил наместникам, которые в конце IX в. добились независимости и стали в своих владениях такими же юдиками.

Социальная структура Сардинии в период существования юдикатов была довольно сложной. Верхушку общества составляли так называемые *liugus majores* (свободные власть имущие или свободные знатные) — родственники юдика и другие крупные земельные собственники. На следующей ступени общественной лестницы стояли просто *liugus* (свободные), владевшие землями, обложенными определенной податью. Затем шли так называемые *rareros*, т. е. «бедные», которые были юридически свободны, но лишены земельной собственности. Четвертый слой составляли *сервы* (*servos*)¹⁴⁸.

К периоду, когда Сардиния появляется на политической карте Европы как остров, разделенный на четыре независимых юдиката, относятся самые ранние памятники сардинского письменного языка. К настоящему времени открыто и прочитано более сорока таких документов. Это так называемые «хартии» (*carte*) и «кондаги» (*condaghi*), относящиеся к XI—XII вв. Как справедливо отметил итальянский историк Р. Б. Мотцо, эти памятники сардинской письменной речи «после трех веков мрака и почти полного молчания представляют нам народ, который говорит и пишет на новом неороманском наречии, происходящем от латинского. . .»¹⁴⁹

Хартии и кондаги дают важный материал исследователям ранних периодов истории сардинского языка. Несомненно, сардинский разговорный язык сформировался гораздо раньше письменного. Начало этого процесса, по-видимому, следует отнести к VI в.

С этого времени начинается оформление наречия, на котором говорили сардо-римляне, в один из неороманских языков. Важным этапом в формировании сардинского языка стал долгий период постоянных арабских вторжений на остров. В VIII—XI вв. Сардиния оказалась изолированной и от континентальной Италии, и от Византии, и сардинцы изъяснялись на языке, который все больше отходил от классической латыни. Так, сардо-римская народная латынь должна была пройти свой путь превращения в одно из неороманских наречий почти без посторонних влияний.

С VI в. новое романское наречие начало формироваться и в Италии. Там, постепенно преобразовываясь из латыни, к X в. оформился итальянский язык, характеризующийся в отдельных областях своими диалектальными особенностями. Однако этот язык в отличие от сардинского еще долгое время оставался бесписьменным, так как официальным языком и на Апеннинском полуострове, и во всех других регионах бывшей Романии оставалась литературная латынь¹⁵⁰.

Многочисленные документы XI в., написанные целиком на сардинском народном языке (*sardo volgare*), явно свидетельствуют о том, что он уже стал языком канцелярии, т. е. официальным письменным языком островитян. Раннее использование сардинского неороманского наречия в качестве также и письменного языка указывает на то, что в VI—XI вв. классическая латынь постепенно вышла из употребления на острове и сардинская канцелярия была вынуждена писать на том языке, на котором уже говорили островитяне.

Формирование сардинского языка именно в период возникновения и развития на острове независимых юдикатов, на наш взгляд, неслучайно. Изложенные выше исторические факты убедительно говорят о том, что этническое развитие сардинцев из-за постоянной арабской угрозы проходило оторванно не только от континентальной Италии, но и от всего остального средиземноморского мира. По-видимому, как раз в это время жители Сардинии стали осознавать себя единой этнической общностью. Во всяком случае, имеются бесспорные указания на то, что именно так сардинцы воспринимались косвенными «виновниками» своего сплочения — арабами. Так, известный арабский географ Аль-Идриси пишет о жителях Сардинии: «Сардинцы — по происхождению одичавшие румы (так арабы называли римлян и византийцев. — *Н. К.*), отделившиеся от других румов. Это доблестный и решительный народ, никогда не расстающийся с оружием»¹⁵¹. Начало употребления разговорного языка островитян в качестве официального письменного языка и утверждение на острове первых государственных образований следует считать завершающей вехой в консолидации сардинской этнической общности.

Особенности формирования малых периферийных этносов в Италии выявляются при сравнительном анализе этнической истории регионов, в которых они сложились.

Как Сардиния, так и Фриули в течение многих веков входили в древнеримскую державу. И хотя их статус внутри этого государственного образования был разным и время от времени менялся, методы освоения их римлянами привели к сходным результатам. Оба региона были в конце концов романизованы. Однако существенная разница в доримском субстрате Фриули и Сардинии привела к тому, что сам процесс романизации проходил в них по-разному. В отличие от Сардинии, бывшей римской провинцией, Фриули на протяжении длительного периода своей истории в пределах Римской державы представляла собой часть собственно Италии (область, по делению Августа). Поэтому она была романизирована сравнительно быстро и полностью. На Сардинии же этот процесс растянулся на несколько веков и к тому же протекал неодинаково в ее горных и равнинных частях.

После распада Римской империи наметились тенденции обособления ее отдельных областей и провинций. В дальнейшем в Центральной Италии возобладала другая тенденция, а именно — стремление разных городов и прилегающих к ним земель к объединению, чему немало способствовало в средние века усиление их экономических и культурных связей, возникших еще в античности. На периферии же древнеримского мира наблюдалось усиление центробежных устремлений. В изученных нами регионах именно это и привело к образованию фриульского и сардинского этносов.

Средневековый адстрат и условия консолидации были у фриулов и сардинцев разными. Если самосознанию фриулов способствовало их своеобразное положение между итальянским и германским мирами, то сардинцы окончательно сформировались как этнос благодаря длительной изолированности острова и отсутствию германских инфильтраций.

¹ Красновская Н. А. Фриулы: (Историко-этнографические очерки). М., 1971 (Переведена на итальянский язык: *Krasnovskaja N. A. I Friulani. Storia, ambiente, tradizioni.* Udine, 1980); Она же. Происхождение и этническая история сардинцев. М., 1986.

² По археологическим данным, несколько поселений в Лации, главным образом на Палатинском и Квиринальском холмах, принято датировать VIII в. до н. э., а объединение их и образование города Рима — VI в. до н. э. Всемирная история. М., 1956. Т. 2. С. 113.

³ Mohl G. Introduction à la chronologie du latin vulgaire. Paris, 1899. P. 16—17. Приводится по кн.: Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. М., 1954. С. 42.

⁴ Будилович А. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава, 1894. С. 35.

⁵ Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис — Алжир — Марокко. С древнейших времен до арабского завоевания (647 год). М., 1961. С. 231.

- ⁶ Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972. С. 7.
- ⁷ Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. С. 10; Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М., 1953. С. 223—224; Лашук Л. П. О формах донациональных этнических связей // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 88; Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 292.
- ⁸ Julian C. Les trasformations politiques de l'Italie sous les empereurs romains, 43 av. J.-C. — 330 ap. J.-C. Paris, 1884. P. 85, 175; приводится по кн.: Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. С. 11.
- ⁹ Кудрявцев О. В. Исследования. . . С. 160—161.
- ¹⁰ К концу I в. до н. э. был установлен двадцатилетний срок службы в легионах. Kerrie L. The making of the Roman army. New York, 1981. P. 172—173.
- ¹¹ Часть канаб постепенно стала отдельными поселениями с собственным административным управлением. В средние века на месте многих канаб выросли города. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 335.
- ¹² Культура древнего Рима / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1985. Т. II. С. 176.
- ¹³ Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. . . С. 13; Pittau M. Sardegna al bivio. Cagliari, 1973. P. 30; Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. С. 18—19.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 146—147.
- ¹⁵ Многие ученые считают, что на иммиграцию на остров строителей нурагов указывают их навыки при возведении подобных сооружений. Один из первых исследователей нурагов Дж. Патрони в свое время писал: «Сардинский нураг не происходит от доисторической (неолитической) евро-средиземноморской хижны из жердей и веток, но скорее от конической хижны из сырцового кирпича азиатского (халдейского) происхождения, перенесенной в Сардинию с берегов Эгейского моря, где она была представлена в домикенских слоях». Patroni G. L'origine del «nuraghe» sardo e le relazioni della Sardegna con l'Oriente // Atene e Roma. 1946. 19. P. 147. Приводится по кн.: Pittau M. La lingua dei sardi nuragici e degli Etruschi. Sassari, 1981. P. 27.
- ¹⁶ Zeppegno L., Finzi C. Alla scoperta delle antiche civiltà in Sardegna. Roma, 1980; Mazia C. Uomo e ambiente in Sardegna dalla preistoria ai tempi attuali // Conoscere la Sardegna. Cagliari, 1976. P. 138—142.
- ¹⁷ В прошлом веке в них видели то крепости, то культовые постройки, то жилища. См.: Pais E. La Sardegna prima del dominio romano. Roma, 1881. P. 25. В XX в. разногласия по этому поводу стали еще сильнее. А. Тарамелли (Taramelli A. Cosa insegna una carta archeologica della Sardegna // Atti XII Congresso Geografico Italiano. 1935); М. Цеппа (Serra M. Il popolo dei nuraghi. Cagliari, 1965. P. 244); Дж. Лиллиу (Lilliu G. I nuraghi, torri preistoriche di Sardegna. Cagliari, 1962. P. 28) приписывают нурагам военную оборонительную функцию. Дж. Пиану (Pianu G. L'era dei nuraghi // La provincia di Cagliari. Ambiente, storia, cultura. Cagliari, 1985. P. 115) считает, что, будучи в мирное время жилищем главы племени, каждый нураг в моменты неприятельской угрозы мог выполнять и определенные военные функции. К. Максиа (Mazia C. La civiltà megalitica nuragica rivelata con l'astroarcheologia // L'Universo. 1973. An. LIII. N 5. P. 135) и М. Питтау (Pittau M. La Sardegna nuragica. Sassari, 1980. P. 135—138, 207) видит в них культовые сооружения. Питтау даже приходит к заключению, что эту функцию нураги выполняли вплоть до VII—VIII вв. н. э. Местные жители острова продолжали отправлять в нурагах свои языческие культы. Затем, после принятия христианства население Сардинии использовало их как церкви, а еще позднее оно стало воздвигать рядом с нурагами настоящие церкви.
- ¹⁸ Pesce G. Bronzetti nuragici. Venezia, 1949; Bruni E. Bronzi nuragici. Udine, 1943; Stacul G. Arte della Sardegna nuragica. Milano, 1975; Ichnussa. La Sardegna dalle origini all'età classica. Verona, 1981.
- ¹⁹ Lilliu G. Scultura della Sardegna nuragica. Cagliari, 1956. P. 16—17.
- ²⁰ Pittau M. La Sardegna nuragica. P. 87—119; Carta Raspi R. Breve storia di Sardegna. Cagliari, 1950. P. 12; Di Tucci R. Storia della Sardegna. Sassari, 1964. P. 2; Pais E. Sulla civiltà dei nuraghi e sullo sviluppo sociologico della Sardegna // Archivio Storico Sardo. 1910. VI. P. 99; Duhn F. von. Italische Gräberkunde. Heidelberg, 1924. Bd. 1. S. 97.

- ²¹ *Pittau M.* La lingua dei sardi nuragici. . . P. 27.
- ²² *Pais E.* La Sardegna. . . P. 294; *Loddo-Canepa F.* La Sardegna attraverso i secoli. Torino, 1951. P. 11; *Meloni P.* La Sardegna romana. Sassari, 1981. P. 202.
- ²³ *Motzo R. B.* Balari // *Enciclopedia Italiana.* Milano, 1930. V. V. P. 898.
- ²⁴ *Pittau M.* La lingua dei sardi. . . P. 92.
- ²⁵ «Шардана» и «шердана» — условное написание древнеегипетского слова «шрда».
- ²⁶ *Красновская Н. А.* Некоторые проблемы дофиникийской колонизации Сардинии // *СЭ.* 1980. № 5. С. 33—34.
- ²⁷ *Pais E.* La Sardegna. . . P. 50.
- ²⁸ La provincia di Cagliari. P. 119; *Moscato S.* Italia archeologica. Novara, 1973. Vol. 1. P. 186—187; *Parrot A., Moscati S.* Italia archeologica. Novara, 1973. Vol. 1. P. 186—187; *Idem.* Les Pheniciens. Paris, 1975; *Mansuelli G. A., Bosi F.* La civiltà dell'Europa antica. Bologna, 1984.
- ²⁹ La Provincia di Cagliari. P. 119.
- ³⁰ Особенно развернуто (с иллюстрацией таблицами изоглосс этрусского и «нурэгического» языков) М. Питтау излагает свою гипотезу в кн.: *Pittau M.* La lingua dei sardi. . .
- ³¹ La Provincia di Cagliari. P. 122; Breve storia della Sardegna. Torino, 1965. P. 57.
- ³² *Barreca F.* La Sardegna fenicia e punica. Sassari, 1974. P. 31, 139; La Provincia di Cagliari. P. 122.
- ³³ *Francescato G., Salimbeni F.* Storia, lingua e società in Friuli. Udine, 1976. P. 19; *Candussio A.* Il Friuli nella preistoria // Friul. Friuli. Udine, 1981. P. 21—23; *Paschini P.* Storia del Friuli. Udine, 1958. T. 1. P. 10.
- ³⁴ *Pareti L.* Storia di Roma. Torino, 1952. T. 1. P. 78; *Menis G. C.* Storia del Friuli dalle origini alla caduta dello stato patriarcale. Udine, 1969. P. 29—30.
- ³⁵ *Altheim F.* Italien und Rom. Amsterdam; Leipzig, 1941. S. 18—20; *Borgeaud W.* Les Illyriens en Grece et en Italie. Geneve, 1943. P. 92—93.
- ³⁶ *Menis G. C.* Storia del Friuli. . . P. 33.
- ³⁷ *Leicht P. S.* Breve storia del Friuli. Udine, 1952. P. 21; *Ciceri L.* Sintesi cronologica della storia del Friuli // Friul. Friuli. P. 99.
- ³⁸ *Bosio L.* Cividale del Friuli. Udine, 1977. P. 10—11.
- ³⁹ Ibid. P. 37.
- ⁴⁰ *Bosio L., Pesavento S.* Il Friuli in età romana // Friul. Friuli. P. 32, 34, 40.
- ⁴¹ Ibid. P. 47; *Francescato G., Salimbeni F.* Storia, lingua e società. . . P. 36—37; *Valussi G.* Friuli-Venezia Giulia. Torino, 1966. P. 20.
- ⁴² *Кудрявцев О. В.* Исследования. . . С. 154.
- ⁴³ *Menis G. C.* Storia del Friuli. . . P. 61.
- ⁴⁴ *Marchetti G.* Studi sulle origini del Friulano // *Ce fastu?* Udine, 1933. IX. N 5/6. P. 127.
- ⁴⁵ *Salvi S.* Le lingue tagliate. Storia delle minoranze linguistiche. Firenze, 1975. P. 142.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ *Paschini P.* Storia del Friuli. Udine, 1953. Vol. 1. P. 31.
- ⁴⁸ История Геродиана в восьми книгах о Римской империи по кончине Марка Аврелия до избрания младшего Гордиана. Перевел с греческого Василий Оболенский. М., 1829. С. 258.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Menis G. C.* Storia del Friuli. . . P. 76; *Francescato G., Salimbeni F.* Storia, lingua e società. . . P. 37.
- ⁵¹ *Menis G. C.* Storia del Friuli. . . P. 84—85.
- ⁵² *C. Prinii Naturalis Historia.* Berolini, 1866. Vol. 1. P. 156.
- ⁵³ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 127.
- ⁵⁴ La Provincia di Cagliari. P. 130; *Mori A.* Sardegna. Torino, 1966. P. 34; *Loddo-Canepa F.* La Sardegna. . . P. 24—34.
- ⁵⁵ La Provincia di Cagliari. P. 124, 130.
- ⁵⁶ *Moscato S.* I Cartaginesi in Italia. Milano, 1977. P. 141.
- ⁵⁷ *Sanna A.* Introduzione agli studi di linguistica sarda. Cagliari, 1957. P. 15; *Meloni P.* La Sardegna romana. Sassari, 1980. P. 124.
- ⁵⁸ Барбарией для римлян была вся горная восточно-центральная часть острова, сохранявшая это название еще в средние века. Постепенно границы этой области заметно сузились. Правда, и в наши дни сардинцы именуют Барбаджей довольно

- обширную горную зону вокруг массива Дженнардженту. *Meloni P.* La Sardegna... P. 144.
- ⁵⁹ *Meloni P.* La Sardegna... P. 143—144.
- ⁶⁰ *Pittau M.* Questioni di linguistica sarda. Brescia, 1956. P. 11—21; *Idem.* Sardegna al bivio. Cagliari, 1973. P. 28—35; *Idem.* La lingua sarda e i suoi dialetti // *Conoscere la Sardegna.* Cagliari, 1976. P. 106—107.
- ⁶¹ *Sanna A.* La romanizzazione del centro montano in Sardegna // *Filologia romanza.* 1957. N 4/1. P. 30—48.
- ⁶² *Menis G. C.* Storia del Friuli... P. 118.
- ⁶³ *Ibid.* P. 119.
- ⁶⁴ *Bosio L., Pesavento S.* Il Friuli... P. 51.
- ⁶⁵ *Ibid.* P. 59.
- ⁶⁶ *Menis G. C.* Storia del Friuli... P. 121.
- ⁶⁷ *Абрамсон М. Л.* Италия IX—XIII вв. // *История Италии.* М., 1970. Т. 3.
- ⁶⁸ *Menis G. C.* Storia del Friuli... P. 132—134.
- ⁶⁹ *Manselli R.* La nazione italiana nel suo sviluppo storico e nella discussione storiografica. Torino, 1979. P. 34.
- ⁷⁰ *Неусыхин А. И.* От античности к средневековью // *История Италии.* М., 1970. Т. 1. С. 35; *Луццато Дж.* Экономическая история Италии. М., 1954. С. 163.
- ⁷¹ *Шишмарев В. Ф.* Избранные статьи... С. 27.
- ⁷² *Menis G. C.* Storia del Friuli... P. 140.
- ⁷³ *Manselli R.* La nazione italiana... P. 35.
- ⁷⁴ *Неусыхин А. И.* От античности... С. 41.
- ⁷⁵ *Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии VIII—XV вв. М., 1987. С. 22.
- ⁷⁶ *Вудряцев П. Н.* Судьба Италии от падения Западной Римской империи до восставления ее Карлом Великим. М., 1889. С. 221.
- ⁷⁷ *Ciardi-Dupre G.* Longobardi // *Enciclopedia Italiana.* Milano, 1934. Vol. XXI. P. 474.
- ⁷⁸ Приводится по кн.: *Шишмарев В. Ф.* Избранные статьи... С. 16.
- ⁷⁹ *Manselli R.* La nazione italiana... P. 35.
- ⁸⁰ *Leicht P. S.* Breve storia del Friuli. Udine, 1952. P. 58.
- ⁸¹ *Неусыхин А. И.* От античности... С. 40—41.
- ⁸² *Gamillscheg E.* Romania Germanica. Berlin—Leipzig, 1934. Bd. 2. S. 199—200.
- ⁸³ *Корсунский А. Р.* Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе // *Средние века.* М., 1968. 31. С. 131.
- ⁸⁴ *Голицынев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 150—151.
- ⁸⁵ *Solmi A.* Storia del diritto italiano. Milano, 1930. P. 10; Приводится по кн.: *Шишмарев В. Ф.* Избранные статьи... С. 16; *Leicht P. S.* Breve storia... P. 59.
- ⁸⁶ *Manselli R.* La nazione italiana... P. 42.
- ⁸⁷ *Шишмарев В. Ф.* Избранные статьи... С. 27.
- ⁸⁸ *Рутенбург В. И.* Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974. С. 217.
- ⁸⁹ *Salvi S.* Le lingue tagliate... P. 143.
- ⁹⁰ *Menis G. C.* Storia del Friuli... P. 140.
- ⁹¹ *Ibidem.*
- ⁹² *Ibidem.*
- ⁹³ *Нидерле Л.* Славянские древности / Пер. с чеш. Т. Ковалевой, М. Хазанова; Под ред. А. Л. Монгайта. М., 1956. С. 70—71.
- ⁹⁴ *Menis G. C.* Storia del Friuli... P. 147—148.
- ⁹⁵ *Корсунский А. Р.* Государство и этнические общности... С. 130.
- ⁹⁶ *Menis G. C.* Storia del Friuli... P. 156.
- ⁹⁷ *Левандовский А. П.* Об этническом составе империи Каролингов // *ВИ.* 1952. № 7. С. 118—119.
- ⁹⁸ *Paschini P.* Storia del Friuli. Vol. 1. P. 142.
- ⁹⁹ Позднее Civitas изменилось в Cividale (Чивидале) и сохранилось до наших дней как название этого города. *Bosio L.* Cividale... P. 167.
- ¹⁰⁰ *Leicht P. S.* Breve storia... P. 71; *Menis G. C.* Storia del Friuli... P. 167.
- ¹⁰¹ *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.
- ¹⁰² *Kos M.* Developpement historique de la frontiere slovene occidentale. Ljubljana, 1946. P. 12.
- ¹⁰³ *Valussi G.* Friuli—Venezia Giulia. Torino, 1961. P. 23.

- ¹⁰⁴ *Menis G. C. Storia del Friuli*. . . P. 167.
- ¹⁰⁵ *Marchetti G. Studi*. . . / *Ce fastu?* N 7/8. P. 160.
- ¹⁰⁶ *Marchetti G. Lineamenti di grammatica friulana*. Udine, 1952. P. 14.
- ¹⁰⁷ *Brusin G. Aquileia* // *Enciclopedia Italiana*. Milano, 1929. Vol. III. P. 806.
- ¹⁰⁸ *Очерки истории Италии*. 476—1918 годы. М., 1959. С. 25—26.
- ¹⁰⁹ *Menis G. C. Storia del Friuli*. . . P. 174.
- ¹¹⁰ *Marongiu A. Storia del diritto italiano*. Milano, 1978. P. 208; *Menis G. C. Lo Stato Patriarcale Friulano* // *Friül. Friuli*. P. 66; *Ciceri L. Sintesi cronologica della storia del Friuli* // *Friül. Friuli*. P. 99.
- ¹¹¹ *Salvi S. Le nazioni proibite*. Firenze, 1973. P. 353.
- ¹¹² *Caprin G. Pianure Friulane*. Trieste, 1892.
- ¹¹³ *Salvi S. Le lingue tagliate*. P. 143.
- ¹¹⁴ *Parlamento Friulano*. Vol. 1 (1228—1420) / *Per cura di P. S. Leicht*. Bologna, 1917. Pt. 1, 2.
- ¹¹⁵ *Menis G. C. Lo Stato Patriarcale Friulano* // *Friul. Friuli*. P. 70.
- ¹¹⁶ *Menis G. C. Storia del Friuli*. . . P. 185.
- ¹¹⁷ *Zahn J. von. Die deutschen Burgen in Friaul*. Graz, 1883. S. 14.
- ¹¹⁸ *Marchetti G. Studi*. . . P. 180—181.
- ¹¹⁹ *Storm C. Burgen und Städte in mittelalterlichen Friaul*. Leipzig, 1940. S. 5.
- ¹²⁰ *Leicht P. S. Breve storia*. . . P. 194.
- ¹²¹ *Pollini L. Storia d'Italia*. Milano, 1958. Vol. 1. P. 405—408.
- ¹²² *Paschini P. Storia del Friuli*. Vol. 1. P. 246—247.
- ¹²³ *Leicht P. S. Breve storia*. . . P. 194—195.
- ¹²⁴ *D'Aronco G. D. Nuova antologia della letteratura friulana*. Udine, 1960. P. 3; *Menis G. C. Storia del Friuli*. . . P. 202.
- ¹²⁵ *Caprin G. Pianure friulane*. Trieste, 1892. P. 74.
- ¹²⁶ Современные лингвисты не единодушны в вопросе о том, какое место следует отвести фриульскому языку в классификациях романских языков. Разные позиции занимают, например, К. Баттисти (*Battisti C. Storia della questione ladina*. Firenze, 1937), Г. Лаусберг (*Lausberg H. Linguistica romanza*. Milano, 1971), К. Тальвини (*Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine*. Bologna, 1972), Дж. Б. Пеллегрини (*Pellegrini G. B. Saggi di linguistica italiana*. Torino, 1975), Г. Рольфс (*Rohlf G. Romanische Lehnübersetzungen aus germanischen Grundlage* // *Materia romana, spirito germanico*. München, 1983) и др. Автор настоящей статьи, не будучи специалистом в области лингвистики, не считает себя компетентным судить о правильности той или иной точки зрения. Однако для исследователя этнической истории изучаемого народа интересно другое. К XIV в. относится несколько свидетельств о том, что уже тогда в Италии осознавали своеобразие фриульского языка. Так, например, в одном Ватиканском Палатинском кодексе написано: «Forum Iulii est provincia per se distincta ab aliis provinciis. . . quia nec Latinam, nec Teutonicam, nec Slavicam, sed ydioma proprium habet nulli italico ydiomati consimile» («Форум Юлии является провинцией, отличающейся от других провинций. . . потому что она не латинский язык имеет, не тевтонский, не славянский, но собственное наречие имеет, не похожее ни на одно из итальянских наречий»). Приводится по кн.: *Salvi S. Le nazioni*. . . P. 340. Свообразие фриульского языка отметил и Данте Алигьери в разделе «Где доказывается, что у некоторых в Италии речь грубая и неискusstная» своего известного произведения о народной речи (*Данте А. De vulgari eloquio* (О народной речи) / Пер. В. Б. Шкловского. Пр., 1922. С. 26).
- ¹²⁷ *Salvi S. Le lingue tagliate*. P. 143.
- ¹²⁸ *Grüll J. Entwicklung und Bestand der Rätoromanen in den Alpen* // *Mitteilungen der Österreichischen Geographischen Gesellschaft*. Wien, 1965. Bd. 107, H. 1/2. S. 101.
- ¹²⁹ *Storia della letteratura italiana* / *Direttori E. Cecchi, N. Sapegno*. Milano, 1974. Vol. 1.
- ¹³⁰ *D'Aronco G. Nuova antologia*. . . P. 3—4.
- ¹³¹ *Рутенбург В. И. Истоки Рisorджименто. Италия в XVII—XVIII веках*. Л., 1980. С. 156; *Manselli R. La nazione*. . . P. 2.
- ¹³² *Documenti per la storia del Friuli dal 1326 al 1332 raccolti dall'ab. Giuseppe Bianchi*. Udine, 1845. Vol. II. P. 392, 463, 552, 608, 609; *Parlamento Friulano* /

- Per cura di P. S. Leicht. Bologna, 1925. Vol. 1 (1228—1420), pt. 1. P. 8—10, 17, 19, 20, 34, 37, 38, 41, 47 s. и др.
- ¹³³ Parlamento Friulano. Vol. 1, pt 2. P. 153.
- ¹³⁴ Austro-Friulana. Sammlung von Aktenstücken zur Geschichte des Konfliktes Herzog Rudolf IV von Österreich mit dem Patriarchate von Aquileja / Gesammelt und Hrsg. von J. v. Zahn. Wien, 1877. S. 8. Doc. 4.
- ¹³⁵ Parlamento Friulano. Vol. 1, pt 2. P. 155, 171, 172, 193, 204, 215 e ceg.
- ¹³⁶ Austro-Friulana. P. 109—112, 123, 130, 177—179, 193, 214.
- ¹³⁷ *Picotti G. B.* Il nome «Patria» attribuito al Friuli. Feltre, 1900. P. 3.
- ¹³⁸ *Salvi S.* Le nazioni. . . P. 565.
- ¹³⁹ *Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах / Изд. подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергиенко. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Л., 1970. С. 81.
- ¹⁴⁰ Provincia di Cagliari. P. 131.
- ¹⁴¹ Sardegna: un popolo, una terra / A cura di F. M. Stevani. Milano, 1963. Vol. 1. P. 342.
- ¹⁴² *Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки. С. 318.
- ¹⁴³ *Salvi S.* Le nazioni. . . P. 560.
- ¹⁴⁴ *Pittau M.* La lingua sarda. . . P. 107—108.
- ¹⁴⁵ Il Condaghe di San Pietro di Silki. Testo Logudorese inedito dei secoli XI—XIII / Pubblicato dal Dr. Giuliano Bonazzi. Sassari; Cagliari, 1900. P. XIV.
- ¹⁴⁶ *Solmi A.* Le carte volgari dell'archivio archivescovile di Cagliari // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1905. Vol. 36. P. 5; *Motzo R. B.* Barlumi dell'età bizantina in Sardegna // Studi di storia e filologia. Cagliari, 1927. Vol. 1; *Carta Raspi R.* La Sardegna nell'alto Medioevo. Cagliari, 1966.
- ¹⁴⁷ *Salvi S.* Le nazioni. . . P. 561.
- ¹⁴⁸ Ibid. P. 563; *Marongiu A.* Storia del diritto. . . P. 169.
- ¹⁴⁹ *Motzo R. B.* Continuità storica della gente sarda // Il Ponte. 1951. An. 7. N 9—10. P. 1029.
- ¹⁵⁰ Storia della letteratura. . . P. 207.
- ¹⁵¹ L'Italia descritta nel «Libro del Re Ruggero» compilato da Edrisi / Testo arabo pubblicato con versione e note da M. Amari e C. Schiapparelli. Roma, 1883. P. 18.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ХОРВАТОВ

(О КОНТАКТАХ С РИМСКОЙ КУЛЬТУРОЙ)

М. Ю. Мартынова

Формирование населения на Балканском полуострове, и в частности в Хорватии, происходило на базе взаимодействия переселившихся сюда славянских племен с местными, романизированными в античный период племенами. Своеобразные особенности культуры сложились в последующую эпоху под влиянием немецкой, венгерской, османской, венецианской и других культур.

Этническая культура хорватов может быть рассмотрена как комплекс элементов, присущих и славянским, в частности югославянским, народам, и дославянскому субстрату. К тому же ей свойственны и многие черты, общие с элементами культуры населения сопредельных регионов соседних стран. Это было вызвано главным образом вхождением регионов, населенных хорватами, в зоны различных культурных традиций и контактов.

Данная работа по преимуществу посвящена анализу воздействия на хорватский этнос романизированного в значительной степени автохтонного субстрата, а также последующих контактов с романским населением. Проникновение романской культуры на Балканы является лишь одним из воздействовавших на славян факторов. Рассматривая восприятие элементов римской культуры хорватами и акцентируя внимание на основных его моментах, мы осознаем, что хорватские племена еще до своего появления на Балканах имели достаточно сформированную материальную и духовную культуры и полученные ими на новой родине навыки при всем их значении не могут быть рассматриваемы как ядро, вокруг которого она формировалась. Кроме того, многие сходные элементы традиционных культур средиземноморских народов определяются общностью природно-географических особенностей, климата, аналогичными условиями хозяйственной деятельности. Вместе с тем значительное романское влияние вызвано не только тем, что хорватские племена поселились на территории, принадлежащей Римской империи, и, следовательно, восприняли ряд элементов доримской и римской культуры, но и тем, что на протяжении нескольких веков романские и славянские элементы находились в постоянном контакте. Конечно, эти контакты развивались неравномерно как в пространстве, так и во времени, отдельные части территории, населенной хорватами, были не в одинаковой

степени подвержены романскому влиянию. На различных этапах истории взаимодействие то усиливалось, то ослабевало. Тем не менее анализ различных данных (этнографических, исторических, лингвистических и т. п.) позволяет достаточно отчетливо выделить в культуре хорватов элементы предшествующего культурного слоя (включающего как иллирийский, т. е. в заметной степени романизированный, так и собственно римский субстраты), а также следы более позднего романского влияния. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют не только элементы материальной и духовной культуры хорватов, но и языковые параллели (данные топонимики, ономастики, лексические заимствования и др.).

Многовековые и многообразные контакты славянской и римской культур привели к тому, что значительная часть привнесенных элементов была заимствована хорватской культурой и стала ее составной частью, но вместе с тем постоянное взаимодействие не привело к полной ассимиляции хорватов. Новейшие исследования ученых разных специальностей показывают, что романизированный и римский субстраты, а также черты последующего романского влияния в культуре южнославянских народов, в том числе и хорватов, не исчезли бесследно. Они органично влились в культуру хорватов, передав многие свои черты славянам.

При этом одни и те же элементы могли оказывать многократное влияние и накладываться друг на друга, поэтому провести хронологию процесса проникновения романских черт в хорватскую культуру иногда бывает затруднительно. С другой стороны, подчас сложно установить время заимствования некоторых неславянских деталей в культуре народа, потому что они могут свидетельствовать не о непрерывном развитии этого элемента с древнейших времен до наших дней, а о возрождении его на этой территории позднее, например, в эпоху ренессанса, для которого характерно переосмысление наследия прошлого на новой экономической и культурной базе.

Изучение неславянского наследия в культуре хорватов, на наш взгляд, является весьма полезным, так как позволяет проследить роль межэтнических контактов в становлении этносов и в определенной мере способствовать созданию типологии генезиса этнокультур.

Проблему роли дославянского субстрата в культуре южных славян поднимали многие югославские ученые. Прежде всего хотелось бы отметить исследования П. Скока, который решал вопросы этнической стратификации с помощью лингвистики. Ни более значительный его труд — «Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima»¹. На археологическом материале дославянскую культуру пытались выделить М. Суич, Д. Рендич. Этому вопросу был специально посвящен VI конгресс археологов Югославии². Этнографические данные об иллирийском и романском наследии приводились М. Гавацци, Ш. Кулишичем, З. Винским. Из советских ученых определенными аспектами этой проблемы занимались Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей и др. Что ка-

сается последующих контактов хорватов и романоязычных народов, то они привлекали значительное внимание главным образом итальянских ученых, заинтересованность которых в этом вопросе вполне понятна.

Несмотря на столь широкий научный интерес, представляется, что данный вопрос до конца не нашел своего разрешения, тем более с точки зрения развития этнических культур. Поэтому мы считаем необходимым вновь обратиться к этой проблеме и рассмотреть романское влияние как комплекс факторов, действовавших на хорватскую культуру. Что мы имеем в виду, когда говорим о комплексе факторов? Прежде всего — это влияние римской культуры как прямое, так и опосредованное, через романизованное население Балкан, и в частности через иллирийцев. При этом не следует забывать, что влияние иллирийцев не ограничивается только передачей романских черт, но и имеет самостоятельное историко-культурное значение. С падением Римской империи и затуханием живого воздействия цивилизации, созданной древними римлянами, влияние романской традиции тем не менее продолжалось. Это выразилось в сохранении отдельных элементов в культуре хорватов, а также в виде существования более или менее компактных групп романского и романизованного населения на островах Адриатики, в Истрии и на Динарском нагорье.

Рассмотрим, наконец, очень кратко основные вехи этнической истории хорватских земель под углом зрения дороманского и романского воздействия на них. Древнейшим населением западной части Балканского полуострова, об этнической принадлежности которого можно говорить, опираясь на исторические свидетельства (Геродот, I, 196), были иллирийские племена, расселившиеся здесь в эпоху бронзы (с конца II тысячелетия до н. э.). В I тысячелетии до н. э. среди них были известны: либурны (Хорватское Приморье), далматы (Северная Далмация), доклеты и плереи (Южная Далмация), колапианы и варцианы (Славония), яподы (большая часть полуострова).

В IV—III вв. до н. э. на территорию Хорватии двумя волнами переселились кельтские племена (сначала из Галлии, позднее — из Северной Италии). Продвижение кельтов вызвало перемещение на Балканах иллирийских и фракийских племен. В течение двух веков кельты покорили значительную часть Балканского полуострова. Однако и после вторжения кельтов иллирийский субстрат на территории Хорватии оставался значительным. В результате смешения иллирийцев с кельтами образовались племена, которые принято называть кельто-иллирийцами.

Кельто-иллирийские племена подвергались воздействию эллинов; в частности — на островах Адриатического моря и на Далматинском побережье возникали греческие колонии. В период кельтской экспансии и греческой колонизации усиливалась экономическая и социальная дифференциация племен и у них возникали политические объединения. Но наиболее существенные перемены

социального, экономического, культурного характера стали происходить на Балканах после покорения этого региона в III—I вв. до н. э. Римской империей и организации римской провинции Иллирик, позднее поделенной на 3 более мелких — Далмацию, Паннонию и Дарданию³.

Следующим этапом в этнической истории Балканского полуострова стало начало нового тысячелетия, эпоха Великого переселения народов, вызвавшая вторжение на территорию современной Хорватии различных германских племен (вестготов, остготов, гепидов, лангобардов), гуннов, аваров. Существенное изменение этнической ситуации в исследуемом регионе связано с поселением на Балканах хорватских племен, датируемым чаще всего 620—630 г.⁴ После переселения на полуостров с VII по X вв. происходили процессы социально-экономического и этнического характера, сопровождавшие зарождение феодализма и становление государственности у хорватов, формировалась раннесредневековая народность — хорваты. Наивысшего расцвета раннефеодальное хорватское государство достигло в IX—X вв. В XI в. в результате династических войн и экспансии соседних государств (Венеции, Венгрии и др.) хорватское королевство резко ослабло, а в XII в. под властью Венгрии оказалась подавляющая часть хорватских земель, Хорватия перестала существовать как независимое государство и в течение многих столетий не могла вернуть себе самостоятельность⁵. Но не на всей территории Хорватии венгерское господство было одинаковым. В Далмации оно ощущалось в наименьшей степени.

Приморское положение далматинских городов определяло их торговые и культурные связи с Апеннинским полуостровом, особенно Венецией. Уже в IX в. началась борьба за далматинское побережье. С 1133 г. Венеция владела г. Задаром и некоторыми островами. В 1409 г. под ее власть попала почти вся Далмация (за исключением территории к северу от р. Зрманьи, а также Дубровника), которая находилась под венецианским господством в течение четырех столетий, до 1797 г.⁶

Изменения в политической судьбе Далмации вызвали перемены в различных сферах жизни края — административной, социальной, этнической. Переход Далмации под власть Венеции способствовал усилению регионального далматинского самосознания. И хотя этноним «хорваты» не исчез на этой территории, все чаще с XV в. для обозначения славян вообще и южных славян, а иногда и самих хорватов в Далмации стал употребляться древний этноним «иллирийцы»⁷. Тем не менее политическое отделение Далмации от Хорватии способствовало формированию в культуре ее населения ряда специфических особенностей. В городах выросла прослойка итальянцев, венецианский диалект стал употребляться не только как язык канцелярии, но и как разговорный. Итальянская культура оказывала столь сильное влияние, что к ней приобщилось и славянское население. Этот процесс облегчался бытованием в Далмации не только романской этнической традиции, но и употребле-

лением в некоторых местностях старого романского наречия вплоть до XIX в.

В силу вышеназванных причин в течение столетий Далмация оставалась в сфере влияния западноевропейской культуры, что усиливало различие между населением Адриатического побережья и жителями более северных областей, способствовало длительному сохранению романского этнического суперстрата, наложившегося на дославянский субстрат.

В чем это выразилось? Рассмотрим сначала остатки культурного наследия наиболее раннего, этнически дифференцируемого населения хорватских земель — иллирийцев. Долгое время считалось, что в ходе римского господства и последующей славянизации Балканского полуострова они полностью растворились в иноэтнической среде. И хотя романизация их была очень глубокой, следы жизни далеких предшественников славян на Балканском полуострове, и в частности на хорватских землях, сохранились до наших дней.

Автохтонный доримский субстрат выявляется в археологических памятниках, еще более отчетливо проступает в современном или недавнем этнографическом, фольклорном и антропологическом материале. В. П. Алексеев и Ю. В. Бромлей показали сохранившиеся в антропологическом типе южнославянских народов Балкан черты местного фракийского и иллирийского субстрата⁸. Об иллирийской письменности свидетельствуют надгробные памятники. Так, надписи на них, относящиеся к римскому времени и найденные в Роче на полуострове Истрия, начертаны на иллирийском языке⁹. Сопоставление их с современными балканскими языками позволяет сделать интересные выводы. По словам советского лингвиста Л. А. Гиндина, «в современной балканистике почти общепринято, что балканский языковой союз всей совокупностью своих специфических черт обязан влиянию древнего балканского субстрата»¹⁰.

Иллирийские элементы обнаруживаются и при этнографическом изучении культуры балканских народов.

Приведем некоторые из них.

Примером преемственности культуры на Балканах являются поселения. Старохорватские поселения располагались на месте иллирийско-римских, многие из которых были основаны в X—IX вв. до н. э.¹¹ Эти поселения часто наследовали иллирийские названия, которые дошли до сегодняшнего дня, например Трогир (Tragurion), Задар (Jader) и др.

Вместе с тем, как показывают археологические данные, планировка этих поселений была сильно изменена уже в римский период. В некоторых же городах рельеф местности не позволял изменить структуру улиц. Так, например, г. Пула, расположенный на холме, унаследовал иллирийскую планировку с ее концентрическими и радиальными улицами.

Элементом дославянской культуры являются буньи (bunje, trim, kućica, puđarica, kažun) — примитивные постройки округлой

или овальной формы с конусообразной крышей, подобной куполу, изготовлявшиеся из неотесанного камня всухую. Размеры буний бывают различны, но они всегда однокамерны. Сейчас подобные постройки встречаются на виноградниках и полях полуострова Истрия, Далмации, на островах Адриатики, а также на Апеннинском полуострове¹² и служат для укрытия людей и животных, часто в них хранятся инвентарь и сельскохозяйственные продукты. Происхождение этих построек одни исследователи выводят из иллирийской культуры¹³, другие датируют еще более ранним периодом — неолитом¹⁴. Название их связано с албанским словом bun — хижина, шалаш. Нет сомнения, что иллирийцы пользовались буньями как жилыми помещениями.

В одной из современных буний два десятилетия назад югославскому ученому Фройденрайху удалось найти очаг, подобный иллирийскому. Его конструкция очень проста: посуда, в которой готовилась пища, ставилась на три камня, между которыми разводился огонь¹⁵.

Хорватам известна еще одна форма очага, часто встречающаяся в иллирийских поселениях. Это переносная жаровня, используемая главным образом рыбаками Северной Далмации во время плавания. Она состоит из нижней цилиндрической части с четырехугольным отверстием для разведения огня и верхней конусообразной с круглым вырезом посередине, предназначенным для того, чтобы огонь доходил до посуды¹⁶.

Несомненно, унаследованы от дославянского населения (так как применяются только южными славянами) чугунные или керамические колпаки (река), которыми прикрывается хлеб в печи для лучшей выпечки. Наиболее ранние находки подобных колпаков, датируемых началом железного века, были сделаны в Славонии¹⁷.

Богатый материал при выявлении дославянских компонентов культуры у хорватов дают ремесленные изделия, в первую очередь керамика.

Нужно отметить, что хорватские глиняные предметы сохранили многие черты иллирийской керамики — технику обжига, форму и отделку. Правда, это касается не всех областей Хорватии, а главным образом прибрежных районов Адриатики. Здесь изготавливается керамика без глазури, обжигается она на открытом огне, часто гончарный круг вообще не применяется, украшения крайне редки¹⁸. В путевых заметках аббата Альберта Фортиса, итальянского этнографа и естествоиспытателя, приводятся сведения о том, что в XVIII в. в Далмации производился обжиг керамики в специальных ямах, что было характерно для неолитического периода¹⁹ и распространено кое-где и сейчас.

Наряду с керамикой черты иллирийской культуры унаследовали многие другие ремесленные изделия и украшения — костяные гребни, перстни с гравированной звездой, серьги, фибулы и т. д. В недалеком прошлом в окрестностях Дубровника для застежки использовались железные иглы, аналогичные тем, ко-

торые применяли иллирийцы в конце VI в. до н. э. Сходны с иллирийскими металлические, полые внутри пуговицы, которые изготавливаются из серебра или олова и нашиваются на мужскую куртку. Черты преемственности культур несет в себе также орнамент ремесленных поделок и одежды (мотив древа жизни, свастика и т. д.)²⁰.

Анализ традиционной одежды хорватов и сопоставление ее с античными памятниками и археологическими находками также показывают, что ряд ее элементов имеет аналогии с одеждой эпохи железного, а некоторые — даже бронзового века. Было обоснованно аргументировано, что одежда пастушеского населения Балкан представляет собой тип с выраженными деталями иллирийской одежды²¹. Наиболее древними частями одежды являются узкие белые штаны, плащ с капюшоном из меха или сукна, обувь из сыромятной кожи (*oranci*), женская одноплатовая юбка (*pregača*).

Таковы многочисленные примеры иллирийской культуры, которые, пережив процесс романизации и славянизации, дошли до недавнего прошлого, став органичной частью повседневного быта хорватов. Таким образом, некоторые элементы доримских традиций, преломившись через призму романской цивилизации дошли до наших дней в неизменном виде. Часть же автохтонного населения, подвергшаяся романизации, широко упоминается в средневековых письменных источниках под этнонимами «влахов, моровлахов, аромун» и т. д. Еще в конце XIX в. их насчитывалось около 150 тыс. человек²². О них мы поговорим позднее, сейчас же сосредоточим внимание на взаимодействии хорватов и западно-романского мира.

Роль античного наследия для социального, этнического и культурного развития народов Балкан не может быть преувеличена. В этот период многие сферы общественной жизни балканских народов были охвачены романизацией. Советский исследователь Т. Д. Златковская отметила пять направлений, по которым шел этот процесс: через сеть римских военных лагерей и поселений, политику колонизации, распространение городских общин типа муниципий и колоний, романизаторскую деятельность римских провинциальных властей, включение провинций в систему общеримской экономики²³.

Подобно многим европейским областям, территория, населенная иллирийцами и фракийцами, была включена в общий процесс развития античного мира, и романизация привела к их сильной этнической трансформации.

Местные обычаи и язык сохранялись лишь в горных районах империи, тогда как крупные населенные пункты сделались центрами романизации²⁴. Римские строения, пришедшие на смену деревянным постройкам предшествующей эпохи, указывают на приобщение этих областей к высокой цивилизации. Дома городского населения строились из камня, имели несколько жилых и хозяйственных помещений. В некоторых городах обнаружены каменные мостовые, водопроводы, храмы и т. д. На землях, занятых

римскими колонистами, развивались торговля, земледелие, скотоводство. В период римского господства на Балканах распространялась античная культура, вводился в употребление латинский язык, насаждались обычаи и религия римлян. Несмотря на то что римская цивилизация не смогла полностью уничтожить традиции предшествующей эпохи, она оказала столь сильное влияние на местное население, что присущие ей черты проявлялись в культуре населения Балкан и в последующие эпохи.

Романская традиция на Балканах была столь сильной, что и позднее, с приходом на Балканский полуостров славян, когда римляне, романизированные иллирийцы и кельты были вытеснены на запад, в области, занятые баварами и лангобардами, некоторые компактные группы романского населения сохранились на островах Адриатического моря и в ряде приморских городов Далмации и Истрии²⁵. Известия о романском населении относятся в основном к островам Кварнерского архипелага, т. е. северодалматинским островам, хотя и остальные районы Далмации согласно источникам не были полностью славянизированы в раннесредневековый период. Так, например, последнее известие о романском населении, соседствующем со славянами на о. Корчула, относится к 1262 г. По имеющимся данным, население островов Хвар, Брач, Корчула, Млет и ряда других только в XIV в. становится полностью хорватским²⁶. В Дубровнике романское население в последний раз упоминается в XV в.

В конце XIX в. К. Иречек на основе лингвистических данных пришел к выводу, что еще в XIII в. ряд городов Адриатики был романским²⁷. Позднее неоднократно различные исследователи пытались уточнить эту дату. В частности, в 70-е годы югославский лингвист В. Якич-Цестарич, классифицируя имена по славянским и романским суффиксам, обнаружила, что с X по XIII в. в документах Задара романские суффиксы не исчезли полностью²⁸, хотя славянские и составляли большинство.

О глубине и степени романизации региона свидетельствуют исследования на территории Хорватии. Особенно значительны романские реликты в топонимике островов Адриатики. В наибольшей степени это касается островов Кварнерского архипелага (Крк, Црес, Лошинь, Раб, Паг)²⁹. Романские топонимические реликты связаны с бытованием здесь в средние века одного из древних романских наречий. Как известно, последний человек, говоривший на нем, — житель острова Крк, умерший в конце XIX в.

Лингвистический анализ географических названий, исследование итальянским филологом М. Дж. Бартоли условий возникновения, существования и затухания романской речи на территории бывшей римской провинции Иллирик, а также новейшие работы югославских ученых позволяют говорить, что уже в недрах латыни на Балканском полуострове сложился свой неороманский язык.

Этот язык, названный в 1906 г. М. Дж. Бартоли «далматин-

ским», известен в двух территориальных разновидностях — северной (вельютской) и южной (рагузинской)³⁰.

Кроме того, на полуострове Истрия в V—VI вв. развивались еще два древнероманских диалекта — ладинский (на севере) и истро-романский (в более южных областях). Ладинский является одним из альпийско-романских, а истро-романский близок к далматинскому³¹. Как следует из источников, в XIII в. в Истрии еще не говорили на венецианском диалекте (Данте в гл. XI 1 книги трактата «*De vulgari eloquentia*» отличает истро-романский диалект от венецианского³²). Лишь с XIV в. последний занимал все более прочное место в жизни полуострова, а в XIX в. был повсеместно распространен наряду с хорватским. И все-таки истро-романский диалект в отличие от ладинского сохранился до наших дней. На нем говорят в городах Ровинь, Водняна, Фажан и еще ряде мест³³.

Таким образом, на островах Адриатического моря, в некоторых районах Далмации и на полуострове Истрия длительное время сохранялось романское (или по крайней мере — романоязычное) население (при этом мы не имеем в виду более поздних переселенцев с Апеннинского полуострова).

Романская традиция на Адриатике выражалась не только в сохранении там компактных групп неславянского населения, но и в проникновении романской культуры в хорватскую среду, что сказывалось на особенностях ее быта.

При анализе традиционной культуры хорватов более всего элементов романского происхождения обнаруживается в одежде, украшениях, жилище, домашней утвари, пище, народной поэзии, танцах.

Например, по мнению известной югославской исследовательницы народной одежды Е. Радауш-Рибарич, славонская женская рубаха имеет как славянские черты, так и черты позднеримской туники с рукавами. Позднеримское влияние, по ее мнению, может быть обнаружено, прежде всего, в покрое рубахи, а кроме того, в традиции подпоясывания рубахи, образующим напуск и складки на талии, характерные для римской туники³⁴ (для сравнения отметим, что в другой области Хорватии — Лике — этой особенности одежды нет). Вместе с тем широкие рукава и вертикально заложенные складки в нижней части рубахи встречаются в славянской одежде, а у римлянок отсутствуют. В качестве другого примера западнороманской традиции в народной одежде хорватов можно отметить, что в восточной части Адриатического побережья один из видов нижней женской юбки — брня (*brnja*) — ведет свое происхождение от романского названия ткани, употреблявшейся для ее изготовления (итал. *bernia*).

В эпоху Древнего Рима распространились на Адриатике и сохранились здесь до недавнего прошлого короткие черные штаны типа юбочки — брагеше (*brageše*). Название происходит от латинского слова *braca*, т. е. штаны. Подобные штаны носили римские легионеры, кроме того, важно отметить, что они являются обяза-

тельной деталью традиционной одежды сардинцев, где называются чаще всего *ragas, bragas* ³⁵.

Некоторые элементы традиционной одежды, характерные для Адриатического побережья, отсутствуют в других районах Хорватии, но широко распространены в странах Средиземноморья. Например, во многих регионах Южной Европы бытует мужской головной убор — беррита. Помимо островов Адриатики, Средней Истрии и Лабинштини, он встречается в Сардинии, Сицилии, Каталонии, Калабрии ³⁶. Хорватская беррита — вязаная и валяная шапка темно-синего цвета, формы колпака, конец которой свешивается. Этот головной убор встречается в двух вариантах — с колпаком до плеча — вела беррита (*vela berita*) и короткая — мала беррита (*mala berita*) ³⁷. Такой головной убор был широко распространен от Фригии до Пиренейского полуострова ³⁸ в глубокой древности и сохранился до сегодняшнего дня практически в неизменном виде.

Западногерманское влияние испытали и другие элементы хорватской традиционной культуры. Например, крестьянское жилище хорватов существует в нескольких вариантах. Один из распространенных на побережье Адриатики подтипов его — жилище с внутренним открытым двором, в котором хозяйственные помещения расположены не по прямой линии, а вокруг двора, имеющего форму квадрата. Эта форма жилища восходит своей традицией к античному дому с атрием. Она получила распространение в Италии, Греции, южных районах Испании ³⁹.

Жилище Адриатических островов имеет сходство с одним из типов сельских домов этих стран и в планировке. Дело в том, что в этих районах Хорватии наряду с развитием дома, характерным для хорватов, когда кухня остается первым от входа помещением, строятся дома с кухней, расположенной на верхнем этаже ⁴⁰. Такой тип дома известен под названием средиземноморский.

Характеризуя сельскую архитектуру хорватов, нужно отметить, что романское влияние сказалось и на особенностях очага. Очаг на островах Адриатического моря — открытый, обычно помещается в углу, противоположном двери, он приподнимается над землей примерно на 70 см и обкладывается камнем. Цепь, на которую подвешивается котел, состоит из круглых колец, в противоположность типу других регионов Хорватии, где кольца по форме напоминают восьмерку. Над очагом находится специальный дымоход пирамидальной формы — напа (пара). Аналогичный очаг с дымоходом распространен во многих венецианских и фриульских районах ⁴¹. Подобно тому, как это было в Венеции и Фриули, такие очаги со временем стали складывать в специальной пристройке, примыкающей к кухне ⁴². В отличие от других районов Балканского полуострова в настоящее время на Адриатике распространен также очаг типа камина.

Заметны элементы романского происхождения и в утвари хорватского дома. Так, например, на западе Хорватии известен тип сундуков, распространенных в Италии. Нужно также отметить

употребление гончарных изделий (к примеру, большой глиняной посуды для воды, вина или масла — жара), ввозимых из Апулии. На островах Адриатики встречаются также прялки (с верхней частью в виде башенки или булавы), масляные светильники ярко выраженного средиземноморского типа ⁴³.

Западнороманское происхождение имеют многие мерные предметы: стар (star от лат. stara, starium) — мера из куска долбленного дерева для злаков, сегума (seguma, ит. saguma) — палочка для измерения содержимого бочки, стаица (stačica, ит. stacca) — мера длины ⁴⁴.

Романское влияние М. Гавацици усматривает и в некоторых народных обычаях, например в ежегодном выборе сельского короля с атрибутами власти и свитой. Этот обычай распространен на рассматриваемой территории только вдоль восточной Адриатики в рождественское и новогоднее время и, возможно, ведет свое происхождение от римского праздника Сатурналий ⁴⁵. Существует предположение, что обычай сжигания рождественского полена, широко распространенный в Юго-Восточной Европе, также западнороманского происхождения. Аналогичны истоки некоторых особенностей празднования рождества, в частности украшение помещений вечнозелеными ветвями лавра и плюща. С длительным пребыванием под властью Венеции связан обычай кусерва (kuserva, ит. conserva) — объединение двоих или более рыбаков или судовладельцев, которые совместно осуществляют рыбную ловлю ⁴⁶.

Перечисление элементов западнороманского влияния на хорватов может быть преумножено, но, как мы смогли убедиться, практически все они касаются населения Адриатики, что собственно легко объяснимо длительным венецианским господством над этой территорией и нарушением тесных контактов с другими хорватскими регионами.

Но в глубине Балканского полуострова, по соседству со славянами жила еще одна компактная группа, в прошлом романского населения — вlahи.

Вопрос о составе и происхождении вlahов до сих пор остается дискуссионным в этнографической науке и связан с проблемой вlahской колонизации. Этническая принадлежность вlahов исследуется уже более столетия учеными разных стран: Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии, СССР и др. Но по-прежнему данный вопрос остается предметом гипотез и дискуссий. Своими корнями это в прошлом романоязычное население уходит, по всей вероятности, в позднеантичную эпоху. В конце XIX в. вlahов считали прямыми потомками римлян, с начала XX в. возобладала концепция, согласно которой вlahи сформировались на базе древнего фракийского населения, занимавшегося горным скотоводством и романизированного в античности. По одной из гипотез этноним «влах» — славянского происхождения и означает «овцевод», «пастух». Проблема происхождения вlahов осложняется еще и тем, что у античных авторов эта группа населения не встречается,

зато в византийских источниках X—XIII вв. «влахи» постоянно упоминаются наряду с прочими этническими группами. Этническое содержание термина «влахи» в византийских документах было детально исследовано Г. Г. Литавриным⁴⁷. Советский ученый подтвердил вывод известного венгерского историка М. Дьони, что ни одно известие о влахах вплоть до конца XIII в. не дает оснований к тому, чтобы усматривать в этом термине указание не на определенную этническую группу на Балканах, а лишь на слой населения, занятого скотоводством⁴⁸.

Как известно, влахи были расселены на обширной территории от Карпат до Адриатики. Большое число источников содержат сведения о влахах на территории современной Югославии. Однако, как отметил Е. Наумов, эти источники недостаточно исследованы. В современной югославской исторической литературе по данной проблематике особое внимание уделяется прежде всего анализу социально-экономического развития владх⁴⁹. В частности, форме их общинной организации — катунам — был посвящен специальный симпозиум, проходивший в 1963 г. в г. Сараево⁵⁰. Вместе с тем сведения о взгляде югославских ученых на этническую сторону проблемы можно почерпнуть лишь из работ обобщающего характера, при этом и они довольно противоречивы.

Е. П. Наумов, осветивший состояние волошской проблемы в современной югославской историографии, приводит данные о том, что в некоторых трудах (например: Историја Црне Горе. Титоград, 1967. Кн. 1) владхов вообще не считают особым этническим элементом, в других же работах (например: Преглед историје Југословенског народа. Београд, 1960. Књ. 1. С. 17) говорится об исчезновении владхов и их слиянии с местным славянским населением сразу же после расселения славян на Балканском полуострове⁵¹. Югославский буржуазный ученый С. Новакович полагал, что уже в XIII в. слово «влах» означало общественное положение, а не народность⁵². Столь противоречивые точки зрения указывают на сложность и неоднозначность решения данной проблемы.

Несомненно, что после заселения славянами Балканского полуострова романское и романизированное население постоянно контактировало с вновь прибывшими группами и они оказывали друг на друга взаимное влияние. В ходе этих контактов романоязычное население постепенно ослаблянивалось и этническое содержание понятия влах утрачивалось. Однако еще недостаточно ясен вопрос о сроках и интенсивности этого процесса. Прежде всего славянское влияние сказалось на языке владхов. В этой связи, как отметил Г. Г. Литаврин, разгорелся спор. Одни ученые считали, что влахи сохраняли одноязычие до тех пор, пока являлись этнически особой группой, другие полагали, что билингвизм и даже трилингвизм не являются непременным показателем ассимиляции⁵³.

Наиболее распространенным аргументом в пользу исчезновения этнического содержания понятия «влах» являются лингвистические данные. В частности, большое число владхов в документах

имеют сербские и хорватские имена и фамилии. Приводятся данные топонимики, славянские названия влашских катунов и т. д. Уделяется внимание также факту оседания влахов на земле, которое наиболее интенсивно происходило, по мнению югославских ученых, в XIII—XIV вв. и было обусловлено социальными и политическими причинами⁵⁴. Считается, что переход к оседлому образу жизни и славянизации влахов — взаимосвязанные процессы.

Ославянивание влахов, хотя оно и началось с момента заселения Балканского полуострова славянами, наиболее интенсивно происходило, вероятно, в XIII—XIV вв. Источники свидетельствуют о постепенном перенесении понятия «влах» на славянское православное население, говорившее на штокавском диалекте сербско-хорватского языка. Как отмечалось выше, такие влахи упоминаются на Адриатическом побережье в 1396 г.⁵⁵ В пользу славянизации влахов говорят и некоторые данные XV в. В предписании венецианского правительства своему чиновнику в Шибенике 1417 г. говорится: «Morlacchi et altri Schiavi (морлаки и другие славяне)»⁵⁶. Особого внимания заслуживает один из источников XVI в., из которого ясно, что морлаки этого времени в Далмации — славяне. В нем говорится, что епископ Даниел освободил много пленных далматинцев и славян-морлаков христианской веры⁵⁷.

Исторические источники с XIV в. свидетельствуют о присутствии на обширной территории, заселенной хорватами, а именно в северной и средней Далмации, Хорватском Приморье, на полуострове Истрия и в области Лика, наряду с хорватами другой этнической группы — влахов или морлаков. Первым названием Vlasī пользовалось хорватское земледельческое население для обозначения большой группы новых переселенцев, занимавшихся скотоводством*. Идентичность терминов «влах» и «морлак» отмечена давно⁵⁸. О том, что этими этнонимами обозначались одни и те же группы населения, говорят многие источники. Одно из наиболее ранних свидетельств относится к 1400 г. и связано с Дубровником.

И. Эрдельянович, опираясь на письменные источники, относит появление влахов в Далмации к 1312 г., появление морлаков — к 1352 г.⁵⁹ Необходимо оговориться, что согласно другим данным этноним «морлак» встречается на Адриатическом побережье уже в XII в. в летописи попа Дуклянина⁶⁰. Однако эти сведения не внушают нам особого доверия. В документе бана Хорватии и Далмации Х. Фнакопана (1436 г.) фигурируют три этнические группы в Далмации — хорваты, сербы, влахи. Отмечается, что влахи имели свои собственные законы. Последний документ, упоминающий влахов как особую романскую группу населения, относится к 1531 г.⁶¹

* Название «морлаки» имеет новогреческое происхождение и означает «черные влахи». Считается наиболее вероятным, что так стали называть в Византии влахов из-за их одежды черного цвета.

Известно, что в XIII в. вlahи постепенно распространились по всей Сербии, Зете и Герцеговине, а в XIV в. уже стали наводнять Хорватию⁶². Большое число сербских, турецких, дубровницких источников содержит сведения, указывающие на присутствие вlahов на западе Балканского полуострова вплоть до XVI в. В последующий период и до XX в. в Хорватии вlahами называли население, говорившее на штокавском диалекте сербскохорватского языка и занимавшееся скотоводством. При этом этническое содержание этнонима (а именно романский характер его носителей) постепенно утрачивалось. Наиболее ранние примеры перенесения понятия «вlah» на славянское население относятся к Адриатическому побережью (1396 г.)⁶³, со второй половины XVI в. этот этноним стал употребляться по отношению к славянскому населению также на полуострове Истрия и в Лике⁶⁴.

Не пытаясь в данной работе решить сложную и многогранную проблему происхождения вlahов, остановимся лишь на вопросах, касающихся присутствия этой группы населения на территории Хорватии.

Когда материковая Далмация попала под власть Османской империи (1511—1533 гг.), на место старого населения пришли новые переселенцы из Боснии и Герцеговины. В источниках упоминаются «турецкие морлаки», которые поселились в Далмации. Самое раннее их упоминание в Далмации относится к 1527 г.⁶⁵ С первой половины XVI в. жители побережья Адриатики называются в венецианских и австрийских источниках морлаками⁶⁶. Под напором османского завоевания славяне отходили все дальше к западу, во второй половине XV в. набеги османских воинов достигли полуострова Истрия, что вызвало передвижение населения, часть которого устремилась в Истрию. Была еще одна причина, благоприятствовавшая изменению этнической картины на этом полуострове: с XIV в. Истрия особенно страдала от войн и болезней, неоднократно здесь вспыхивали эпидемии чумы и малярии. Экономический упадок Венеции, вызванный Великими географическими открытиями, отразился и на венецианской части Истрии, что привело к жестокой эксплуатации населения и его обнищанию. В результате многие земли Истрии были опустошены, количество населения на полуострове катастрофически упало. Поэтому Венеция и Габсбурги оказались перед необходимостью приглашать на полуостров колонистов уже с XIV в. В 1376 г. Сенат Венеции издал указ об освобождении от налогов на 5 лет всех переселившихся в Истрию в течение года⁶⁷. Сюда переселялись итальянцы, славяне и другие народы. В период с XV по XVII в. засвидетельствовано 117 случаев группового заселения Истрии. 12 раз переселялись греческие группы, 9 раз албанские, 96 раз — славянские⁶⁸.

Самая старая колония вlahов в Истрии основана в 1449 г. в общине Буйе. В 1525 г. возникло поселение на территории общины Ровинь — Ровиньско Село. В документах об основании села переселенцы упоминаются только под именем морлаков⁶⁹,

ибо эти районы имели большой процент итальянского населения. Влахы расселились по всему полуострову Истрия, но большая часть их заняла его западные и южные районы (округа Мотовунский, Поречский, Ровиньский, Воднянский, Пульский)⁷⁰.

Влахы под напором османской экспансии переселились из Боснии первоначально в Лику, затем продвинулись в Далмацию и далее в Истрию. Вместе с влахами переселялись и другие семьи из Лики и Далмации, поэтому субэтническая группа владов вобрала в себя и местный славянский элемент.

Существует подробная этнографическая характеристика владов, относящаяся к XVIII в. Аббат Альберто Фортис, итальянский этнограф и естествоиспытатель, побывавший в 1771—1774 гг. в Далмации и написавший о своих впечатлениях книгу, считал далматинских владов славянами⁷¹. В XIX в. жители прибрежных островов Адриатики называли всех прибрежных крестьян Далмации влахами.

Как было отмечено выше, вопрос об интенсивности ассимиляции владов не решался однозначно. На это указывают и этнографические материалы. По данным А. Фортиса, и в XVIII в. влахи, являясь славянами, представляли собой особую группу. Итальянский этнограф описал их обычаи, одежду, быт, антропологические особенности⁷². Исследование этнической культуры населения одной из областей Хорватии — Лики — показывает существенные отличия в женском народном костюме у двух групп, живущих здесь, — буньевцев и владов — уже в послеосманский период. В частности, у них неодинаков покрой юбок (у влашских женщин юбка одноплатовая, стянутая в талии, у буньевок — пришитая к лифу), различны головные платки (у влашек с белой вышивкой, у буньевок — черные), отличаются украшения, в одежде владов обязательна безрукавка, а у буньевок она отсутствует и т. д.⁷³

В традиционной одежде владов выделяются древние элементы, такие, как безрукавка, меховая шапка, плащ с капюшоном из козьей шерсти, белые облегающие штаны у мужчин. Новейшие исследования показали, что эти элементы восходят к одежде железного века, а некоторые — бронзового⁷⁴. Например, узкие штаны свойственны фракийцам, в прошлом они были распространены у албанцев, молдаван, румын. В Хорватии узкие белые штаны — беневерцы — встречаются лишь в Лике и на побережье Адриатики (с приходом владов), тогда как у других групп бытуют широкие черные штаны — гачи, брагеше. Из других элементов одежды нужно упомянуть одноплатовые юбки с длинными темными кистями, имеющие аналогии с дако-романскими⁷⁵.

На балкано-романской традиции основаны, вероятно, зимние шествия с масками, колокольчиками, привязанными к поясу, песнями, известные на большей части западнодинарской территории вплоть до сегодняшнего дня под названием «чаройцы» (čarajce, ср. рум. ciorgioca — цыганка, ворона) и имеющие аналогии с шествиями, сопровождающими жертвоприношения на этой же территории в прошлом. Нужно упомянуть также, что участник

жертвоприношений в Старом Дубровнике назывался «чоройе» (čogoje) и, следовательно, имеет то же происхождение ⁷⁶.

Романского происхождения, может быть, также один из свадебных обычаев, описанный применительно к морлакам А. Фортисом и носящий название «јага рико» (ром. «iag aric» в значении «поймай опять») ⁷⁷.

Но наибольшее число элементов романско-влашской культуры дошло до нас через скотоводческие традиции и способы переработки молока. Например, в далматинском Загорье до сегодняшнего дня пастухи, говорящие на сербскохорватском языке, считают своих овец по-романски ⁷⁸. Что касается молочных продуктов, то способ их изготовления имеет очень давние традиции и уходит своими корнями к автохтонному субстрату Балкан. Скажем, творожная масса, получаемая путем подогрева сыворотки с добавлением молока на слабом огне и называемая вурда (vurda), считается исследователями очень древним продуктом. Нужно отметить, что аналогичное блюдо готовится и в Далмации, но здесь оно появилось в позднем средневековье под итальянским влиянием ⁷⁹. Таким образом этот способ переработки молока был распространен в разных областях романского мира, но не был извештен предкам южных славян.

Вышеприведенные материалы, а также другие данные, на наш взгляд, дают основание говорить, что в хорватских землях шел процесс слияния влахов со славянским населением Балканского полуострова, который интенсивно протекал в XIII—XIV вв., а в XV в. был ускорен миграциями влахов на равнинные земли. Этническое содержание термина «влах» менялось на протяжении веков, и в XVIII—XIX вв. так называлось уже славянское население православного вероисповедания Далмации, Лики, Боснии. Вместе с тем особенности этнической культуры влахов позволяют выделить их в субэтническую группу.

К проблеме происхождения влахов примыкает и вопрос об этническом лице другой субэтнической группы — чичей (Čići, Chichius, Tschitschen и т. д.), живущих в восточной части полуострова Истрия, на плато Чичари. Происхождение этнонима связывают с редупликацией вопросительного слова «что» — «či» в романском говоре чичей. В документах впервые чичи упоминаются в 1463 г. как люди, находящиеся на службе у князя Ивана Франкопана и заселяющие земли к югу от горы Учки ⁸⁰. Вопрос о происхождении чичей является дискуссионным, так как в их культуре обнаруживаются в равной степени славянские и романские элементы. Романский диалект истрийских чичей со славянскими и итальянскими элементами сохранился до сегодняшнего дня в восьми селах Чичарии: семь из них расположены в районе Учки, одно к северу-западу от г. Риеки (с. Жеяны). В других же селах население говорит на сербскохорватском языке ⁸¹.

Согласно одному мнению, чичи являются по происхождению валахами, впоследствии славянизированными. Г. Вассилич считает, что они пришли с Нижнего Дуная в Сербию, Боснию и Герце-

говину, где стали известны под именем влахов. На Карст романоязычные чичи переселились во второй половине XVI в. из «Старой Хорватии», где их обозначали какое-то время общим названием «ускоки» (т. е. беженцы). В XVII—XVIII вв. в Истрию переселились морлаки—ускоки—чичи (Г. Вассилич считает эти названия синонимами), которые говорили уже на сербскохорватском языке⁸².

Другие исследователи (М. Малецкий, Е. Рибарич) считают, что романское население в глубинных районах полуострова Истрия сохранялось только в деревне Жеяны (Žejane), основанной в начале XVI в. Другая же часть чичей, хотя и носящая тот же этноним, переселилась в Истрию славяноязычной, о чем свидетельствует то, что их диалектологический тип резко отличается от всех окружающих его в Истрии славянских наречий⁸³. Кроме того, против мнения, что все чичи были в прошлом романцами, свидетельствуют и данные этнографии, в частности различия в одежде этой группы населения⁸⁴.

Вероятнее всего, что хорватские и романские группы переселялись вместе, расселились по соседству и название «чичи» было дано всем новым поселенцам плато Чичари.

Известно, что в период позднего средневековья Далмация и Истрия наряду со Славонией были затронуты более сильными миграциями, чем все хорватские земли. Это было связано с османскими завоеваниями на Балканах и объясняется желанием населения уйти в более безопасные районы. Вследствие этих переселений и этнических смешений состав жителей Далмации и Истрии сильно изменился, произошло сглаживание этнических различий населения этих областей и остальной части Хорватии. Романское население не могло больше ассимилировать славян, ранее романизированные группы стали возвращаться к славянским традициям, более того, происходила славянизация итальянского населения.

В Далмации и Истрии стали распространяться новые обычаи, фольклор, эпические песни, материальная культура, усилилась патриархальная задруга. Интересно, что немалую роль в этом процессе сыграли и вlahи — в прошлом романизированные, затем ослабяившиеся группы населения Балкан, полностью перешедшие к этому времени на сербскохорватский язык (штокавский диалект), но сохранившие яркую специфику бытовой культуры.

Таким образом, романская традиция в хорватских землях существовала в двух вариантах — восточнороманском и западнороманском. Если первый из них пребывал вне контактов с романским миром, сохраняя патриархальный быт и самобытную культуру и в то же время подвергаясь языковой ассимиляции славянами, то второй имел питательную среду, постоянно обогащался и развивался.

Число романских элементов, проникающих с Апеннинского полуострова, росло на протяжении веков вплоть до XX в. В основном западнороманское влияние ограничивалось Далмацией и Истрией и редко распространялось на другие хорватские области.

Для влашко-романских элементов характерно гораздо более медленное распространение. Тогда как западнороманские культурные особенности проникали через отдельных людей, торговцев, путешественников, восточнороманские заимствования у хорватов всегда были связаны с миграциями населения и только так увеличивали ареал своего распространения.

Экономические и социальные перемены в обществе явились причиной того, что в XIX в. в хорватских землях возобладали тенденции к переходу инонациональных групп в состав хорватов. Особенно ошутим этот процесс был в Далмации и Истрии. По словам В. И. Фрейдзона, «когда политика ассимиляции была перспективной, имущие слои, отличавшиеся от массы народа по языку, относительно быстро меняли его, изменялось и их самосознание»⁸⁵.

Таким образом, развитие культурных традиций народа в исторической ретроспективе, взятое в единстве взаимодействия особенностей его структурных элементов (субэтносов и т. п.) как между собой, так и с окружающими этническими общностями, может быть представлено как поразительно интересный коммуникативный процесс. Этнос, обладающий достаточным для восприятия более развитой традиции уровнем культурного (в широком смысле) развития, усваивает ее в своем историческом бытии, чтобы потом выступить в такой же роли по отношению к наследникам этой традиции (в силу исторических судеб, замедливших свой прогресс). Параллельно с этим происходит новый этап обогащения культуры рассматриваемого народа элементами бытия соседних (более развитых) этносов. Таким образом, становление культуры этноса есть диалектический процесс приема—передачи культурной традиции хотя бы в пределах определенной региональной общности. Причем последний еще к тому же есть производное совокупности подобных процессов на более низком структурном уровне взаимодействия субэтносов (а в конце концов каждого отдельного индивида). Таким представляется в самом грубом приближении механизм формирования некоторых особенностей традиционной культуры в свете этнической истории хорватов.

¹ Skok P. Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. Zagreb, 1953.

² См.: VI kongres arheologa Jugoslavije. Beograd, 1964.

³ История Югославии. М., 1953. Т. 1. С. 15.

⁴ См.: Јуречек К. Историја Срба. Београд, 1952. Т. 1; Формирование раннефеодалных славянских народностей, М., 1982; и др.

⁵ См.: Rački F. Borba južnih slavena za državnu neodvisnost u XI veku. Beograd, 1931. (Posebna izdanja SAN).

⁶ История Югославии. М., 1953. Т. 1.

⁷ Foretić V. Nekoliko napomena o stanovništvu i naseljima otoka Korčule // Zbornik za narodni život naroda Jugoslavije (далее — ZNŽO). Zagreb, 1975. N 45. S. 308.

⁸ Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1967. № 2.

⁹ Krebs N. Die Halbinsel Istrien. Leipzig, 1907. S. 112.

¹⁰ Гиндин Л. А. Некоторые вопросы древнего Балканского субстрата и адстрата // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 50.

- ¹¹ Benac A. Neke karakteristične pojave na zapadnom Balkanu pri proučavanju kulturnih i etničkih kretanja. VI kongres arheologa Jugoslavije. Beograd, 1964. S. 53; Suić M. Prolegomena urbanizmu antičke Liburnije // Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru. Zadar, 1963. T. 2. S. 90.
- ¹² Radauš-Ribarić J. Materialna kultura Istre // Rad XVII kongresa folklorista Jugoslavije. Zagreb, 1972. S. 25.
- ¹³ Miličić M. Nepoznata Dalmacija. Zagreb, 1955. S. 42.
- ¹⁴ Novac G. Hvar kroz stoleća. Zagreb, 1960. S. 19, 25.
- ¹⁵ Freudenberg A. Narod gradi na ogoljenom krasu. Zagreb, 1962. S. 108.
- ¹⁶ Batović Š., Oštrić O. Tragovi ilirske kulturne baštine // Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Posebna izdanja. Sarajevo, 1969. Kn. 12. S. 272.
- ¹⁷ Batović Š., Oštrić O. Tragovi. . . S. 271.
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ Lovrić I. Bilješke o putu po Dalmaciji opata A. Fortisa. Zagreb, 1948. S. 139.
- ²⁰ Batović Š., Oštrić O. Tragovi. . . S. 259; Gavazzi M. Svastika i njezin ornamentalni razvoj na ukrasnim jajima sa Balkana // ZNZO. Zagreb, 1929. XXVII. S. 23.
- ²¹ Kulišić S. O nekim problemima etničkog razvitka našeg dinarskog stanovništva i njegovih odnosa sa balkanskim starincima. Godišnjak Centra za balkanske spjitivanja. Sarajevo, 1967. Kn. 3. S. 195, 208.
- ²² Баряктаровић М. О етничкој структури Балканског полуострва. Посебан отисак. Београд, 1968. С. 233.
- ²³ Златовскаја Т. Д. Некоторые проблемы этногенеза волахов в связи с романизацией Балканского полуострова в античное время. Кишинев, 1973.
- ²⁴ См.: Lippel G. Die romische Herrschaft in Illyrien bis auf Augustus. Leipzig, 1877; Jung C. Romer und Romanen in den Donaulanden. Wien, 1877—1888; Вулић Н. Прилози к историји данашње Србије у римско доба. Војводина, 1939; и др.
- ²⁵ Византијски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955—1971. Т. 2. С. 12—13; и др.
- ²⁶ Foretić V. Nekoliko napomena o stanovništvu i naseljima otoka Korčule // ZNZO. Zagreb. 1975. N 45. S. 308.
- ²⁷ Јуречек К. Историја Срба. Београд, 1952.
- ²⁸ Јакућ-Честарић В. Етнички односи у средњовековном Задру. Zadar, 1972. Sv. 18.
- ²⁹ Skok P. Slavenstvo. . . S. 253.
- ³⁰ Bartoli M. Das Dalmatische. Wien, 1906. Bd. 1—2; Репина Т. А. О долматинском языке и его месте в группе романских языков // Вopr. языковедения. 1983. № 6.
- ³¹ Око Trsta. Beograd, 1945. S. 179.
- ³² Ibid. S. 230—231.
- ³³ Ibid. S. 230.
- ³⁴ Radauš-Ribarić J. Narodna nošnja Hrvatske. Zagreb, 1975.
- ³⁵ Красновская Н. А. Происхождение и этническая история сардинцев. М., 1986. С. 147, 155.
- ³⁶ Там же. С. 156.
- ³⁷ Radauš-Ribarić J. Narodna nošnja. . . S. 35.
- ³⁸ Красновская Н. А. Происхождение. . . С. 156.
- ³⁹ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968. С. 364.
- ⁴⁰ Freudenberg A. Kako narod gradi. Zagreb, 1972. S. 176; Типы сельского жилища. . . С. 276.
- ⁴¹ Там же. С. 280.
- ⁴² Там же. С. 281.
- ⁴³ Gavazzi M. Vrela i sudbine narodnih tradicija. Zagreb, 1978. S. 193—194.
- ⁴⁴ Mažuranić V. Prinosi za hrvatski pravno-povjesni rječnik. Zagreb, 1908. 1. S. 412.
- ⁴⁵ Gavazzi M. Godina dana hrvatskih narodnih običaja. Zagreb, 1939. 2. S. 64.
- ⁴⁶ Gavazzi M. Vrela i sudbine. . . S. 174.
- ⁴⁷ Литаврин Г. Г. Влахи византийских источников X—XIII в. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 95—135.
- ⁴⁸ Там же. С. 96.
- ⁴⁹ Наумов Е. П. Волошская проблема в современной югославской историографии // Славянско-волошские связи. Кишинев, 1978.
- ⁵⁰ Симпозијум о средњовековном катуну. Сарајево, 1963.
- ⁵¹ Наумов Е. П. Волошская проблема. . . С. 203.

- ⁵² *Новаковић С.* Из српске историје. Београд, 1966. С. 87.
- ⁵³ *Литаврин Г. Г.* Влахи... С. 124.
- ⁵⁴ Симпозијум... С. 58.
- ⁵⁵ *Bratulić V.* Rovinjsko selo. Zagreb, 1959. S. 26.
- ⁵⁶ Симпозијум... С. 57.
- ⁵⁷ *Fermendžin C.* Acta Bosnae. S. I., S. a. S. 312.
- ⁵⁸ *Jureček C.* Die Wlachen und Maurowlachen in der Dankmalern von Ragusa. Prag, 1979. S. 124.
- ⁵⁹ *Ердељановић Ј.* О пореклу буњевца. Београд, 1930. С. 321.
- ⁶⁰ Летонис попа Дукљанина / Уредио Г. Шишић. Београд; Загреб, 1928. С. 105.
- ⁶¹ *Ердељановић Ј.* О пореклу... С. 322.
- ⁶² Преглед историје Југословенског народа. Београд, 1960. Т. 1. С. 43.
- ⁶³ *Jureček C.* Die Wlachen... S. 117.
- ⁶⁴ *Ивић А.* Сеоба срба у Хрватску и Славонију. Срем. Карловци, 1909. С. 11.
- ⁶⁵ *Ердељановић Ј.* О пореклу... С. 327, 321.
- ⁶⁶ Там же. С. 361.
- ⁶⁷ *Franceschi C.* L'Istria note storiche. Porec, 1879. S. 355.
- ⁶⁸ *Bratulić V.* Rovinjsko selo. Zagreb, 1959. S. 7.
- ⁶⁹ Ibid. S. 26.
- ⁷⁰ *Oko Trsta.* S. 228.
- ⁷¹ *Fortis. A.* Viaggio in Dalmacija. Venezia, 1774; *Kulišić S.* Iz putopisa A. Fortisa // Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu. Sarajevo, 1958. XIII. S. 77—97.
- ⁷² *Kulišić S.* Iz putopisa... S. 79.
- ⁷³ *Gušić M.* Starinska lička nošnja // Lika u prošlosti i sadašnjosti. Karlovac, 1973. S. 173—194.
- ⁷⁴ *Зеленчук В. С.* Некоторые проблемы этнической истории народов Юго-Восточной Европы // Балканские исследования. М., 1984. № 9. С. 411.
- ⁷⁵ *Gavazzi M.* Vrela i sudbine... S. 125, 176.
- ⁷⁶ *Gavazzi M.* Godina dana... 1. S. 14.
- ⁷⁷ *Kulišić S.* Iz putopisa... S. 88.
- ⁷⁸ *Nimac F.* Cabanovanje. Etnografska istraživanja i građa. Zagreb, 1940. 3. S. 118.
- ⁷⁹ *Gavazzi M.* Vrela i sudbine... S. 176.
- ⁸⁰ Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1956. Kn. 2. S. 620.
- ⁸¹ *Ribarić J.* Razmeštaj južnoslavenskih dialekata na poluotoku Istra. Beograd, 1940. S. 28.
- ⁸² *Vassilich G.* Gall'origine dei Cici. Trieste, 1906.
- ⁸³ *Malecki M.* Gwary Cicow a ich pochodzenie // Lud slawianski. Krakow, 1929, N 1.
- ⁸⁴ *Фрейдзон В. И.* Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 40.
- ⁸⁵ Там же. С. 40.

ПРОБЛЕМЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛОВАКИИ

Н. Н. Грацианская

Основное население Словакии, т. е. современной Словацкой Социалистической Республики, входящей вместе с Чешской Социалистической Республикой в состав ЧССР, — словаки. Ее северную границу и значительную часть западных границ образуют Карпатские горы, восточная граница проходит с небольшими отклонениями в районе г. Прешова по этнической границе словацко-украинского расселения, южная граница идет в основном по рекам Дунаю и Тисе.

Словакия делится на три географически различные области: западную (Подунайская низменность, т. е. северная часть Малой Среднедунайской низменности, тянущаяся к Дунаю), центральную горную (Западные Карпаты) и восточную (Потисская низменность, т. е. окраинная часть Большой Среднедунайской низменности).

Географическая расчлененность Словакии, площадь которой равна 49 000 км², не совпадает с ареалами диалектов и культурными областями, что объясняется особенностями ее исторического развития, положением страны в самом центре Европы и тем, что в заселении Словакии на протяжении всей истории принимали участие разные этнические компоненты.

Этническая история словаков чрезвычайно сложна и еще слабо изучена. В составе Венгерского государства Словакия более тысячи лет не представляла собой даже отдельной административной единицы, словаки населяли северные комитаты страны в замкнутом пространстве между Карпатской горной дугой и Придунайской низменностью. Жители горных котловин и речных долин были изолированы друг от друга, что мешало процессу этнической консолидации.

Правительственные круги Венгрии проводили последовательную политику мадьяризации словаков под лозунгом «одно государство — один народ», стремились к уничтожению словацкой самобытной культуры. Была признана и широко распространена теория «неисторичности» словаков, якобы не имевших собственной исторической традиции, начавшейся лишь с периода словацкого «национального возрождения» и появления литературного языка в XVIII—середине XIX в.

Начало изучения словацкого этногенеза относится к концу

XVIII в. Появилась теория о Словакии как прародине славян и словаков — ядре славянства. В 1780 г. И. Папанек издал первую словацкую историю — «*Historia gentis Slavicae*», в которой начало словацкого «королевства» относил к IV в. до н. э. и все народы, населявшие территорию Словакии в разные периоды, считал словаками¹.

В научную славистическую литературу проблема происхождения словаков была впервые введена П. И. Шафариком, словаком по происхождению. Он сформулировал теорию автохтонного этногенеза словаков: словацкий язык он считал сохранившимся осколком славянского праязыка, на котором говорило древнейшее население среднего Подунавья. Расселение славян, по его мнению, произошло именно из этого центра, т. е. прародины. В своих выводах П. И. Шафарик опирался не только на лингвистические данные, но и на письменные источники, в том числе и на «Повесть временных лет» XII в.²

Среди деятелей словацкого «национального возрождения» центристская теория П. Шафарика пользовалась немалым признанием, она играла и важную политическую роль в борьбе словаков за национальное самоопределение, в утверждении их национального самосознания. Ярыми приверженцами этой теории были оформители словацкого литературного языка А. Бернолак и Л. Штур.

В начале XX в. появились и другие гипотезы, касающиеся словацкого этногенеза. Одной из них была теория южнославянского происхождения словаков словацкого лингвиста С. Цамбеля. Он обратил внимание на архаизмы, особенно часто встречающиеся в словацком языке, особенно в его среднесловацком диалекте, который со времен Л. Штура (середина XIX в.) сделался основой литературного языка³. Сам Цамбель утверждал, что словаки пришли на территорию Словакии с юго-востока, отделившись от южной ветви славянства.

Выводы Цамбеля были поддержаны некоторыми лингвистами из соседних стран⁴, а также словацким историком М. Матуняком⁵. Сторонники этой теории представляли себе этногенез словаков по-разному, но большинство относило его начало только к XIII—XVI вв. и не признавало их континуитета со славянами раннего средневековья.

Большое внимание словацкому этногенезу уделял в своих исследованиях Л. Нидерле (1865—1944 гг.), обобщивший данные различных наук — истории, археологии, лингвистики, этнографии и антропологии. Местонахождение прародины славян Л. Нидерле считал неопределенным. Однако он обрисовал область расселения славян в начале нашей эры: на востоке граница ее шла по Днепру и отдельным районам бассейна Дона, на севере — по Нареву и левым притокам Припяти, на западе к Эльбе (или Висле)⁶. Отвергая теорию С. Цамбеля, Л. Нидерле подчеркивал единство происхождения чехов и словаков — западных славян. По его мнению, только природный рубеж Карпатских гор на западе Словакии

определил позднейшее этническое отделение словаков от чехов, закрепленное политической границей Венгрии. При этом он не признавал словаков самостоятельным народом, а писал лишь о возможности их будущего обособления⁷. Примесь южнославянских корней в словацком языке Л. Нидерле объяснял близким соседством словаков и южных славян⁸. Пользуясь научной терминологией того времени, он писал, что западнославянские племена в начале I тысячелетия до н. э. с севера через Судеты и Карпаты проникли в Чехию и Моравию, а по долине р. Моравы проникли на юг, в Среднедунайскую низменность, ассимилировав, по его мнению, поселившееся здесь ранее неславянское население — иллиро-фракийцев, германские племена маркоманов и квадов. При этом он считал, что южная граница распространения славян проходила первоначально гораздо южнее, чем в XX в.; подтверждение этому он находил в сохранении анклавов словацкого населения в Венгрии⁹. Восточная же граница расселения западных славян, по мнению Нидерле, не заходила далее р. Сланы. Население Восточной Словакии Л. Нидерле считал потомками восточнославянских племен, ассимилированных словаками лишь в новое время¹⁰.

Проблеме происхождения словаков и их расселения на территории Словакии были посвящены работы известного чешского историка Вацлава Халоупецкого (1882—1951 гг.), бывшего долгое время профессором Университета им. А. Коменского в Братиславе. Это был последовательный сторонник и теоретик официальной концепции чехословакизма в буржуазной Чехословацкой республике. Словаков он считал только ветвью чехов — основного ядра, расселившегося в юго-западной Словакии¹¹. Пользуясь исключительно письменными источниками, В. Халоупецкий объявил большую часть территории Словакии (северную и центральную) незаселенной до периода планомерной колонизации (немецкой и венгерской) в XIII в. и покрытой непроходимыми лесами и болотами (*terra deserta et habitatoribus destituta* — «земля пустынная и безлюдная», так называли эти районы использованные им источники)¹². Расселяясь на север и северо-восток по долинам рек Ваг, Нитра, Грон против их течения, чехословацкое население смешалось с переселенцами из соседних стран, в том числе с восточными славянами и с валахами румынского происхождения, представлявшими особый этнос, как это было принято считать в научной литературе того времени¹³.

Одновременно с В. Халоупецким некоторые венгерские ученые в своих работах отрицали преемственность словаков со славянами великоморавского периода на территории современной Словакии. Словаки, по их мнению, сформировались из позднейших славянских переселенцев XIV в.¹⁴ Эти теории воспринимались в Словакии как попытки умалить значение их исторического прошлого в Центральной Европе, их связи с традициями Великой Моравии¹⁵.

Работы Л. Нидерле и В. Халоупецкого об этногенезе словаков считались вплоть до окончания второй мировой войны признан-

ными большинством ученых-славистов, хотя и вызывали много споров. Очень мала была источниковедческая база исследований — письменные источники скудны, словацкий язык слабо изучен, археологических материалов недостаточно.

Серьезные научные исследования в этой области в Словакии были начаты лишь в послевоенные, 1950-е годы, когда вместе с ростом национального самосознания словаков усилился их интерес к этнической истории и прошлому своего народа. Но несмотря на то что за последнее тридцатилетие словацкие ученые (в особенности археологи, а также лингвисты и историки) сделали немало открытий, заставляющих коренным образом пересмотреть прежние концепции ранней этнической истории Словакии, до сих пор сохраняется множество остродискуссионных проблем, требующих дальнейших глубоких междисциплинарных исследований.

По последним археологическим данным, области современной Словакии были заселены уже в эпоху палеолита¹⁶. Одной из наиболее ранних групп оседлого населения на данной территории, этническая принадлежность которой стала предметом долгих дискуссий (вслед за населением, оставившим такие памятники неолита и бронзы, как шнуrowые, унетичские и др.), были здесь племена лужицкой культуры полей погребения периода конца II — первой половины I тысячелетия до н. э. Центр лужицкой культуры, правда, находился западнее и севернее Карпат, в бассейнах Одера и Вислы, и многие славянские ученые (особенно чешские и польские) настаивали на ее славянском происхождении¹⁷. В настоящее время большинство археологов считает культуру полей погребения древнеевропейской общностью, ставшую в более позднее время основой культуры пракеЛЬтов, прагерманцев, иллирийцев, праиталиков, праславян и других народов¹⁸. Горные районы Словакии были довольно густо заселены племенами-носителями лужицкой культуры (долины рек Ваг, Нитра, Орава, Турiec) вплоть до латенского периода. В начале нашей эры их сменили племена пуховской культуры (от г. Пухов в Северной Словакии). Большинство современных чехословацких археологов либо считает ее сложившейся на основе лужицкой культуры, либо признает частичное участие племен лужицкой культуры наряду с кельтами и даками в ее генезисе¹⁹.

По мнению большинства современных словацких историков, первым населением, об этнической принадлежности которого можно говорить с определенностью не только по археологическим данным, но и по материалам письменных источников, были в области современной Словакии скифы (VII в. до н. э.)²⁰, а позднее — кельты (с V—IV в. до н. э.). Наличие захоронений скифского типа и предметов, характерных для скифской культуры в Словакии, сомнений не вызывает. Однако вопрос о том, можно ли считать оставившее их население собственно скифами по этнической принадлежности или же это были племена иного происхождения, лишь воспринявшие многие элементы скифской культуры, требует дальнейшего уточнения.

В V в. до н. э. кельты с юга перешли через Дунай и продвинулись против течения рек Грона и Вага и Восточнословацкую низменность. В половине I в. до н. э. низменные районы Западной и Восточной Словакии заняли даки. Кельты под натиском даков ушли на запад, но часть кельтского населения была оттеснена в горные районы Карпат и сохранилась здесь и в первые века н. э. Римский писатель Тацит (конец I в. н. э.) в своей книге «Германия», назвал кельтское племя котинов в Центральной Словакии, занимавшееся преимущественно обработкой железа и платившее дань германским племенам квадов и сарматским языгам²¹. Даки в южной Словакии оставались недолго: перед началом н. э. с северо-запада пришли германские племена маркоманов и квадов, на юге же, у Дуная появились римские легионеры.

Для охраны своих границ от набегов воинственных германцев Римская империя возводила целую систему оборонительных пограничных укреплений — *limes Romanus* (рис. 5). На территории современной Словакии эта линия укреплений тянулась от Девина до устья реки Ипель. Римляне ранее всего укрепили правый берег Дуная, служившего естественной границей с «варварами». С ростом опасности вторжения германцев и экспансионистских стремлений Рима стали укреплять и левый берег Дуная. Римские крепости в I в. н. э. располагались в Девине, Комарно, вероятно, в Братиславе и Штурове. Римские легионеры несколько раз проникали в глубь территории Словакии, юго-западные ее области нередко оказывались ареной военных действий, особенно во время так называемых маркоманских войн (166—180 гг. н. э.). До настоящего времени у г. Тренчина (Laugarcio) сохранилась на скальной надпись в честь победы римлян в маркоманской войне в 179 г. н. э.

Римляне владели соседней Паннонией, западные районы Словакии, благодаря так называемому Янтарному пути были связаны с Западной Европой. Словацкие земли находились в то время на самой границе римского и «варварского» мира.

В этническом отношении Словакия в римский период делилась на следующие этнокультурные области: юго-западную с преобладанием германского (в зоне Дуная — римского) населения, северные и центральные горные районы носителей пуховской культуры, восточную и юго-восточную с сохранившимся кельтско-дакским населением, где и начиналась, возможно, первая инфильтрация славян²².

При определении этнической принадлежности отдельных археологических памятников на территории Словакии ученые сталкиваются с особыми трудностями: в центре Европы, независимо от времени появления славян, на их культуре не могли не сказаться влияния народов, расселившихся здесь как ранее, — кельтов, германцев, так и позднее — аваров и др. Дославянское население было, по-видимому, оттеснено в горные районы севера и центра Словакии, а потом постепенно ассимилировано славянами. Славяне переняли у него некоторые названия гор — Карпаты,

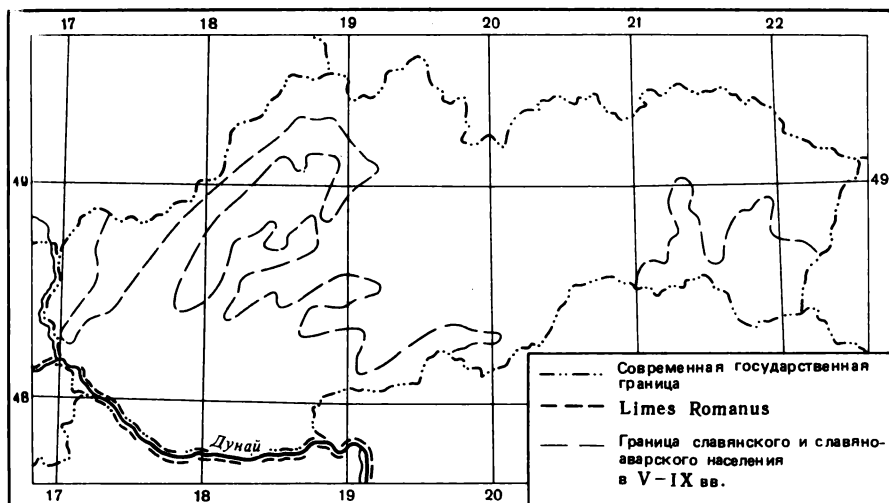

Рис. 5.
Территория Словакии в I тысячелетии н. э.

Татры, Фатра, Матра, Вигорлат и др., а также рек — Дунай, Морава, Ваг, Грон, Нитра, Ипель, Горнад, Тиса. Сохранявшееся некоторое время и после прихода славян дославянское население, вероятно, до этого долго находилось в прямом контакте (пусть чаще всего и конфликтном) с римлянами. Это обстоятельство, возможно, поможет объяснить механизм усвоения славянами, пришедшими сюда позднее, тех навыков античной цивилизации в ремесле и земледелии, наличие которых невозможно отрицать²³. Закреплению этих навыков в дальнейшем, несомненно, способствовали и более поздние контакты с Византией (с IX в.). Процесс заселения славянами территории Словакии еще далеко не расшифрован.

Проблема этногенеза словаков тесно связана с общей проблемой происхождения славян, с этой точки зрения Словакия, расположенная в самом центре Европы, представляет особый интерес, так как является контактной зоной на путях продвижения разных славянских групп в южном и западном направлениях. Несмотря на широкие исследования комплекса наук (истории, археологии, лингвистики, антропологии), собравших большой материал о славянском этногенезе, остаются дискуссионными многие узловые проблемы этой темы: не существует точной локализации прародины славян, недостаточно точно определено время их широкого расселения в Европе, не доказана их связь с более ранними археологическими культурами, известными в Европе. До настоящего времени существуют самые крайние точки зрения на происхождение славянских древностей. Так, академик Б. А. Рыбаков протославянский период относит уже к XV в. до н. э. и выделяет

несколько этапов его эволюции²⁴. В то же время чешский археолог Зд. Ваня высказал в качестве рабочей гипотезы предположение о том, что славяне как особая этнокультурная общность могли появиться только накануне Великого переселения народов²⁵.

Действительно, определить славянскую этническую принадлежность археологических культур до расселения славян представляет большую трудность, здесь могут быть только гипотезы. Однако большинство современных археологов-славистов согласны с тем, что славянские древности раннего средневековья сложились на разнородной основе, в которую могли входить пшеворская, зарубинецкая и черняховская археологические культуры. Правда, все эти культуры многие археологи считают смешанными, т. е. полиэтническими, но все же уже содержащими прототипы таких раннесредневековых памятников, славянская принадлежность которых не вызывает сомнений²⁶.

Время появления славян в Европе обычно связывается с керамикой «пражского типа». Она была впервые описана подробно чешским археологом Й. Борковским, обнаружившим ее в материалах Пражского национального музея, собранных в конце XIX — начале XX в.²⁷ Й. Борковский назвал сосудами «пражского типа» лепные горшки, расширяющиеся в верхней своей части, имеющие прямую или вытянутую шейку и чаще всего без орнамента. Керамика эта явилась основой для определения древнейшей славянской посуды во всех славянских странах. Й. Борковский в своей более поздней работе, посвященной старославянской керамике в Средней Европе, находит сходную с пражской керамикой посуду и в соседних, населенных славянами странах. Происхождение этой керамики он объяснял развитием культуры полей погребальных урн. Он считал ее автохтонным субстратом, на который наслоились кельтские памятники. Й. Борковский подчеркивал самобытность этой керамики и ее местное происхождение. Прототипом этой посуды он считал позднелатенские памятники и поэтому относил начало пражской керамики к III в. н. э.²⁸

Крупнейший чешский археолог Й. Поулик относил появление пражской керамики к V в. и доказывал ее связь с керамикой городищенской культуры VIII в., т. е. периода Великой Моравии, когда уже появляется гончарный круг²⁹.

Спор о датировке «пражской керамики» все еще продолжается. Существует мнение, что славяне пришли на территорию Чехословакии лишь после ухода лангобардов, т. е. в VI в., или же под давлением аваров в VII в.³⁰ Спорны и пути славянского продвижения на территорию современной Чехословакии — с севера, через Моравские ворота и Карпатские перевалы или с юга, от Дуная. Последней точки зрения придерживается Й. Земан, который пытается найти очаг распространения пражской посуды. Как и многие словацкие археологи, более ранней ступенью славянской культуры он склоняется признать так называемую прешовскую культуру римского периода в северо-восточной Словакии³¹.

Обобщение раннеславянских археологических материалов, свя-

занных с пражским типом керамики, было сделано на территории Словакии Д. Бялевой³². Она датирует пражские памятники V—VII вв., выделяя три хронологических периода. В состав пражского типа керамики она включает лепные сосуды разных форм и пропорций, но признает ее лишь одной из форм раннеславянской керамики и особо выделяет допражскую ступень керамики, выполненной без гончарного круга, связанную с так называемой прешовской группой археологических находок III—V вв. н. э.

И. П. Русанова в своей классификации лепных раннеславянских сосудов на территории Чехословакии выделяет три типа: посуду с наибольшим расширением в верхней части тулова, округлыми плечиками, суженным горлом и дном (классическую «пражскую»), сосуды округлобокие с короткой отогнутой шейкой и сосуды баночной формы с загнутым внутрь краем. И. П. Русанова объясняет происхождение двух последних типов влиянием традиционных форм посуды дославянского населения этой территории, воспринятых славянским населением³³.

В VII в. пражская керамика сменяется керамикой дунайского типа, изготовленной на гончарном круге, которая позднее становится прототипом городищенской керамики периода Велико-Моравского княжества VIII—IX вв. н. э.

В связи с историей заселения Словакии славянами чрезвычайно большой интерес представляют последние работы В. В. Седова, в которых он дал собственную интерпретацию итогам современных комплексных исследований раннесредневекового славянского этногенеза³⁴. Славянские древности V—VII вв. известны на широкой территории Средней и Восточной Европы — от Эльбы до Днепра и от Балтийского моря до Балканского полуострова. Среди других этногруппировок того времени они выделяются общими специфическими признаками, самыми важными из которых были лепная глиняная посуда, домостроительство и погребальный обряд.

По его мнению, материальная культура славян того времени уже не была единой. После расселения на обширной территории под влиянием местного дославянского населения дифференцировалась и их культура. Выделяются три крупные группировки славян в V—VII вв., при этом используются все те же (в более детальных различиях) признаки их культурного комплекса.

Первая племенная группа пражско-корчакского типа в междуречье Вислы и Одера расселяется в V—VI вв. в восточном, южном и западном направлениях. Ее отличает лепная керамика классического пражского типа (высокие горшки с усеченно-коническим туловом, суженным горлом и коротким венчиком без орнамента с коричневой поверхностью). Среди жилищ этой группировки преобладают срубные наземные постройки с очагом³⁵, погребальные памятники с обрядом трупосожжения, выполненным на стороне. Эту первую группу славян В. В. Седов называет склавинами (по свидетельству Иордана, VI в. н. э.) и относит их появле-

ние в Моравии и Среднем Подунавье к VI в. н. э. Истоки керамики пражско-корчакского типа он видит в глиняной посуде пшеворской культуры первой половины I тысячелетия н. э., распространенной в междуречье Одера и Буга. Черты преемственности можно проследить в домостроительстве и погребальном ритуале.

Вторую, пражско-пеньковскую группировку славян В. В. Седов локализует прежде всего между Днестром и Днепром. Для нее была характерна керамика несколько иного вида, чем пражско-корчакская (с овальным или круглым туловом), другой характер домостроительства (квадратные или прямоугольные полуземлянки с печью-каменкой в северо-восточном углу) и ямные погребения с трупосожжением.

В. В. Седов считает, что эта группа (называемая им антами) ведет свое происхождение от Подольско-Днепровского региона черняховской культуры³⁶. От чешской Моравии и до нижнего Дуная, стало быть, по данным В. В. Седова, можно проследить смешение этих двух этнокультурных группировок, что может стать свидетельством двух потоков славянского расселения, сначала идущих в разных направлениях, а затем здесь вновь встречающихся друг с другом.

В северо-западной части славянской территории в ранне-средневековье можно выделить третью группу населения со своеобразной лепной керамикой (суковского, дзедзидского, торновского типов), типологически близкой к пражской. Жилищами для этой группы (условно названной венетами) служили наземные дома столбовой конструкции с очагом. Предками этого населения В. В. Седов склонен считать также какую-то часть носителей пшеворской культуры римского времени.

В. В. Седов подчеркивает, что предложенные им три этнокультурных ареала вовсе не соответствуют последующему делению славян на западную, восточную и южную ветви: последние сформировались путем перегруппировки и сравнительно более поздних этнических процессов.

Предложенная В. В. Седовым схема продолжает быть предметом дискуссии. Особенно много возражений вызывают этнонимы, употребляемые автором для этих славянских группировок, в частности — венеды. Украинский археолог В. Д. Баран, принимая гипотезу В. В. Седова о вариативности славянских культур V—VII вв., в свою очередь выделяет новую их группировку³⁷, которую В. В. Седов относит к балтам³⁸. Другой точки зрения придерживается И. П. Русанова. Она считает славянской лишь культуру пражского (пражско-корчакского) типа³⁹. Главный тезис И. П. Русановой о славянской принадлежности именно керамики пражского типа поддерживают многие зарубежные археологи⁴⁰, что связано, вероятнее всего, с прежними устоявшимися представлениями о тесном языковом единстве славян до периода их расселения. Однако идея существования не одной, а нескольких племенных групп в составе раннесредневекового славянства с различающимися комплексами культуры (при

сохранении некоторых важных общих черт) открывает возможность для нового подхода к изучению истории заселения славянами территории современной Словакии.

Археологический материал, собранный в последние десятилетия в Словакии, показал, что в период раннего средневековья ситуация в западной и восточной ее части была различной.

В Восточной Словакии все большее значение придается памятникам так называемого прешовского типа. Большинство словацких археологов склоняется к тому, чтобы считать прешовскую культуру значительно более ранним комплексом раннеславянского населения по сравнению с пражским. Культура прешовского типа обнаружена главным образом в Северо-Восточной Словакии — в течении р. Торисы, в Кошицкой области и долине р. Топля. Хронологические рамки этих находок — III—V вв. н. э. Прешовский тип характеризует примитивная округлобокая лепная керамика, полуземлянки квадратной или прямоугольной формы, погребальный ритуал трупосожжения. Поселения разбросанные, земледельческо-скотоводческого характера, но значительная их часть располагается в горных долинах (западных и южных склонов Вигорлата), где население уже в этот период занималось разработкой рудных месторождений. На некоторых памятниках прослеживается преемственность вплоть до средневековья (долина р. Торисы) с более поздними достоверно славянскими материалами⁴¹.

Многие словацкие археологи считают, что прешовская культура сформировалась в II—III вв. н. э. на основе пшеворских древностей и представляет собой только часть раннеславянского этнокультурного ареала, охватывающего области соседней Польши⁴². Находки памятников пражского типа в Восточной Словакии единичны.

В Западной Словакии (особенно в южной ее части) были обнаружены многочисленные раннеславянские поселения пражского типа, сосредоточенные в основном в долинах рек Морава, Ваг, Нитра, а частично — Грон и Ипель. Действительно, археологический материал показывает, что здесь встретились два разных этнокультурных ареала (Корчак и Пеньковка, по типологии В. В. Седова), в контактной зоне их границы взаимно пересекаются: здесь встречаются керамика первого пражского типа, а также округлобокие и овальные сосуды типа Пеньковки, наземные срубные дома с очагом и полуземлянки с печью-каменкой, ямные и курганные погребения с трупосожжением⁴³.

Словацкие археологи считают, что последние археологические материалы позволяют пересмотреть старую гипотезу о единственном пути заселения территории Словакии раннеславянскими группами с севера, из Южной Польши через Моравские ворота и из Моравии в Юго-Западную Словакию в VI в. после ухода лангобардов и появления аваров. Славяне расселялись в Словакии в разное время несколькими потоками. Первая волна появляется уже в середине V в., т. е. до прихода аваров. Позднее вместе с аварами приходит и новый поток славян. Раннеславянское

население Словакии принадлежало, таким образом, к разным этноплеменным группировкам. Различными были и направления колонизационных потоков. Через Моравские ворота с запада была заселена лишь Юго-Западная Словакия, восточная ее часть — через Карпатские перевалы с востока, большой поток славянского населения, вероятно, пришел с юго-востока по Дунаю как ответвление волны, направлявшейся на Балканы⁴⁴. Это может объяснить и существование южнославянских включений в среднесловацком диалекте⁴⁵.

Для решения проблем словацкого (как и общеславянского) этногенеза большое значение имеют и выводы других научных дисциплин, особенно этнографии и лингвистики.

Словацкие этнографы в последние десятилетия подготовили Этнографический атлас Словакии, который, к сожалению, еще ждет публикации. Этот атлас уникален по широте своей тематики, охватывающей все стороны материальной и духовной народной культуры словаков. Появились первые попытки обобщения содержащегося в нем богатейшего материала. Самая значительная из них принадлежит С. Ковачевичевой, предложившей новое историко-культурное районирование территории Словакии. Она представила в 1982 г. на обсуждение лишь результаты своих исследований, не раскрывая методики выявления культурных ареалов. Материалы атласа позволили, по ее данным, выделить четыре взаимопересекающиеся этнографические зоны: северную горную, южную равнинную, юго-западную и северо-восточную. Эти четыре историко-этнографические области с нечеткими, менявшимися во времени границами можно, по-видимому, считать самыми древними, этногенетическими по происхождению культурными ареалами⁴⁶. По материалам глубокой древности археологи считают первичным расчленение территории Словакии на горную северную и равнинную южную части. Эти области выходят за пределы границ Словакии, решающее значение для их формирования имела зональная географическая дифференциация, определившая хозяйственно-культурную специфику горных и низменных районов расселения народа. В дальнейшем усиление культурной специфики горных районов Словакии было связано с развитием горных рудников с городами — торговыми и культурными центрами — и колонизацией на «валашском праве», объединившей народную культуру горных словаков с отгонными скотоводами других народов Карпато-Балканского ареала. За пределы государственных границ далеко распространяется и плодородная низменная зона Подунавья, со времени появления славян отличавшаяся густой сетью расселения⁴⁷.

Разделение Словакии на западную и восточную историко-культурные области, по-видимому, связано с древнейшей этнической историей словаков, эта вертикальная культурная граница также выходит далеко за рамки Словакии. Выделяя западные и восточные области, С. Ковачевичева относит их формирование к периоду Великоморавского княжества, а также видит причину

их обособления друг от друга в последующей различной ориентации западных и восточных областей Словакии на Рим или Византию, отразившейся позднее и на конфессиональной границе. Однако разделение Словакии на западную и восточную этнографические области отражает, по-видимому, процессы более раннего славянского этногенеза.

Хотелось бы также обратить внимание на необходимость использования выводов словацких лингвистов, подготовивших Атлас словацкого языка.

Выводы о распространении границ словацкого языка суммированы в статьях А. Габовштиака, публиковавшихся в процессе работы над лингвистическим атласом. В результате лексико-семантического анализа (в котором, как известно, лучше всего отражаются этнокультурные взаимодействия) выяснилось, что в древнейший период словацкой истории членение словацких диалектов было иным по сравнению с более поздним разделением на западнословацкую, среднесловацкую и восточнословацкую группы. Более ранним является членение на два равновеликих макроареала: юго-западнословацкий и северо-восточнословацкий ⁴⁸. Эти ареалы, вероятно всего, связаны с древнейшим праславянским словарным запасом, они выходят за пределы распространения словацкого языка (*prst/palec, borovica/sosna, raž/žito, sliepka/kura, praslice/kudel'* и др.) и продолжают в разных вариантах во всех славянских языках. Например, слово «рожь» встречается в сербско-хорватском, словенском, македонском, болгарском языках, в юго-западной половине Словакии, а также в пограничной зоне западно-словацких и чешских диалектов в Моравии и в русских диалектах. Для чешского, лужицкого, польского и украинского языков характерно слово «жито» ⁴⁹. Следовательно, бинарное лексико-семантическое деление Словакии восходит к диалектной дифференциации праславянского языка периода заселения славянами современной Словакии. Диахронное расчленение словацкого языка на западную и восточную части А. Габовштиак связывает с историей расселения славян в Подунавье, проходившем разными потоками на рубеже V—VI вв.

Деление словацкого языка на три группы диалектов, по мнению словацких лингвистов, произошло позднее (но также до X в.), и было результатом миграции населения из южных районов под натиском аваров.

Таким образом, можно считать, что этнографические и лингвистические материалы атласов подтверждают выводы археологов о различных этноплеменных группировках, участвовавших в этногенезе словаков, и разных потоках их расселения на территории Словакии.

Во второй половине VI в. н. э. славянские племена Придунавья попадают под власть аваров — тюркских племен, основавших крупное политическое объединение — Аварский каганат. Численность аварских дружин была невелика, они не могли надолго изменить этническую ситуацию Подунавья.

Авары принесли с собой специфические железные украшения и оружие. Орудия повседневного обихода делали для аварских воинов славянские ремесленники. В захоронениях этого времени археологи на территории современной Словакии часто встречают смешанные могилы славянских крестьян и аварских воинов⁵⁰. Аварский ритуал трупоположения мертвых совершенно не встречается в горных долинах Словакии, где продолжается обычный для славянского населения обряд трупосожжения. Многие словацкие ученые считают, что славянское население северных горных долин Словакии активно участвовало в борьбе с аварами на стороне воеводы Само⁵¹.

В период борьбы с аварами был создан первый известный нам союз славянских племен, так называемое государство Само. Этот союз племен не был прочным объединением и просуществовал лишь 35 лет (623—658 гг.), после смерти Само об этом союзе источники больше не упоминают. Многие вопросы истории государства Само неясны, в том числе и его местонахождение⁵². В исторической литературе существовали две гипотезы о границах государства Само — чешская и «корутанская». Считается, что возникновение этого политического союза было вызвано внешней опасностью, но словацкие ученые утверждают, что объединительные процессы у славян в этот период были обусловлены глубокими внутренними изменениями в социально-экономической сфере жизни. Археологические материалы, кроме того, позволяют высказывать предположение, что значительная часть государства Само располагалась на территории Юго-Западной Словакии, а его столица — у слияния рек Моравы и Дуная, т. е. на границе северо-восточной Австрии, Моравии и Юго-Западной Словакии⁵³. И после распада межплеменного объединения Само в славянских поселениях Словакии не наблюдался регресс: в VII—VIII вв. поселения эти росли, притом прослеживались некоторые типичные признаки в материальной культуре, ставшие позднее основой городищенских памятников великоморавского периода (керамика, некоторые своеобразные виды украшений, срубные полуземлянки с очагом в углу). Непрерывность развития многих поселений здесь наблюдалась вплоть до XII в.⁵⁴

Следующим этапом этнической истории Словакии был период Великоморавской державы, с которым также связано множество дискуссионных проблем.

¹ Encyklopédia Slovenska. Zv. 2. S. 252.

² Šafarik P. J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Budín, B. II. 1826. S. 370—389.

³ Czambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turč. sv. Martin, 1906.

⁴ Kniesza Y. Zur Geschichte der Jugoslawismen in Mittelslowakische Sprache // Etudes slaves et roumaines. 1948. 1. P. 139—147.

⁵ Matuňák M. Pôvod slovenského národa. Vrútky, 1928.

⁶ Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1902—1904. Díl 1; *Idem*. Rukověť slovanské archeologie. Praha, 1931.

- ⁷ *Нидерле Л.* Обзор современного славянства. СПб., 1909. С. 183.
- ⁸ *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Díl 3. S. 184.
- ⁹ *Нидерле Л.* Обзор современного славянства. С. 70.
- ¹⁰ *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Díl 3. S. 207.
- ¹¹ *Chaloupecký V.* Staré Slovensko. Bratislava, 1923. S. 312—315.
- ¹² *Chaloupecký V.* Valaši na Slovensku. Praha, 1947. S. 101.
- ¹³ *Ibid.* S. 103—104. Подробнее об этой проблеме см.: *Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н.* Проблемы изучения культурной общности населения Карпат // Карпатский сборник. М., 1976.
- ¹⁴ *Karácsonyi J.* Történelmi jogunk paránk területi épségehez. Budapest, 1925.
- ¹⁵ *Kučera M.* O etnogenéze slovakov // Nové slovo. 1981. Č. 31. S. 24.
- ¹⁶ *Barta J.* Slovensko v staršej a strednej dobe kamennej. Bratislava, 1965.
- ¹⁷ Например, см.: *Kostrzewski Y.* Prasłowiańszczyzna. Zarys dziejow i kultury Prasłowian. Poznań, 1946; *Czekanowski J.* Wstęp do historii słowian. Poznań, 1957.
- ¹⁸ *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 44—45.
- ¹⁹ *Slovensko I.* Dejiny. Bratislava, 1971. S. 80—112.
- ²⁰ *Ibid.* S. 93.
- ²¹ *Тацит Корнелий.* Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1. С. 372.
- ²² *Chropovský B.* K etnogenéze slovakov // Historický časopis (далее — НС). Bratislava, 1982. Č. 1. S. 20; *Benadik B.* Obraz doby latenskej na Slovensku // Slovenská archeologia. Bratislava. XIX-2. 1971. S. 485—487.
- ²³ *Kučera M.* Velká Morava a začiatky našich dejín // НС. 1985. Č. 2. S. 167.
- ²⁴ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1984. С. 214—284; *Он же.* Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978. С. 182—196.
- ²⁵ *Vaňa Z.* Poznámky k etnogenezi a diferenciácii Slovanů s hlediska poznatku archeologie a jazykovědy // Památky archeologické (далее — ПА). Praha. 1980. LXXI, Č. 1. S. 227—228.
- ²⁶ *Rapports du IIIe Congrès International d'Archeologie slave.* Bratislava, 1979. V. 1.
- ²⁷ *Borkovský J.* Nejstarší slovanská keramika ze středních Čech // ПА. Praha. 1939. XL. S. 97—107.
- ²⁸ *Borkovský J.* Staroslovanská keramika ve Střední Evropě. Praha, 1940. S. 59—64.
- ²⁹ *Poulik J.* Staroslovanské mohylové pohřebiště v Přitlukách na Maravě // Archeologické rozhledy (далее — АР). Praha. 1951. III. 2/3. S. 97—99.
- ³⁰ См., например: Великая Моравия. М., 1985. С. 30.
- ³¹ *Zeman J.* Beginn der slawischen Besiedlung in Böhmen // Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit. Wiesbaden, 1967. S. 6.
- ³² *Bialeková D.* Nové časnoslovanské nálezy z juhozápadného Slovenska // Slovenská archeologia (далее — СА). Bratislava, 1962. 10. Č. 1. *Idem.* Zur Datierung der oberen Grenze der Prager Typus in der Südwestslowakei // АР. 1968. 5. S. 612—615.
- ³³ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976. С. 119—136.
- ³⁴ *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 101—143; *Он же.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 10—19.
- ³⁵ См.: *Donat P.* Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa von 7 bis 12 Jahrhundert. Berlin, 1980.
- ³⁶ *Седов В. В.* Происхождение. . . С. 122—124.
- ³⁷ *Баран В. Д.* Славяне в середине I тысячелетия н. э. // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978. С. 29; *Klanica Z.* Počátky slovanského osídlení našich zemí. Praha, 1986. S. 31.
- ³⁸ *Седов В. В.* Днепровские балты // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 20.
- ³⁹ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976. С. 213.
- ⁴⁰ *Vaňa Z.* Poznámky k etnogenezi. . . S. 229.
- ⁴¹ *Budinský-Krička V.* Sidlisko z doby rímskej a zo začiatku sťahovania národov v Prešove // SA. Bratislava. 1963. Č. 1. S. 5—58; *Idem.* Prispevok k výskumu stredovekej dediny na východnom Slovensku // Východoslovenský pravěk. Kosice, 1971. 2. S. 147—225; *Idem.* Staroslovanské osídlenie na východnom Slovensku // Studijné zvesti AU SAV. Nitra, 1961. S. 129—130.
- ⁴² *Chropovský B., Ruttkay A.* Archeologický výskum a geneza slovenského etnika // НС. 1985. Č. 2. S. 257—260; *Chropovský B.* K etnogenéze Slovákov // НС. 1982. Č. 1. S. 19—23.

- ⁴³ *Chropovský B.* Slovensko na úsvite dejín. Bratislava, 1970; *Bialeková D.* Nové včasnოსlovenské nálezy. . . S. 15.
- ⁴⁴ *Chropovský B., Ruttkay A.* Archeologický výskum. . . S. 262—263.
- ⁴⁵ *Krajčovič R.* Slovenčina a slovanské jazyky. Praslovenská geneza slovenčiny. Bratislava, 1974. S. 16—20.
- ⁴⁶ *Kovačevićová S.* Etnografický atlas Slovenska — pokus o interpretáciu vybraných výsledkov prípravy diela // Slovenský národopis. Bratislava, 1983. 2. S. 249—275.
- ⁴⁷ *Ruttkay A.* Stavebná kultura dedinských sídlisk na Slovensku vo včasnóm a vrcholnom stredoveku na základe archeologických výskumov // Lidová stavební kultura v československých Karpatech a přilehlých územích. Brno, 1981 (Lidová kultura a současnost. Sv. 7. S. 20—21).
- ⁴⁸ *Habovštiak A.* K otázke genezy slovenských nárečí // Slavica Slovaca. 1978. 1, C. 1. S. 43—56; *Idem.* Slovenské nárečia z lexikálneho hľadiska // Studia Academica Slovaca. Prednášky XI. letného seminara slovenského jazyka a kultury. Bratislava, 1975. 4. S. 67—79; *Idem.* Najvyraznejšie lexikálne areály v slovenských nárečiach // Jazykovedné studie. Bratislava, 1969. Sv. 10. S. 220—227.
- ⁴⁹ Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1974. С. 99—100.
- ⁵⁰ *Čilinská Z.* Slavisch-avarisches Gräberfeld in Nové Zámky. Bratislava. 1966.
- ⁵¹ *Ratkoš P.* Predpoklady vzniku Velkej Moravy // Československé přednášky pro VII Mezinárodní zjazd slavistov. Warszawa, 1973. S. 359.
- ⁵² *Labuda G.* Pierwsze państwa słowiańskie. Poznań, 1949.
- ⁵³ *Labuda G.* Patřili slované korutanšti k řiši Samové? // Český časopis historický, 1949. S. 1—13; *Havlik L.* Velká Morava a středoeuropští slováne. Praha, 1964. S. 178; *Grafenauer B.* Novejša literatura o Samu a njeni problémy // Zgodovinski časopis. 1950. N 4: *Klanica Z.* Počátky slovanského osídlení. . . S. 7.
- ⁵⁴ *Chropovský B.* K etnogenéze Slováků // HČ. 1982. 1. S. 21—22.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ ФРИЗОВ

М. И. Решина

Небольшой народ — фризцы — живет в Нидерландах и ФРГ. Фризцы не занимают единой территории; выделяясь островками среди инонационального населения, они делятся на западную, восточную и северную группы.

Западная группа (самая многочисленная, 200 тыс. человек) сосредоточена в Нидерландах, главным образом в провинции Фрисландия (частично в провинции Гронинген и на Западно-Фризских островах; административный центр — г. Леуварден); восточная (2 тыс. человек) — в ФРГ в трех коммунах Сатерланда, образуя Восточную Фрисландию (Eastfryslân), главный город — Аурих. Наконец, северные фризцы (18 тыс. человек) также живут в ФРГ, занимая южную часть Северо-Фризских островов и западную прибрежную зону Южного Шлезвига между реками Айдер на юге и Видо на севере; это Северная Фрисландия — Noardfryslân. К последним относятся и фризцы острова Гельголанд. Административно Северная Фрисландия (главный город — Хузум) входит в землю Шлезвиг-Гольштейн. Небольшая часть Северной Фрисландии как историко-культурной области принадлежит Дании, и лишь отдельные элементы материальной и духовной культуры (в том числе лингвистические данные) свидетельствуют о наличии здесь в прошлом фризского населения.

Западно-, восточно- и северофризский языки относятся к англофризской ветви западногерманских языков; каждый из них в свою очередь подразделяется на ряд диалектов¹.

Издавна привлекают внимание многочисленных исследователей — историков, лингвистов, этнографов, археологов — проблемы происхождения и этнической истории фризцев, связанные с этногенезом и этнической историей других германоязычных народов и представляющие определенный интерес для выяснения этнической ситуации в регионе².

В данной работе представляется целесообразным рассмотреть первоначально этническую историю западных и восточных фризцев, исторические судьбы которых тесно переплелись. Северные фризцы, стоящие несколько особняком, выделены нами в отдельный раздел.

Начало описанию земель, где впоследствии сложились западная и восточная группы фризцев, положили античные авторы. Самые ранние из дошедших до нас письменных сообщений, в которых

упомянуты древние германцы на побережье Северного моря, датируются 340—320 гг. до н. э. и принадлежат греческому ученому и мореплавателю Пифею * из Массалии (Марсель). Названная им страна — Метуонис (Metuonis) — древнейший известный нам топоним на этой территории. Пифей был, видимо, первым греком, вступившим в пределы современных Нидерландов, во всяком случае первым южанином, чьи сведения о пребывании там благодаря трудам Страбона и Плиния Старшего увидели свет. Современный исследователь древней истории Нидерландов А. Биванк называет греческого ученого «открывателем Нидерландов»³.

И с тех пор побережье Северного моря, в то время периферия Западной Европы, становится областью, интерес ученых к которой не угасает вот уже на протяжении более двух тысячелетий.

Долгое время основными и единственными источниками для изучения древней истории фризов служили труды античных авторов I—II вв. н. э.: от Страбона до Птолемея. Изыскания ученых средневековья и нового времени, их научные построения и зачастую далеко идущие выводы основывались часто на интерпретации того или иного отрывка из книги античного писателя.

Следует отметить, что интерес античных авторов к древним германцам явился следствием политики Рима по отношению ко всему варварскому миру, и германскому в частности. Поэтому не случайно в поле зрения крупнейших представителей литературы античной эпохи оказались такие сюжеты, как происхождение и расселение германских племен, их социальные институты, хозяйственная деятельность и пр. Граница между Римской империей и германцами проходила по Рейну⁴, ставшему не только географическим, но и этническим рубежом между римским (позднее — галло-римским) и германским миром; последний на протяжении длительного времени ассоциируется с правобережьем Рейна, включая земли вплоть до Северного моря, и его дельтой (рис. 6). Именно в дельте Рейна помещает Страбон (первая половина I в. н. э.) племена хаттов (Chatten), хавков (Cauchen), усиписев (Usipi), не называя там ни батавов, ни каннинефатов, ни фризов, т. е. наиболее известных в дальнейшем обитателей этой территории. Он упоминает также остров Бирханий (Byrchanis), завоеванный римлянами в конце I в. до н. э., располагая его в той части Северного моря, где находятся Восточно-Фризские острова⁵.

Ряд островов у фризского берега известен из сочинения Помпония Мелы (I в. н. э.), хорошо осведомленного о территориях, находившихся по обе стороны Восточно-Фризских островов (на юго-западе — это Ваддензе, а на северо-востоке — Гельголандская бухта в устье Эльбы⁶, т. е. районы, так или иначе связанные с расселением фризов).

Непосредственным участником похода римлян во главе с Корбулоном против фризов (47 г. н. э.) оказался Плиний Старший. До нас не дошли ни 20-томное сочинение Плиния, где описаны

* В русской транскрипции иногда Питеас.

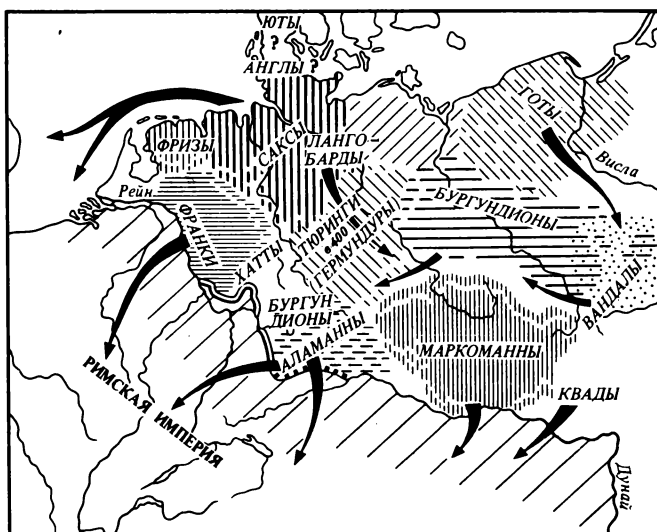

Рис. 6.
Области расселения германских племен с III в. и положение на границе Римской империи

войны с германцами, ни его «Всеобщая история» в 31 томе; лишь благодаря «Анналам» Тацита стали известны отрывки из первого произведения; по ним можно заключить, что Плиний имел, действительно, правильное представление о Северной Германии, известной римлянам с эпохи Августа (27 г. до н. э.—14 г. н. э.). Он упоминает реки Ваал и Рейн и многочисленные острова в дельте Рейна: один из них населяли германские племена батавов и каннинефатов. Среди жителей других островов названы хавки, фризы и фризиавоны (Frisiavones). Следовательно, Плиний располагает фризов на островах между Южной Голландией и Зеландией (провинции Нидерландов), выделяя юго-западную область их обитания; другой фризский массив, совпадающий с прибрежной зоной Восточной Фрисландии наших дней, Плиний фиксирует в границах современной ФРГ. Он описывает естественные холмы на побережье, которые использовались людьми для защиты от морской стихии. Таким образом, за пределами Нидерландов Плиний локализует фризов лишь в прибрежной полосе Восточной Фрисландии, «отдавая» целиком эту область хавкам.

Также скудны сообщения о Восточной Фрисландии Тацита (около 55 — около 120 г.) и Птолемея (II в.). Согласно схеме Плиния, который подразделяет народы Германии на 5 групп, на побережье Северного моря от р. Эмс и до Ютландии (и Тацит вторит ему в «Германии») обитала одна из них — ингвеоны (Inguaeones; выражаясь современным языком, этнолингвистическая общность ингвеонов), в которую были включены саксы,

англы, юты и хавки. Фризов античные авторы не упоминали на этой территории и, следовательно, не включали в группу ингвеонов, которую теперь обычно соотносят с англофризской ветвью западногерманских языков⁷.

Подобно Плинию, Тацит и Птолемей «населяют» Восточную Фрисландию хавками, приписывая им огромные пространства: от Эмса на западе (вернее, от залива Лауверсзе на границе провинций Фрисландия и Гронинген в Нидерландах) до Эльбы, отделявшей их от саксов, на востоке. И Тацит, и Птолемей различали Больших и Меньших хавков, отводя им, правда, прямо противоположные области, но в обоих случаях границей между ними служил Везер.

Эти племена, судя по описаниям всех трех античных авторов, были непосредственными соседями фризов на северо-востоке и подобно фризам на некоторое время попали в зависимость от Рима. Птолемей вполне определенно говорил о стране фризов, простиравшейся на восток до р. Эмс. В свою очередь Тацит упоминал «зарейнский народ» (*transrhenana*) фризов, которых, «сообразно их силе называют Большими и Малыми. Поселения обоих этих народностей тянутся вдоль Рейна до самого Океана (имеется в виду Северное море, *mare friscum*, как его называли римляне. — *M. P.*); обитают они, сверх того, и вокруг огромных озер, по которым плавали и римские флотилии. . . »⁸

Можно предположить, что упоминавшиеся уже фризиавоны (*Frisi(a)vones* или *Frisi(ae)vones*) были частью того племени, которое под напором римских легионов мигрировало на юг от дельты Рейна, занимая до этого земли в современной Северной Голландии (очистив от фризов пространство на правом берегу Рейна, римляне создали там «нейтральную полосу», свободную от поселений). Кроме того, сопоставляя область расселения Больших и Малых фризов (границей между ними была р. Вли) с территорией фризиавонов, А. Биванк относит последних к Малым фризам, упоминаемым Тацитом, поскольку именно они обитали на запад от реки, а Большие — на восток от нее⁹. Следовательно, античные источники, касаясь преимущественно фризов, живших на территории современных Нидерландов, суживают область их расселения в I — II вв. н. э. в основном до пределов этой страны, а внутри нее им отводят полосу от дельты Рейна на юго-западе до р. Эмс на северо-востоке.

Возникают вопросы: 1 Была ли эта область изначально центром, откуда в дальнейшем фризские племена распространились по значительным пространствам, включая полуостров Ютландия? 2 Как и когда шло это расселение? Возможен и другой подход, предполагающий, что уже до начала н. э. фризы занимали земли от устья Шельды до р. Видо в Дании (северный рубеж современной Северной Фрисландии), но к I в. н. э. им пришлось потесниться, оставив за собой гораздо меньшую территорию, что и зафиксировали источники I—II вв. Как в таком случае сложилась современная этническая карта расселения фризов?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, попробуем, хотя бы коротко, наметить основные этапы этнической истории фризов, напомнив о той роли, которую играл Рим в истории древних германцев. В 12 г. до н. э. римляне во главе с Друзом переправились через Рейн и достигли страны фризов *. Покорив фризов, Друз, по свидетельству Тацита, заключил с ними договор на условиях выплаты весьма умеренной дани, «повелев сдавать бычьи шкуры для нужд нашего войска»¹⁰. Кроме того, фризы были обязаны выставить вспомогательный корпус в римской армии. Нидерландский исследователь П. Булес называет Друза «открывателем Фрисландии и фризов», имея в виду то обстоятельство, что со времени похода Друза фризы и их страна оказались в орбите интересов Рима¹¹.

Через 16 лет, в 4 г. н. э. флот римлян, выйдя из дельты Рейна, направился по Ваддензе и Северному морю, к острову Гельголанд и впервые достиг устья Эльбы. И опять... никаких упоминаний о фризах в этом районе. После следующей экспедиции 5 г. римляне, казалось, прочно укрепились в области между Рейном и Эльбой. Здесь была создана новая римская провинция — Германия. В 14—16 гг. римские войска во главе с сыном Друза — Германиком — трижды вторгались в северо-западную Германию¹².

Племена, оказавшиеся в это время на подвластной Риму территории, находились в разной степени зависимости от него. Например, фризы, будучи вассалами Римской империи, выплачивая ей дань согласно договору с Друзом и поставляя в армию римлян вспомогательные войска, сумели сохранить свои древние институты управления. Римляне же осуществляли надзор за их страной с помощью особого должностного лица — наместника¹³.

Следующее подробное известие о фризах относится к 28 г. и связано с восстанием против Рима, приведшим их к освобождению от вассальной зависимости. Вот что писал об этом Тацит: «зарейнский народ фризы нарушил мир больше вследствие нашей жадности, чем из нежелания оказывать нам повиновение»¹⁴. Античный автор прямо указывает причину восстания; поводом же послужило распоряжение назначенного правителем фризов центуриона Оленния считать единицей взимаемой дани шкуру тура. Для фризов такая дань означала полное разорение, так как домашний скот — основа их существования, был довольно мелким, а дикие туры, естественно, гораздо крупнее. «И вот вместо шкур они стали сначала рассчитываться с нами быками, потом землями и, наконец, отдавать нам в рабство жен и детей. Отсюда — волнения и жалобы, и так как им не пошли в этом навстречу, у них не осталось другого выхода, кроме войны. Явившихся за получением подати воинов они схватили и распяли на крестах»¹⁵. Фризы взяли за оружие и вынудили Оленния бежать под защиту римского укрепления на оз. Флево (Castellum Flevum). Восстание

* Далее до определенного периода речь пойдет о фризах Нидерландов.

имело успех, римляне потерпели серьезное поражение, и «это прославило фризов среди германцев»¹⁶.

По сведениям Тацита, фризы были воинственным народом и умели организовать свои вооруженные силы должным образом, используя природные средства защиты (болота, водные преграды). Определить географические границы восстания нам помогают письменные свидетельства: это правобережье Рейна, точнее бассейна его правых рукавов; современная Западная Фрисландия и преимущественно западная область — Вестерго, провинции Фрисландии. Археологические данные того периода также подтверждают, что район восстания 28 г. в основном совпадал с территорией расселения фризов¹⁷. Итак, после сорокалетней зависимости от Рима фризы вновь обрели свободу, правда, на короткий срок.

В 47 г. римляне вновь предприняли поход против фризов; вел римские легионы командующий Нижнерейнской армией Корбулон. На этот раз фризы должны были признать господство Рима. «И племя фризов, . . . выдав заложников, осело в отведенных ему Корбулоном местах; он же назначил им старейшин и должностных лиц и предписал законы», — свидетельствует Тацит¹⁸.

Таким образом, римляне установили фризам границы их территории, дали им правление в своем духе, ввели римские законы, выстроили форты и держали там войска. Римское государство стало собственником фризской земли.

Покорив фризов, римляне еще больше утвердили свое влияние в Северной Германии. Однако фризы не оставили попыток полностью освободиться от римского гнета (видимо, после ухода Корбулона им все-таки удалось восстановить привычные формы правления; в источниках сообщается, что несколькими годами позже фризы вновь управлялись «королями» — конунгами и перестали платить дань). Они предприняли демонстрацию своей военной мощи, собираясь овладеть частью земель на правом берегу Рейна, еще не заселенном римлянами. Тацит пишет, что «фризы по наущению правивших ими, насколько можно править германцами, Веррита и Малорига продвинулись к берегу Рейна — боеспособные, пройдя лесами и топиями, прочие, приплыв по озерам, — и осели на отведенных для нужд наших воинов и тогда никем не занятых землях»¹⁹. Фризы отправили с ходатайством к Нерону в Рим двух человек. «Нерон пожаловал их обоих римским гражданством, но тем не менее повелел фризам удалиться с занятых ими земель. И так как они пренебрегли его повелением, внезапно брошенная на них союзная конница заставила их покориться необходимости, захватив в плен или изрубив всех упорно сопротивлявшихся»²⁰. В итоге римляне оттеснили фризов с занятых ими земель правобережья Рейна на прежние места обитания, но углубляться в их страну не стали, была предотвращена опасность превращения ее в часть Римской империи.

В литературных источниках I—II вв. последний раз фризы упоминаются в связи с большим восстанием батавов 69—70 гг.,

к которому они присоединились, пытаясь вновь освободиться от римской зависимости. Многие укрепления римлян на территории Нидерландов были уничтожены и сожжены, однако антиримское восстание было подавлено ²¹.

Поскольку цепь литературных источников по фризам римского периода обрывается в основном на событиях 69—70 гг., на первый план выходят источники иного рода, и прежде всего данные археологии, позволяющие в ряде случаев проверить и дополнить античных авторов.

Можно сказать, что северным областям Нидерландов (как и ФРГ) повезло с уникальными археологическими памятниками, каковыми, без сомнения, являются терпены («жилые холмы»), ибо жизнь на них «прослеживается» на протяжении многих столетий: зачастую с середины I тысячелетия до н. э. и до эпохи позднего средневековья, а некоторые используются для современных поселений.

Еще Плиний писал о людях, спасавшихся на холмах от водной стихии. Иногда это были естественные возвышенности, но большей частью — создание рук человеческих, результат бесконечной героической борьбы с морем за жизнь. Центр культуры терпенов в Нидерландах — современные провинции Фрисландия (особенно ее западная часть) и Гронинген; в топонимах этих провинций прослеживаются различные названия терпенов: для Фрисландии характерно *wier* или *ward*; отсюда: *Wier*, *Jouwswier*, *Metslawier*, *Bolsward*, *Leeuwarden*; для Гронингена — *werd* и населенные пункты типа *Holwerd*, *Ferwerd* ²².

Исследования терпенов в полосе глиноземов Фрисландии и Гронингена (прибрежные зоны Северного моря) ²³ как уникальных археологических памятников начались лишь в XIX в.

Всемирную известность получил терпен в Эзинге, северо-западнее Гронингена — одно из древнейших известных и изученных мест обитания человека в полосе глиноземов Нидерландов. На примере поселка Эзинге видно, как на месте первоначального двора здесь выросла небольшая деревушка; хорошо сохранились остатки деревянных жилищ и различные предметы. В Эзинге представлены трехкамерные постройки, где жилое помещение с очагом расположено в центре, а по бокам к нему примыкают стойла для зимнего содержания скота; все вместе составляет «длинный дом»; стены его из деревянных балок, обмазаны глиной. Со временем поселение разрослось примерно до 14 крупных дворов, расположенных радиально вокруг свободной площади.

Археологические материалы памятника в Эзинге позволили выделить 3 крупных периода в жизни его обитателей, которые, как в зеркале, отражают картину этнокультурного и этнолингвистического развития в целом по региону:

I — протофризский (300—50 гг. до н. э.).

II — фризский (около 50 г. до н. э. — 400/450 г. н. э.).

III — англофризский, скорее англосаксонско-фризский (400/450—1250 гг.) ²⁴

По времени протофризские слои совпадают с доримской эпохой в регионе: их отличительный признак — керамика с геометрическим орнаментом (хотя есть и другие типы, почти не орнаментированные). Кроме того, А. Ван Гиффен и П. Булес увязывают этот период с распространенной очень широко в Европе культурой полей погребальных урн.

Возможно, что именно около 300 г. до н. э. появились первые немногочисленные обитатели полосы глиноземов Фрисландии и Гронингена, ставшие основателями древних терпенов в Вестерго. Судя по археологическим материалам, область глиноземов была заселена позже, чем Северная Голландия, т. е. первоначально осваивались более удобные для поселения места. По-видимому, прав А. Биванк в своем предположении, что древнейшим населением этой полосы были фризы²⁵. Фризский период начался незадолго до похода Друза в страну фризов и подчинения ее Римом. Он охватывает историю Фрисландии преимущественно в римскую эпоху. Терпен в Эзинге обнаруживает и переходные пласты от протофризского к раннефризскому этапу; бронзовые фибулы, представленные в нем, позволяют более точно датировать эти слои (около 50 г. до н. э.).

Сопоставляя периодизацию культуры терпенов А. Ван Гиффена с периодизацией латенской культуры Ж. Дешелетта²⁶ на европейском материале, свидетельствующем о ее связях с культурой Эзинге, приходим к выводу, что протофризский период Эзинге можно соотнести со средним латеном (300—100 гг. до н. э.), а фризский — со второй половиной позднего латена (100—1 гг. до н. э.). Основное качественное отличие раннефризского периода сопряжено именно с керамикой; форма глиняной посуды почти не меняется, зато исчезает геометрический орнамент и появляются керамические изделия с зазубренными краями, которые с переходом к фризскому периоду уступают место керамике с ровными краями. Этот тип (грубые массивные горшки) встречается в больших количествах повсеместно в терпенах Фрисландии и Гронингена в первые века новой эры, т. е. как раз в тех областях, о которых упоминают античные авторы и которые связаны с политической историей фризов.

«В латенское время, — как пишет А. Монгайт, — во всей прибрежной зоне между устьем Рейна и Эльбы, и в особенности во Фрисландии и Нижней Саксонии, была распространена единая культура. Здесь сохранились традиции предшествующей эпохи»; «... Мы уже можем говорить не о случайно названных археологических культурах, а о связи их с известными из письменных источников племенами и народами»²⁷.

Придерживаясь сходной точки зрения, современные нидерландские ученые считают возможным названную керамику из Эзинге и терпенов Фрисландии именовать «фризской» (в отличие от А. Ван Гиффена, употреблявшего другое название «фриско-хавско-батавская») и соответственно весь культурный период — «фризским», не отрицая, что фризская керамика подтверждает

близкое родство трех этносов: фризов, батавов и каннинефатов. Это свидетельствует о расселении фризов или даже протофризов в западном направлении; еще один довод в пользу подобного предположения — сохранившаяся до нашего времени область Западная Фрисландия в провинции Северная Голландия.

Следует добавить, что, хотя геометрический орнамент исчезает с первым периодом, один из видов керамики, относящийся к фризам, умеренно орнаментирован и, по-видимому, восходит к протофризской керамике.

Для изучения связей между Римской империей и неримскими областями в Средней и Северной Европе важное значение имеет красная или коричнево-красная керамика (чаши и миски) с глянцевитой поверхностью и рельефным орнаментом — «terra sigillata» (от лат. sigillum — украшенная маленькими рельефными изображениями, фигурами). Во второй половине I в. до н. э. она вырабатывалась в Аретцо в Средней Италии, а со времени Августа мастерские по производству такой керамики появились и в провинциях, в том числе и на Рейне. Фрисландия (от начала новой эры и примерно до 300 г.) также экспортировала эти керамические изделия, за что была названа археологами «terra sigillata»²⁸.

Третий период терпена в Эзинге констатирует англосаксонское вторжение; миграция англосаксов, шедшая в западном направлении, достигла в это время фризского поселка в Эзинге: он был разграблен и сожжен примерно в 450 г. Но жизнь на терпене не прекратилась; произошло постепенное сращивание, слияние англосаксонских и фризских элементов, что нашло отражение в материальной культуре: англосаксонская керамика в основном орнаментирована (иногда свастикой), англофризская — без орнамента, с ровными краями.

Раскопки на терпенах Фрисландии также фиксируют англосаксонскую культуру, причем с наибольшим количеством «жилых холмов» в Восточной части (Остерго) — 28, в Западной (Вестерго) — 18. Видимо, с продвижением на запад терялась, смазывалась специфика англосаксонской керамики (как отражение всего процесса взаимовлияния, взаимопроникновения), приобретались черты общие для англофризского периода²⁹.

Терпены дают также ценнейший материал, помогающий восстановить картину экономических связей фризов с Римской империей. Находки римской керамики, металлической посуды, орудий труда, фибул, украшений, монет, печатей, скульптурных изображений подтверждают, что торговые пути в страну фризов были хорошо известны римлянам и что экспортировались в основном предметы быта. Фризский импорт составляли главным образом шкуры крупного рогатого скота и другие продукты скотоводства, которые поставлялись для нужд римской армии. Объектом торговли были также рабы³⁰.

Исследователи отмечают, что в середине I в. н. э. (время экспедиции Корбулона) влияние Рима в стране фризов было весьма значительным. Подтверждается сообщение Тацита о том, что

германцы, жившие вблизи от Рейна, охотно получали путем товарообмена золото и серебро, отдавая предпочтение в период Республики римским серебряным монетам типа бигаты (bigati) с изображением парной колесницы (126—53 гг. до н. э.) и серраты (serrati) с зазубренными краями (91—53 гг. до н. э.). Клады монет на территории Фрисландии относятся и к периоду Империи; уже названные типы стали исчезать из обращения только во второй половине II в. н. э.

Терпены римской эпохи содержат большое количество предметов из бронзы, и в первую очередь это фибулы самых разнообразных форм и видов. Поражает обилие бронзовых предметов культа: римский пантеон представлен изображениями Меркурия, Марса, Фортуны, Апполона, Юпитера, Минервы, Геркулеса.

Археологический материал указывает также на центры распространения римской культуры в область фризов: один из них — в Арецо (Средняя Италия), о чем свидетельствует керамика первой трети I в. н. э. с клеймом тамошнего гончара (терпен под Леуварденом). Другой центр располагался, видимо, на большом терпене в Бетгюме: там был алтарь богини Hludana, воздвигнутый римлянами — арендаторами рыбного промысла во фризских водах, поэтому можно предполагать существование римской колонии во Фрисландии. Именно надпись из Бетгюма (около середины I в. н. э. или после 70 г.) фиксирует такую форму взаимоотношений между фризами и римлянами, как аренда последними права рыбной ловли в водах Фрисландии.

Все эти находки говорят о том, что наиболее интенсивные контакты между Фрисландией и Римом, Фрисландией и областью римских поселений в Нидерландах (преимущественно современные южные провинции) имели место во II—III вв. н. э. и что именно в это время между ними налаживаются регулярные торговые связи; совершенно точно установлено, что импорт римских товаров во Фрисландию увеличился с середины II в.; страну фризов постоянно посещали торговцы, закупавшие продукты скотоводства, продолжался товарообмен; шла транзитная торговля в Германию и Скандинавию³¹.

Экономические связи составляли существенную, но не единственную сферу отношений фризов с Римом. Литературные источники (правда, весьма скупо) сообщают о договоре Друза с покоренными им в 12 г. до н. э. фризами; упоминается договор о дружбе и мире, заключенный с ними около 57 г. н. э. после того, как под давлением Рима фризам пришлось оставить «нейтральные» земли на правом берегу Рейна (подробнее об этом выше). Утратив на время свободу, а затем обретя ее вновь, фризы продолжали оставаться в определенных отношениях зависимости от Римской империи, что выражалось и в обязанности нести службу в составе вспомогательного корпуса римской армии. Например, во время первого похода Друза вспомогательный корпус целиком состоял из фризских воинов; отмечалась их особая преданность Риму: во время отлива фризы помогли сняться с мели римскому флоту.

Известно, что Нижнегерманская армия римлян располагалась около 12 г. до н. э. на территории расселения батавов и каннифатов, возможно, и фризиавонов; в 16 г. н. э. римские войска все еще присутствовали в стране фризов (например, во Флевской крепости). По сообщению Тацита («Германия»), от Малых фризов, т. е. фризиавонов, римляне получали более одного подразделения вспомогательного войска.

Фризским воинам доверялась личная охрана императоров и лиц из их окружения, о чем свидетельствует надгробная плита с именем некоего Илария, который принадлежал к племени фризиавонов и был телохранителем Нерона Цезаря — одного из сыновей Германика. Обнаружена также большая часть надгробной надписи II в., посвященной воинам из корпуса особой отдельной конницы, — «*equites singulares*» — личной охраны императора.

Фризская конница на службе у Рима известна нам с III в.: к эпохе Александра Севера и Гордиана относится сообщение об одном из подразделений фризской конницы — *Aballavensium*, которое рекрутировалось из солдат с севера Нидерландов, а свое название получило по местонахождению в Британии (*Aballa* — укрепление на западном побережье). Фризы служили и в других подразделениях римской армии³².

Возвращаясь на родину после службы в войсках Империи, фризские воины приносили с собой новые знания, новые представления о жизни других народов, особенно римлян; вместе с ними в страну фризов попадали и многие предметы римского быта.

Римляне стремились приобщить к своей культуре родоплеменную верхушку германцев и сделать ее проводником политики Рима на правобережье Рейна. Для этого практиковалось предоставление варварам прав римского гражданства; правда, в I в. н. э. это было скорее исключением из правил. Среди фризов известны уже упоминавшиеся Веррита и Малориг — предводители военных дружин, которым было пожаловано римское гражданство. К концу IV в. римские полководцы германского происхождения вошли уже в состав господствующего класса Западной Римской империи. Они получили доступ в сенаторское сословие.

Влияние римской культуры сказалось, как считает А. Биванк, по-видимому, в строительстве жилищ и совершенно определенно при возведении укреплений вокруг фризских поселений. Крепости, заложенные римлянами на территории Нидерландов (преимущественно, в центральных и южных провинциях), становились также центрами римского влияния. Очень мало известно о подобных крепостях на землях фризов: одна из них, Флевская, упомянутая Тацитом, была построена на р. Вли, но точно ее местоположение не установлено. Прокладка дорог, строительство каналов (пример тому: *Fossa Drusiana* — канал Друза, прорытый около 12 г. до н. э. для лучшего сообщения между р. Вехт, Рейном и морем) — все это способствовало проникновению римской культуры в области, населенные фризами³³.

Однако влияние Рима в разных частях Нидерландов не могло

быть одинаковым. Активная римская политика по отношению к Германии, походы римских полководцев в глубь страны, основание римлянами военных лагерей и поселений вдоль «лимеса», которым в Нижней Германии по-прежнему был Рейн, способствовали романизации населения прирейнских областей. Север страны занимал иное положение, нежели территории, подвластные Римской империи. Политические события в Империи середины III в., по-видимому, не затрагивали жизнь фризского населения. И несмотря на то что в ряде источников конца III в. наряду с хамавами и франками упоминаются фризы, А. Биванк, характеризуя скудость письменных сообщений об этом периоде, пишет: «История фризов для нас полностью нема»³⁴.

Итак, глиноземы Фрисландии и Гронингена, лишь короткое время находившиеся под властью Рима, несомненно, испытывали продолжительное и регулярное воздействие римской цивилизации. Правда, она не проникала глубоко и не меняла коренным образом тот мир с присущими ему социальными институтами, обычаями, нравами, религиозными воззрениями и языком, который на протяжении столетий соседствовал с Римом и продолжал оставаться варварским германским миром. В дальнейшем в связи с продвижением франков римское влияние ослабло и масштабы его сократились. Кроме того, часть местного населения в период франкского и саксонского нашествий (а затем и Великого переселения народов) обращалась в бегство вместе с римлянами, но покидали страну как раз люди, оказавшиеся в большей степени под влиянием римской культуры.

Таким образом, римская цивилизация воспринималась в стране фризов лишь в качестве «привеска», «добавки» к германской, точнее фризской культуре. К такому же выводу приходит Г. Янкун, крупнейший современный специалист в области германских древностей, который заявляет, быть может, слишком категорично, что в целом германцы почти ничего не перенимали у римлян в сфере материальной культуры. Следовательно, романизация, восприятие германцами (в данном случае фризами) элементов римской цивилизации и социальных порядков, ограничивалась сравнительно узкой «каймай» на границе; внутри *Germania libera* она чувствовалась очень мало. По словам А. Биванка, в этих областях «не может быть никакой речи о романизации населения»³⁵.

Этноним «фризы» вновь обнаруживается в литературных источниках около середины III в., но лишь вскользь, при упоминании фризов, служивших в пограничном гарнизоне на Рейне³⁶. Правда, это сообщение подтверждает, что фризы по-прежнему оставались в рядах римской армии.

Со второй половины III в. в римских исторических источниках появляется впервые этноним «франк», хотя возникновение этого племенного союза и его столкновения с Римской империей могут быть отнесены, вероятно, уже к 231 г. В Нидерландах франки захватили области, занятые до того римлянами, в том числе очищенную от варваров и безлюдную полосу правого берега Рейна,

а также земли в центральных и южных провинциях страны. К концу III в. в их руках оказалось устье Рейна. В целом же франки прошли южнее границы расселения фризских племен, избежавших участи батавов, ассимилированных со временем салическими франками³⁷.

Ниболее сильное влияние оказали на фризов саксы, как и франки, двигавшиеся с востока, и англы, двигавшиеся с северо-востока: еще Птолемей (II в.) локализовал последних в Гольштейне. Можно предположить, что под их натиском нефризские племена или частично растворились во фризском этносе, или же, утратив свой этноним, «завладели» чужим этнонимом — «фризы». Так, видимо, произошло с хавками в междуречье Эмса и Везера, поскольку в дальнейшем о них ничего не сообщается, а территория, им принадлежавшая, оказывается заселенной фризами.

Примерно к 400 г. саксы завоевали полосу глиноземов в провинциях Фрисландия и Гронинген, кроме того, им удалось завладеть провинцией Дренте. Как указывалось выше, англосаксонское вторжение «открыло», по классификации А. Ван Гиффена, третий период в истории терпена Эзинге. С новым этносом, вторгшимся в область расселения фризов, был, по-видимому, связан и новый, более примитивный тип жилища, который хорошо прослеживается в Эзинге.

Саксы, потеснив франков, в начале V в. сумели утвердиться в ряде областей Нидерландов, занятых до этого франкскими племенами. Несколько позже они освоили территории по нижнему течению рек Везер и Эмс, а также их притоков Хунте и Хазе. Объектом нападений саксов и англов (кроме них, в набегах участвовали юты и даны) стала и Римская Британия. Следовательно, продвинувшись на запад вдоль берега Северного моря и одолев морскую стихию, они достигли Британских островов, куда вместе с ними устремились отдельные группы фризов. Источники подчеркивают, однако, что фризы не играли заметной роли в заселении Британии.

Нашествия этих германских племен — одна из волн самого значительного миграционного движения той поры — Великого переселения народов (III—VII вв.).

Несмотря на вторжение англосаксонских племен в страну фризов, можно говорить о том, что более древний фризский пласт культуры не исчез, а сохранился, устоял, вобрав в себя некоторые черты, присущие другому этническому образованию³⁸. Например, взаимопроникновение, взаимовлияние и взаимообогащение культур отразились в одном из важнейших компонентов всякого этноса — языке: до сих пор фризский язык вместе с английским входит в англофризскую группу германской семьи языков, и чем дальше в глубь веков, чем ближе к эпохе Великого переселения народов, тем большая схожесть древнеанглийского и древнефризского. Вероятно, тесные и сравнительно продолжительные контакты на материке (англы, как и фризы, принадлежали к североморским германцам-ингвеонам; их миграция началась,

по-видимому, из района Фленсбургского фиорда / ср. топоним Ангелы — географическая область в северо-восточной части Южного Шлезвига в ФРГ /), в областях, населенных фризами, еще до совместных набегов на Британские острова создали наиболее благоприятные условия для возникновения этой языковой близости (такие важные понятия, как «мир», «родина», «дом», «жилище», «огороженная усадьба», встречающиеся преимущественно в мифологическом тексте, и в древнеанглийском, и древнефризском языках обозначались одинаково: «hām») ³⁹.

Таким образом, к середине V в. на территории современных Нидерландов можно выделить 3 больших племени: фризы на морском побережье, саксы на востоке, франки на юге. Границей между германцами и Римом оставался по-прежнему Рейн ⁴⁰.

Завершая раздел о фризах Нидерландов, попытаемся суммировать все, что нам известно об их расселении. Первоначальным районом обитания фризов была провинция Фрисландия (преимущественно ее западная область — Вестерго) от оз. Флево до р. Лауверс. Можно предположить, что Вестерго занимала большую территорию, охватывая на западе часть площади будущего залива Зейдер-Зе. Затем в результате миграций племена фризов проникли в Северную Голландию, представлявшую тогда гораздо большее географическое единство с Фрисландией: оз. Флево и другие более мелкие озера не могли быть серьезной преградой на пути мигрантов. Около 300 г. до н. э. фризы освоили глиноземы Фрисландии и Гронингена, т. е. расселение шло во всех направлениях.

В I в. до н. э., во время походов Друза римляне уже непосредственно столкнулись с фризами на правобережье Рейна (высказывается мнение, что область фризов простиралась тогда до р. Катвейк, впадавшей главным рукавом в Рейн) ⁴¹; отныне, по словам Тацита, римляне рассматривали их как «зарейнский народ» (*transrhenana gens*). Продвигаясь на юго-запад, фризские племена пришли в соприкосновение с батавами и каннинифатами, во всяком случае та их часть (фризиавоны), которая под натиском римских легионов была вынуждена уйти из Северной Голландии и осесть на землях к югу от дельты Рейна. На востоке фризы захватили торфяники провинции Гронинген.

Таким образом, вполне оправданно античные авторы I—II вв. отводят им значительные пространства от дельты Рейна на западе и юго-западе (там они граничили с каннинифатами) до р. Эмс на востоке, где с ними соседствовали племена хавков; на юге и юго-востоке страна фризов была защищена озерами и болотами (о чем писал еще Плиний); юго-восточными соседями фризов оказались жители возвышенностей провинций Гронинген, Дренте и Оверэйссел, по-видимому, ангриварии (ср. топоним Engern / *Angrivarii* /), Энгер — населенный пункт на Среднем Везере в ФРГ).

В III в., продолжая движение на восток, фризы частично ассимилировали хавков (с другой стороны, хавки могли подверг-

нуться также и саксонской ассимиляции), частично распространили на них свой этноним, поскольку прежний — «хавки» — утрачивается, сменяясь новым — «фризы». Поэтому не случайно античные источники I—II вв. не содержат еще никакой информации о племенах фризов на прежней «хавкской» территории, которая, безусловно, была известна римлянам (со времени Друза они много раз посещали страну между Рейном и Везером и неоднократно — между Везером и Эльбой). Торфяные болота, покрывавшие значительные пространства Восточной Фрисландии, делали эти места практически непроходимыми.

Однако римское влияние обнаруживается и здесь: в строительстве крепостей (например, на месте современного г. Эмден), закладке поселений (в том числе и на острове Боркум)⁴². Следовательно, приблизительно с III в. расселение фризских племен «вышло» за границу по р. Эмс, отделявшей на протяжении длительного периода фризов от хавков, и положило начало возникновению той этнокультурной области фризов, которая известна нам как Восточная Фрисландия.

Встречная волна франков, англов и саксов (III—первая половина V в.), надвигавшихся с востока и в разной мере оказавших влияние на фризский этнос, привела к частичному перемещению фризских племен; некоторые территории, населенные прежде фризами, оказались у саксов и англов (в большей степени их вторжение затронуло отдельные районы провинций Дренте, Гронинген и область Остерго в провинции Фрисландия); однако, как мы пытались показать выше, полного уничтожения фризской культуры не произошло. Взаимодействие разных этносов заложило основы для создания на этой территории нового типа культуры с превалированием, на наш взгляд, фризского компонента (ведь до сих пор жители Восточной Фрисландии говорят на многочисленных диалектах восточнофризского языка, в котором, как отмечал в конце XIX в. Т. Зибс, достаточно много древних англофризских элементов и который постоянно находится под угрозой поглощения нижненемецким диалектом). Этноним «фризы» продолжал «существовать» на огромных пространствах; по мнению П. Булеса, он наверняка «покрывал» и часть нефризского населения, в том числе и саксонского, а может быть, даже франкского. Во всяком случае, высказывается предположение, что до X в. по всей Фрисландии (от Западной Фландрии до Ютландии) фризский язык был единственным языком страны фризов (Landessprache)⁴³. Подчиняясь миграционным потокам Великого переселения народов и продвигаясь на юг, фризы заселили к началу V в. торфяники Северной Голландии, освоив прибрежные районы: чуждое население, возможно, было отеснено в заболоченные места или ассимилировано. В то же время фризы осели севернее устья Рейна, на месте будущего залива Зейдер-Зе, укрепились в устье Мааса*.

* Этому способствовало также понижение уровня болотно-речных вод у Северного моря и частичное его отступление в сочетании с повышением плодородия земель.

Итак, к середине V в. римское влияние в стране фризов резко упало. Империя сотрясалась от нашествия варваров (готов, вандалов, гуннов и др.). Римский период в Нидерландах окончательно завершился с падением Западной Римской империи⁴⁴.

С конца V в. фризы вновь «исчезают» с исторической арены и появляются на ней лишь во второй половине VII в., причем восточной границей их земель становится Везер; на юго-западе их поселения прослеживаются у г. Брюгге (провинция Западная Фландрия в Бельгии); топоним бельгийского города Остенде (нидерл. Oostende), называвшегося еще в XII в. фризским городом (как пишет К. Клемент, «Friesland welches an Flanderen grenzt», т. е. «Фрисландия, которая граничит с Фландрией»), дает основание утверждать, что именно там проходила восточная граница (нидерл. oost — восток, end — предел, конец) Фландрии с фризами⁴⁵.

Таким образом, в VII в. фризские племена дошли на востоке до Везера, завершив образование Восточной Фрисландии, в чьи владения входила обширная область между реками Лауверс и Везер, захватывая и часть современной провинции Гронинген. С этого времени, по-видимому, можно вполне определенно говорить о восточной ветви фризов — восточных фризях⁴⁶.

Одновременно в письменных источниках той эпохи упоминается «Великая Фрисландия» — Frisia Magna, в которую входили фризские земли от Западной Фландрии во Везера (даже г. Утрехт в центральной части современных Нидерландов оказался в ее пределах).

Первому «королю» (гех) фризов, известному документально, — Радбоду (или Редбаду, по-фризски), пришлось вести борьбу с франками и христианской церковью. При Радбодe фризы потеряли добрую треть своих земель. В VIII в. Великая Фрисландия была разрушена франками; в 785 г. при Карле Великом ее территория вошла в состав Франкской империи (многочисленные фризские округа оказались под властью франкской знати); вскоре фризы были христианизированы⁴⁷.

Средневековые хроники фризов отразили процесс потери ими своих земель и в конечном счете — утраты здесь своего этнического сознания. Территория Восточной Фрисландии претерпела следующие изменения: первоначально это пространство между реками Лауверс и Везер, затем — Эмс и Везер. В дальнейшем, уже в новое время Восточная Фрисландия обретает современные размеры. Расплывчатость и неустойчивость границ Западной и Восточной Фрисландии также нашли отражение в хрониках, которые иногда именуют область на восток от Зейдер-Зе до р. Лауверс Восточной Фрисландией, но чаще эти земли называют Западной Фрисландией; то же название дается территории (однако большей, чем сегодняшняя Западная Фрисландия) к западу от Зейдер-Зе, в провинции Северная Голландия; иногда под Западной Фрисландией подразумевается провинция Фрисландия с остатками фризской области в Северной Голландии, где фризы оказались под властью

голландских графов. Провинция Фрисландия получила тогда название Средней или Центральной Фрисландии, затем — Фрисландии на запад от р. Лауверс⁴⁸.

В конце концов государственные границы разделили «нидерландских» (западных) и «немецких» (восточных) фризов.

* *
*

Как было показано выше, к VII в. уже существовали две ветви фризов: западная и восточная. Каким образом и когда образовалась третья ветвь этого народа — северная, как шло расселение фризов на север, в современную Северную Фрисландию — таковы основные вопросы, с которыми сталкиваются исследователи, пытающиеся разгадать «загадку» происхождения северных фризов.

К сожалению, античные источники почти не располагают сведениями о Северной Фрисландии как о территории обитания северных фризов. Плиний, уделивший внимание западным и восточным фризам, знал также об островах Северного моря к западу от Кимврского полуострова. По его подсчетам, между р. Айдер (южная граница материковой части Северной Фрисландии) и островом Тексел находились 23 острова (в позднейшее время море поглотило 9 из них), т. е. Западно- и Восточно-Фризские острова. Среди последних Плиний выделяет вслед за Страбоном остров Боркум (Borcum). Однако Северная Фрисландия не рассматривается им как фризская территория.

Также обходят молчанием присутствие фризов в Северной Фрисландии Тацит и Птолемей, хотя именно в «Германии» Тацита и «Географии» Птолемея содержатся сведения о германских племенах в предполагаемой зоне обитания северных фризов.

Вполне возможно, что античные авторы не упоминали фризов полуострова Ютландия по определенной причине: северные фризы могли быть «скрыты» под этнонимом другого народа (их отождествляли то с хавками, то с саксами). Один из видных современных датских ученых П. Йоргенсен приходит к заключению: скудость данных древних письменных источников не позволяет сделать вывод о том, что фризы в античное время еще не освоили побережье Шлезвиг⁴⁹.

Вопрос о заселении фризами Северной Фрисландии получил более полное отражение в средневековых источниках. Определенную информацию о фризской территории мы находим в одном из наиболее ранних законов фризов — Фризской правде (Lex Frisionum), составленной в VIII в. и окончательно зафиксированной на Ахенском съезде 802 г. Фризская правда имела силу на всем пространстве Великой Фрисландии. В ней отражены история обычного права фризов, разнообразные стороны их жизни и быта. Наряду с этим Фризская правда упоминает о фризах между р. Везер и заливом Лауверсзе. Она фиксирует их расселение в трех областях:

- а) западной (от современной границы между Западной Фландрией и Зеландией до залива Эйсселмер);
- б) центральной (от залива Эйсселмер до залива Лауверсзе);
- в) восточной (от залива Лауверсзе до р. Везер).

Таким образом, Северная Фрисландия не входила в состав Великой Фрисландии; она не выделена в отдельную область, населенную фризами, что дает основание для двух взаимоисключающих предположений: или северные фризы уже отделились и заняли побережье Шлезвига (как считают исследователи, относящие их переселение к периоду до IX в., в частности Г. М. Чэдвик); или переселение еще только должно будет произойти, а пока «будущие» северные фризы слиты с другими группами фризов (эта точка зрения также имеет сторонников).

Адам Бременский, северогерманский хронист второй половины XI в., ничего не сообщает о фризах в указанной области. Комментируя этот факт, исследователи XIX в. разошлись во мнении: одни из них (А. Д. Йоргенсен, В. Лангханз) считали, что он попросту ничего не знал об этом народе, другие (П. Лауридсен) пришли к выводу, что фризы действительно не заселили еще данную территорию.

Одно из первых сообщений о фризах — жителях западного побережья Шлезвига — принадлежит крупнейшему датскому историку-хронисту Саксону Грамматику (1150—1216 гг.). В «Истории Дании» он называет страну северных фризов «Frisia minor» в отличие от «Frisia maior», где жили западные и восточные фризы. Саксон Грамматик явился, по существу, создателем теории переселения северных фризов.

Издавна вызывает ожесточенные научные споры проблема «страны Фосите», непосредственно связанная с Северной Фрисландией. И опять-таки поводом служит замечание Адама Бременского со ссылкой на более ранний источник, что остров Гельголанд назывался «Fosetisland» — «страной Фосите». Немецкий ученый А. Зах, комментируя это сообщение, пришел к выводу, что под таинственной «страной Фосите» нужно понимать остров Амеланд (группа Западно-Фризских островов) или даже Фарерские острова. Несколько позже его соотечественник Т. Зибс предположил, что это остров Тессел (видимо, совр. Тексел) или остров Кинхем; Х. Е. Хофф в 1910 г. опять возвращается к точке зрения Адама Бременского. Того же мнения придерживался К. Мюлленгофф, писавший в начале XX в., «что страна, где поклонялись богу Фосите, — это остров Гельголанд». Многие современные исследователи, в том числе и Р. Хенниг, склонны полагать, что «страна Фосите» находилась в материковой части Северной Фрисландии, на том самом месте, где сейчас расположено селение Борделум, а в раннем средневековье стоял, видимо, языческий храм фризов, посвященный их богу Фосите. П. Йоргенсен вслед за Адамом Бременским отождествляет именно остров Гельголанд со «страной Фосите»⁵⁰.

Особое место в разработке проблемы заселения фризами совре-

менной Северной Фрисландии отводится двум сюжетам: первый — область, из которой происходило переселение; второй — время переселения. В связи с этим П. Йоргенсен пишет, что разбор и изучение средневековых исторических источников привели его к следующим, возможно, предварительным выводам: условия для миграции фризов в Шлезвиг были наиболее благоприятными в последние столетия I тысячелетия н. э., скорее всего в IX в.

Хронисты и историки нового времени также внесли свою лепту в решение северофризского вопроса. Значителен вклад фризского ученого У. Эммиуса (1547—1625 гг.), который, как впрочем и некоторые его современники, считал, что фризы издавна занимали всю береговую полосу Северного моря от провинции Голландия до Шлезвига; лишь в дальнейшем под напором саксов они частично лишились своей исконной территории. Следовательно, делает вывод Эммиус, нет оснований утверждать вслед за Саксоном Грамматиком, что фризы переселились на эти земли. Так появилась теория автохтонности северных фризов на западном побережье Шлезвига⁵¹.

С конца XVI в. в дискуссию вступили первые северофризские хронисты. Стремясь решить «загадку» северных фризов, они предлагали различные варианты названных теорий. Например, Matthias Boetius (1585—1625 гг.) — сторонник миграции фризов, дает несколько отличное обоснование их присутствия в Северной Фрисландии: северные фризы, по его мнению, — западнофризская колония; впервые они появились в этих местах гораздо раньше (по нашим предположениям, это могло быть лишь до 120 г. до н. э. — начала миграции германского племени кимбров, обитавших в Северной Ютландии), затем были изгнаны кимбрами (которые, продвигаясь на юг, могли столкнуться с фризами и вытеснить их с побережья Шлезвига) и только позднее, во время Великого переселения народов, вернулись и осели здесь окончательно.

Историк XVIII в. И. Лангебек, используя средневековые источники, упоминает сообщение от 857 г., согласно которому вождь норманнов Рорик получил от датского короля область между морем и р. Айдер. Отсюда он делает вывод, что фризы именно тогда, т. е. в IX в., впервые пришли на острова и на западный берег Шлезвига; и именно с тех пор заселенная фризскими колонистами область получила название «Малая Фрисландия» («Frisia minor»). Однако Лангебек допускает, что еще раньше, во время многочисленных походов во Фрисландию даны (датчане) привозили с собой фризов в качестве военной добычи.

Действительно, с конца VIII в. норманны предпринимали набеги на государство франков, следовательно, и на фризские земли; хроники зафиксировали вторжение норманнов в Восточную Фрисландию и битву 880 г. при Нордене. Поэтому в рассуждениях И. Лангебека есть, на наш взгляд, рациональное зерно: экспансия норманнов могла послужить катализатором миграционного движения из Восточной Фрисландии на Северо-Фризские острова

(если расселение шло по морю). Второй вывод Лангебека более уязвим: еще в VI в. даны совершали набеги на фризские поселения⁵². В IX в. даны смогли обосноваться в устьях рек Везер и Шельда, а также в ряде областей страны фризов и создать там свои княжества, правда, недолговременные. Современные исследователи не находят на этих территориях каких-либо ощутимых следов в языке и топонимах, связанных с датским присутствием. Видимо, и фризы-пленники, которые попадали в страну данов, не могли в корне изменить этнический состав той части Ютландского полуострова, которая в дальнейшем станет Северной Фрисландией.

В 1793 г. появилась публикация Е. К. Крузе о фризах на побережье Шлезвига, в которой, излагая различные теории, он следует отчасти за Лангебеком. Автор считает, что была одна волна переселения; он относит это событие ко времени Рорика, основываясь на факте передачи ему данной области. Далее Крузе исходит из того, что Карл Великий покорил южных фризов⁵³ приблизительно около 770 г., следовательно, их переселение могло произойти именно во второй половине VIII в. и явилось в какой-то мере последствием завоеваний франкского короля.

Противником миграционной теории выступил пастор Н. Утцен, который воспринял и развил некоторые положения Boetius'a. Северные фризы, по его мнению, представляют собой колонию западных; самоназвание «фризы» колонисты распространили на автохтонное население — германские племена хавков. Таким образом, на новом месте появился довольно большой массив фризского населения.

Приверженцем автохтонной теории был и А. Л. И. Михельзен, подвергший обстоятельному анализу (1828 г.) существовавшие точки зрения. Не придавая особого значения сведениям Саксона Грамматика, а исходя из факта участия фризов в нашествии германских племен в V в. н. э. на Британские острова, он приходит к выводу об их автохтонности.

Изыскания в области германистики немецкого этнографа К. Цейса дали новое направление исследованиям о происхождении северных фризов. Он выступил против теории миграции, утверждая, что навряд ли западные фризы могли избрать своей новой родиной болотистую местность на Шлезвигском берегу. В трех островах, заселенных, по мнению Птолемея, саксами, Цейс склонен был видеть Северо-Фризские острова Зильт, Фёр и Нордштрланд. Следовательно, делает он вывод, какая-то часть заэльбских саксов, теснимая другими племенами, могла принять самоназвание соседей — фризов, т. е. «переселился» этноним, но не сам народ⁵⁴.

Эта идея Цейса была подхвачена рядом исследователей, в том числе К. Мюлленгоффом, который отождествлял северных фризов с племенами древних авионов, занимавших острова в Северном море и часть побережья.

Вторя К. Цейсу, Я. Гримм писал: «В восточных и северных фризах я усматриваю потомков древних хавков»; по его мнению,

лишь западные фризцы могут претендовать на происхождение от древних фризов. Ученый утверждал, что такое могущественное племя, как хавки, не могло быть уничтоженным фризами; таким образом, не они расселились на землях северных хавков, а этноним «фризы» был «перенесен» именно туда (но не на саксов), вводя в заблуждение исследователей⁵⁵.

Классический труд К. Мюлленгоффа положил начало серии исследований по истории ранних германцев. Но, как считает известный советский археолог А. Л. Монгайт, «труд Мюлленгоффа, как и Цейса, основан еще на наивной вере в абсолютную истину письменных источников и почти не содержит их критики. Хотя в конце XIX в. возникла история ранних германцев, основанная на уже критически очищенных источниках, наука была еще бессильна в решении этнических проблем»⁵⁶.

Однако раздавались и критические голоса в адрес теории К. Цейса. Например, М. Ригер находил малоубедительным довод Цейса, что болотистые почвы Шлезвига могли стать препятствием для расселения на них западных фризов. За первоначальных обитателей этих мест он принимает авионов (племя саксов), которые переместились затем на Британские острова, а на их земли пришли фризы⁵⁷.

Через 40 лет после выхода в свет работы Цейса появилась монография В. Лангханза, в которой автор, анализируя имеющиеся материалы, выдвигает вновь на передний план теорию переселения. Ученый подчеркивает, что сообщения римлян эпохи Цезаря о полуострове, на западном побережье которого живут северные фризы, очень скудны. Лишь после похода Друза в 12 г. до н. э., достигшего границ хавков западнее р. Эмс, римляне, как пишет Лангханз, «научились распознавать (отличать) фризов».

Соглашаясь с Мюлленгоффом и Ригером, он видит в авионах древнейшее население западного Шлезвига, но уже со второй половины IX в. можно твердо говорить о присутствии там фризов, появившихся вследствие переселения. Ученый отвергает идею Мюлленгоффа о заимствовании авионами самоназвания западных фризов. Таким образом, по мнению Лангханза, заселение Северной Фрисландии фризами происходило в основном путем постепенного их переселения туда; но какая-то часть фризского населения была доставлена в Шлезвиг норманном Рориком. В. Лангханз, по замечанию П. Йоргенсена, был последним в ряду исследователей, которые стремились решить проблему происхождения северных фризов лишь на базе исторических источников⁵⁸.

С 80-х годов прошлого столетия началось усиленное изучение фризских диалектов, что дало новый интересный материал в руки лингвистов. Одним из первых ученых, применивших лингвистический подход в этом вопросе, был Г. Мёллер. Он считал, что все так называемые северные фризы первоначально подразделялись на два народа: один — это действительно фризы, другой — нефризы. Первые были жителями береговой полосы Шлезвига и маршевых (т. е. более низменных) островов, вторые населяли

гёстовые (возвышенные) острова: Зильт, Фёр, Амрум и Гельго-ланд. Мёллер произвел подобное деление, руководствуясь данными языкознания: критерием служил этноним «фриз». Лишь материковые фризы называют себя этим именем, значит, они и есть переселившиеся на новые места южные фризы. Островные диалекты гораздо ближе к английскому языку, чем все, «действительно», фризские диалекты; следовательно, жители островов — нефризы. Мёллер считает их в основном хавками, частично — амбронами⁵⁹.

Преемником Мёллера стал О. Бремер. Он также разделил жителей Северной Фрисландии на фризов и нефризское население; критерий оставался тот же: этноним «фриз» плюс особенности языка на материке и островах. Но в отличие от Мёллера нефризский этнос Бремер отождествлял с древними саксами⁶⁰.

В последней четверти прошлого столетия появились труды лингвиста Т. Зибса. Наиболее значительными среди них можно считать несколько работ, вышедших в разное время (с 1889 по 1938 г.), но объединенных одной темой, — проблема северных фризов. Зибс был сторонником миграции фризов, которая совершилась, видимо, в IX в. Он полагал, что язык современных северных фризов достаточно ясно указывает на область, откуда они переселились в Шлезвиг: это пространство между реками Лауверс и Эльба (возможно, между Лауверсом и Везером). Языковое родство, которое находит Зибс между материковыми северными фризами и фризами современной Восточной Фрисландии (точнее — бассейна р. Эмс), дает ему основание реконструировать гипотетическую прародину северных фризов именно в этой части Восточной Фрисландии⁶¹.

В конце XIX в. к проблеме происхождения северных фризов вновь возвращаются историки, привлекая, правда, лингвистический материал, и в особенности данные топонимики. Именно в таком ключе были написаны работы П. Лауридсена. Он высказывался за более скромные масштабы распространения фризов в Шлезвиге. Исследуя топонимы, он пришел к выводу, что названия самых больших и самых древних населенных пунктов на гестах Северной Фрисландии имеют датское происхождение; но есть и другая группа, в основном на маршах, с преимущественным окончанием топонимов на -büll (ср.: населенные пункты Нибюль, Эммельсбюль в северо-западном районе Южного Шлезвига), которую Лауридсен относит к фризским поселениям. Исследователь считал первоначальным на гестах датское население, фризы продвинулись туда позже (видимо, после христианизации). Ученый пришел к выводу, что фризы появились на побережье Шлезвига только во второй половине XI в.

Такой комплексный подход к решению этого сложного вопроса нашел признание у других исследователей, в частности у А. Д. Йоргенсена. Однако он не согласен с датировкой; по его мнению, фризы не могли оказаться в Шлезвиге так поздно (около 1100 г.). А. Д. Йоргенсен склонен отнести фризскую колонизацию к более раннему периоду: до появления Рорика⁶².

Этнографическое изучение Шлезвига было предпринято А. Захом. Результаты этой работы изложены и обобщены им в трехтомной монографии, где автор подчеркивает, что название «Герцогство Шлезвиг» утвердилось в официальных документах лишь с 1275 г., придя на смену старому названию «Герцогство Южная Ютландия». Далее он пишет: «Мы говорим „Северная Фрисландия“ и называем жителей старой „Ютландии“ северными фризами, хотя они все же не образуют единого народа, который с древности назывался бы этим именем в своей совокупности. Юты, фризы и саксы натыкались друг на друга на шлезвигской земле»⁶³. Вслед за О. Бремером он относит население гестовых островов к одному из германских племен, которое уже задолго до Великого переселения народов оказалось в этом районе; таким образом, острова Зильт, Фёр, Амрум и Гельголанд, по его твердому убеждению, можно принять за сакские острова Птолемея. Исследователь не сомневается, что, по крайней мере, часть тех племен, которые связывают с этнонимом «фризы», не является древним населением Северной Фрисландии, а переселилась с южного побережья Северного моря и не ранее чем в середине IX в.

К началу XX в. лингвисты, занимавшиеся Северной Фрисландией, пришли, имея на вооружении в основном две теории: одну — Г. Мёллера—О. Бремера, другую — Т. Зибса. Причем каждый из названных исследователей, продолжая работу по проблеме происхождения северных фризов, пересмотрел в какой-то мере или развил свои прежние взгляды. Например, Г. Мёллер по-прежнему склонен был видеть в материковых фризах переселившихся южных фризов, но в отношении гестовых островов его мнение меняется: их заселение он связывает теперь с ранней колонизацией по Северному морю, которая последовала, видимо, за уходом оттуда кимвров. О. Бремер отказывается признать надежность исторических свидетельств для подтверждения своих прежних выводов: деление северных фризов на две группы и переселение их из Западной Фрисландии; с некоторыми оговорками он допускает такую возможность лишь для материковых фризов. По мнению ученого, фризы — ингвеонское племя (т. е. северо-западногерманское), наиболее продвинувшееся на запад с востока (морем или сушей). Он считает, что в древности изначальными районами обитания фризов могли быть марши между Зейдер-Зе и р. Эмс. Подтверждение своей гипотезе он ищет в близости языка материковых жителей Северной Фрисландии с западно- и восточнофризским языком. Поэтому, пишет Бремер, нельзя сомневаться в происхождении этой группы северных фризов. Однако исследователь предлагает и другой вариант, который казался ему (1900 г.) более обоснованным — миграция могла совершаться в обратном направлении: из северофризских маршевых областей.

И наконец, Т. Зибс, занимаясь дальнейшим изучением фризского языка, отметил особенно близкое родство двух диалектов: островного северофризского с одним из восточнофризских. Он предположил, что Северо-Фризские острова были заселены, ви-

димо, довольно рано, а вся Северофризская область — между VI и XII вв. (хотя склоняется он все-таки не к самому раннему периоду). Исследователь идет по такому пути: если язык северных фризов очень близок к английскому, то объяснить это явление можно лишь древним родством, а отнюдь не более поздними связями с Англией. Именно до переселения англов и саксов на Британские острова их языки мало чем отличались от языка соседних фризов. Заселение Северной Фрисландии шло из района между реками Везер и Эмс; ученый остается верен своей гипотезе о выходе материковых северных фризизмов из бассейна Эмса. В конце 80-х годов прошлого столетия Зибс наметил четкие границы северофризской языковой области и пришел к выводу, что она значительно уменьшилась в результате ассимиляции ниже- и верхненемецкими диалектами и датским языком. Он выделил 7 основных диалектов на материке и 5 на островах. Так же, как П. Лауридсен и А. Д. Йоргенсен, Т. Зибс считал датское население изначальным на территории, только впоследствии ставшей фризской⁶⁴.

Многие исследователи этого же периода, пытавшиеся разобратся в данной проблеме, оказывались в плену той или иной теории, не внося от себя ничего принципиально нового. Некоторые из них помещали фризизмов где-то между Северным и Балтийским морем, принимая за германское племя свебов, основная масса которого покинула северные районы своей родины еще до нашей эры; северные фризизмы рассматривались как небольшая часть этого народа, сохранившаяся до наших дней.

В 1907 г. вышла в свет работа англичанина Г. М. Чэдвика, в которой существенное место отводилось проблеме происхождения северных фризизмов. Чэдвик — сторонник переселения; исторические данные, по его убеждению, свидетельствуют в пользу довольно раннего появления фризизмов в Северной Фрисландии, а именно — во второй половине VIII в. Он пишет, что воспоминания о пребывании фризизмов на побережье Северного моря сохранила датская средневековая литература, ссылаясь при этом на сообщение Саксона Грамматика об изгнании фризизмов из Ютландии датским королем Хелго. По мнению Чэдвика, именно завоевание франками Южной Фрисландии (см. выше) побудило фризизмов переселиться на новые места. В этом английский исследователь неоригинален, если вспомнить аналогичные предположения Крузе в конце XVIII в. Кроме того, присоединившись в главном к теории Г. Мёллера — О. Бремера, он принимает население гестовых островов за древних саксов⁶⁵.

Обширным историографическим материалом насыщена трехтомная история Шлезвиг-Гольштейна Г. Е. Хоффа (1910 г., новое издание — 1925 г.). В томе I автор концентрирует внимание на интересующей нас проблеме. Подвергнув критическому анализу труды своих предшественников, особенно XIX в. (А. Заха и др.), он приходит к выводам, не претендующим на новизну и оригинальность, но прозвучавшим вполне убедительно. Короче говоря, Г. Е. Хофф разделяет мнение тех сторонников переселения,

которые связывают его с Западной Фрисландией и относят к IX в. Хофф пишет, что «население Северной Фрисландии не принадлежало к единому племени (народу); на гестовых островах сохранились еще, видимо, остатки древнего населения, когда туда попали фризы, освоившие первоначально полуостров Айдерштедт и южные маршевые острова»⁶⁶.

В первой четверти XX в. среди исследователей сохранялась ставшая традиционной приверженность двум ведущим теоретическим направлениям: Г. Мёллера—О. Бремера и Т. Зибса.

Заметный след в разработке северофризской проблемы оставила опубликованная в 1929 г. коллективная работа «Северная Фрисландия». Статьи Л. Петерса и А. Тоде вызвали наибольший интерес; каждый из них подошел к решению поставленной задачи, отдав предпочтение тем или иным источникам: Петерс опирался в основном на исторический и лингвистический материал, Тоде — на археологический. Первый автор дополнил теорию Мёллера более поздними выводами Бремера и пришел к следующим результатам: древними жителями гестовых островов и западных районов Шлезвинга были племена амбронов. В дальнейшем какая-то их часть покинула родину и устремилась на земли теперешней Западной Фрисландии, где на них распространился этноним «фризы». Затем эти фризы, предполагает Петерс, в IX в. начали возвращаться на свою прародину; таким образом, произошло вторичное переселение.

Второй исследователь, А. Тоде попытался на основе археологических находок в Северной Фрисландии реконструировать заселение страны. Он выделил несколько периодов:

- а) уход амбронов — ранний железный век;
- б) освоение этих мест племенами ютов, пришедших с севера или с северо-востока,— ранний период правления римских императоров;
- в) переселение в Англию;
- г) миграция фризов из южных областей Фрисландии, прежде всего на гестовые острова,— эпоха Каролингов.

Следовательно, переселение фризов в Северную Фрисландию произошло, по мнению Тоде, также в IX в.⁶⁷

Основные положения концепции Г. Мёллера—О. Бремера встретили в 30-е годы явное одобрение у ряда исследователей. Один из них, К. Борхлинг, предполагает, что прародина фризов вполне могла находиться в Шлезвиге; мысль о вторичном переселении фризов в Северную Фрисландию также встречает у него сочувствие. Правда, в дальнейшем Борхлинг частично пересматривает свои взгляды в связи с новыми археологическими открытиями на нидерландских терпенах, которые обнаруживают южнофризскую культуру более древнюю, чем на Северо-Фризских гестовых островах. Поэтому ученый вынужден отказаться от идеи, что прародиной фризов была Северная Фрисландия. Борхлинг связывает ее заселение с освоением фризскими купцами северных торговых путей. Исследователь приходит к выводу, что расселение

в этом регионе южных фризов могло произойти не позднее чем в VIII в. Точкой отсчета служит для него 785 г., когда Карл Великий завоевал Восточную Фрисландию и ввел там христианство. Поскольку фризы, переселившиеся в Шлезвиг, были еще язычниками, то, заключает Борхлинг, их миграция в Северную Фрисландию совершалась до 785 г.

В связи с этой концепцией К. Борхлинга обратимся вновь к книге В. Лангханза, где автор убедительно показал (как нам кажется), что христианство у северных фризов оставалось вплоть до Реформации только чем-то внешним «и было действительно лишь днем; ночью, на море во время шторма и в несчастье господствовал Водан *». П. Йоргенсен, полемизируя с Борхлингом, справедливо замечает, что официальное введение христианства ни в коей мере не означало в тот период его повсеместного и глубокого проникновения в массы языческого фризского населения. Следовательно, фризы-язычники могли оказаться в Северной Фрисландии и гораздо позже 785 г.

Иная концепция была разработана В. Ля Куром. В проблеме происхождения северных фризов он отводит значительное место этнической истории Шлезвига, выдвигая на первый план данные археологии и языкознания. Ля Кур отвергает гипотезу автохтонности племен амбронов и высказывается против теории «прародины» фризов. С другой стороны, он считает древними жителями гестовых островов какие-то нефризские племена, которые смешались затем с пришедшими из южных районов Фрисландии фризскими и растворились в пришельцах. Изучив северофризские топонимы, Ля Кур предположил, что заселение фризскими гестовых островов и побережья Шлезвига происходило почти одновременно, а именно в X и XI в. Таким образом, выводы Ля Кура совпадают до некоторой степени с положениями теории Зибса.

Идея переселения всех северных фризских племен в относительно поздний период находит в это время приверженцев среди ряда ученых. Однако были и такие, кто видел в островитянах и жителях континента представителей двух различных по происхождению народов. Разница лишь в том, что одни исследователи принимали население островов за пришедших позднее древних фризских племен, а другие — за саксов, упоминавшихся в «Географии» Птолемея.

Определенный этап в разработке этнической истории Шлезвига представляют в 40—50-е годы работы П. Йоргенсена. Для ученого характерен комплексный подход к решению северофризской проблемы. В отличие от многих своих предшественников он широко использует достижения самых различных дисциплин: археологии и истории, этнографии и антропологии, исторической географии и языкознания. Монография П. Йоргенсена «Über die Herkunft der Nordfriesen» — серьезное исследование, в котором автор тщательно подбирает и сопоставляет все имеющиеся в его распоря-

* Верховное божество в древнегерманской мифологии — бог ветра и бурь.

жении античные и средневековые источники, анализирует огромный фактический материал по отдельным частным вопросам. Все это позволило ему наиболее полно осветить тему, и, как нам кажется, выводы П. Йоргенсена прозвучали весьма убедительно.

Исследователь выделяет 3 племени среди германских племен, живших в первые века нашей эры на побережье Северного моря от устья Рейна на юго-западе до Кимврского полуострова на севере: фризов, хавков и саксов; они образовывали определенное языковое единство (западногерманское или, как его называли позднее, северо-западногерманское, т. е. ингвеонское). На северном конце языковой области находилась, по мнению Йоргенсена, Северная Фрисландия, выглядевшая в ту эпоху совершенно иначе, чем в наши дни: освоены были лишь гестовые острова (Зильт, Фёр, Амрум), некоторые возвышенные участки суши в Айдерштедте и в устье р. Айдер; большая часть широких маршей современной Северной Фрисландии или еще не существовала или не была заселена. Но со второй половины I тысячелетия н. э. началась интенсивная колонизация равнин западного побережья Шлезвига. Основная масса колонистов направлялась из Южной Фрисландии, и первые их поселения возникли в Айдерштедте.

Начало массового переселения фризов в будущую Северную Фрисландию П. Йоргенсен относит именно ко второй половине IX в. Он считает, что миграция фризов могла происходить в этот наиболее благоприятный период, когда контакты между Фрисландией (имеется в виду нидерландская Фрисландия) и Данией были особенно тесными, т. е. в годы датского господства (826—885 гг.). Хотя, несомненно, и раньше, на протяжении нескольких столетий фризскими купцами велась оживленная торговля со Шлезвигом в устье р. Айдер, и вслед за торговцами туда устремлялись фризские крестьяне. Этнолингвистическая карта Шлезвига конца I тысячелетия н. э. представлялась исследователю следующей: на западе, занимая острова, марши побережья и область Айдерштедта (за исключением отдельных датских и саксонских поселений), жили северные фризы, на востоке и в центре — даны. На юге граница между ними проходила примерно по линии: устье р. Айдер на юго-западе—залив Эккернфёрдер-Бухт на северо-востоке.

Итак, П. Йоргенсен пришел к двум важным выводам:

- 1) прародина северных фризов — это Южная Фрисландия;
- 2) временная граница переселения — середина IX в.⁶⁸

Литература 50—70-х годов, посвященная северным фризам, вновь и вновь возвращается к проблеме их происхождения, отдавая должное классическим трудам. Г. Филипп и А. Кампахузен (1958 г.) солидарны с теорией О. Бремера о вторичном переселении и считают северных фризов обратными переселенцами из области между Зейдер-Зе и бухтой Ядебузен в Восточной Фрисландии, где они оказались, покинув в свою очередь под натиском амбронов остров Амрум и марши Шлезвига.

К. Керстен и П. Ля Бом в монографическом исследовании

по древней истории Северо-Фризских островов, ссылаясь на Саксона Грамматика, дают этническую характеристику населения западного побережья Шлезвига и приходят к выводу, что в XII в. там находились фризы. По их мнению, археологические находки на островах Амрум и Фёр позволяют говорить о смешении пришедших сюда с юго-запада фризов с северными переселенцами⁶⁹.

В работах 1960-х годов, вышедших в ФРГ, на богатом историческом материале прослеживаются судьбы Восточной и Северной Фрисландии с древности и до нашего времени, предлагается определенная схема заселения и этнического развития Северной Фрисландии; при этом подвергается сомнению историческая правдивость сообщений Плиния и Тацита о фризах на побережье Северного моря. В римскую эпоху, как отмечают исследователи, основной областью расселения фризов были земли между озером Флево и р. Лауверс в пределах современных Нидерландов (т. е. явно суживается фризская территория римского периода). Во второй половине VII в. носители этнонима «фризы» занимали уже гораздо больший район, восточная граница которого проходила по р. Везер. В продолжительной борьбе с франками фризские племена были оттеснены на север, христианизированы. В это время фризы выступают на европейской арене в качестве искусных мореплавателей и торговцев. Именно развитие торговли и мореплавания приводит, по мнению авторов, к основанию в VIII в. фризских колоний на Северо-Фризских островах. Затем осваиваются гесты побережья Шлезвига, а уже из них примерно с XI в. начинается планомерное заселение (с осушением болот) остальной части Северной Фрисландии. Колонизация шла в глубь страны, охватывая постепенно всю область между реками Айдер и Видо.

В заключение хочется остановиться на взглядах А. Биванка и С. Сальви, которые специально не занимались разработкой проблемы северных фризов, но достаточно четко высказались по этому поводу, тем более, что они представляют противоположные точки зрения: А. Биванк — сторонник вторичного переселения фризов в Северную Фрисландию, сторонник их автохтонности в Шлезвиг-Гольштейне; С. Сальви присоединяется к концепции, согласно которой северные фризы — это мигранты из Восточной Фрисландии; колонизация шла по Северному морю, первая ее волна охватила остров Гельголанд и часть Кимврского полуострова от р. Айдер до р. Видо; время колонизации по Сальви — VIII—IX вв., т. е. включение Восточной Фрисландии в империю Карла Великого; в X в. фризы уже соседствуют в Шлезвиге с саксами и данами⁷⁰.

Сопоставляя и анализируя имеющиеся в нашем распоряжении материалы, попытаемся хотя бы схематично изобразить процесс заселения Северной Фрисландии фризскими племенами. Наши выводы строятся на предположении, что северные фризы появились там путем миграций и не могут быть автохтонными (рис. 7):

1. Область первоначального расселения фризов — район между оз. Флево и р. Лауверс в Нидерландах.

Рис. 7.
Северная Фрисландия (XX в.)

2. В VII в. они дошли до Везера на востоке, завершив образование Восточной Фрисландии.

3. Дальнейшая колонизация идет из Восточной Фрисландии по морю.

4. Заселение будущей Северной Фрисландии проходило поэтапно, несколькими волнами (с VII по XII в.).

5. Первая значительная волна переселенцев охватила Северо-Фризские острова и часть побережья (гестовые районы) в VIII—начале IX в.; катализатором процесса миграции послужило разрушение Великой Фрисландии, включение ее территории в состав Франкской империи и, по-видимому, христианизация фризов. Именно государство франков в эпоху средневековья сыграло этноразделительную роль в судьбах фризского этноса, подтолкнув к отделению северных фризот от восточных.

6. Вторая волна спустя 2—3 столетия (примерно с XI в.) затронула уже болотистые местности Северной Фрисландии; началось их осушение и расселение фризот по всему пространству между реками Айдер и Видо в глубь страны.

7. Фризское население на гестах смешивалось с жителями полуострова Ютландия (в том числе с данами, саксами).

Было ли переселение фризот вторичным или же они впервые освоили Северную Фрисландию? Сторонники вторичного заселения (довольно многочисленные) считают прародиной северных фризот Ютландию, откуда часть их морским путем попала в Нидерланды и заняла пространство между оз. Флево и р. Лауверс, т. е. именно ту область, которую противники этой гипотезы принимают за первоначальное место обитания фризот. В обоих вариантах последующая этническая история северных фризот до обретения ими своей родины укладывается в приведенную выше схему.

Последнее слово об их происхождении еще не сказано. Науке предстоит решить эту интересную проблему.

¹ *Jørgensen P.* Über die Herkunft der Nordfriesen. København, 1946. S. 6—7; *Heraud G.* Die Völker als die Träger Europas // *Ethnos*. Wien; Stuttgart, 1967. Bd. 4. S. 88; *Handbuch der europäischen Volksgruppen // Ethnos*. Wien; Stuttgart, 1970. Bd. 8. S. 288; *Philipp H., Kamphausen A.* Nordfriesland. Landschaft und Bauten von der Eider bis zur Wiedau. Heide in Holstein, 1958. S. 7; *Grote Winkler Prins*. Amsterdam; Brussel, 1972. D. 14. Blz. 271.

² *Jørgensen P.* Zum Schleswiger Niederdeutsch. Kritik und Forschung. København, 1954. S. 3.

³ *Byvanck A. W.* Nederland in den romeinschen tijd. Leiden, 1945. D. 1. Blz. 29—31; *Karsten T. E.* Die Germanen. Berlin, Leipzig, 1928. S. 140; *Boeles P. C. J. A.* Friesland tot de elfde eeuw. Zijn vóór- en vroegeschiedenis. 's-Gravenhage, 1951. Blz. 81, 111.

⁴ Несмотря на то, что уже Цезарь совершал зарейские походы и римские легионы в первые века н. э. были расквартированы далеко за Рейном, несмотря на то, что варвары также неоднократно переходили на левый берег реки, создавая там впоследствии свои поселения, еще в первой половине V в. Рейн продолжал рассматриваться как укрепленная граница (limes) Империи.

⁵ *Dessau H.* Geschichte der römischen Kaiserzeit. Berlin, 1924. Bd. 1. S. 407; *Byvanck A. W.* Nederland. . . D. 1. Blz. 159, 160, 210.

⁶ *Byvanck A. W.* Nederland. . . Dl. 1. Blz. 160.

- ⁷ *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 76, 81; *Ostfriesland* / Hrsg. von Dr. G. Möhlmann. Essen, 1961. S. 75; *Handbuch der europäischen Regionalbewegungen* / Hrsg. von I. Blaschke. Frankfurt a/M., 1980. S. 118, 119; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 1 Blz. 164; *Mussett L. Les invasions: les vagues germaniques // L'Histoire et ses problèmes*. Paris, 1965. N 12. P. 150. (Nouvelle Clio).
- ⁸ *Тацит Корнелий*. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1. Ан. IV, 72; Г. 34; Тацит имеет в виду оз. Флево (lacus Flevus) и другие озера, из которых в 1287 г. вследствие опускания суши образовался залив Зейдер-Зе, ныне залив Эйсселмер.
- ⁹ *Тацит Корнелий*. Т. 1. Ан. I, 38, 60; Ан. II, 17, 24; Ан. IV, 72; Ан. XI, 18, 19; Ан. XIII, 55; Г., 35. Т. 2. II. IV, 79; II. V, 19; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 1. Blz. 201, 206, 209, 210, 212, 213; *Ostfriesland*. . . S. 51, 75; *Karsten T. E. Die Germanen*. S. 232; *Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania*. Leipzig; Berlin, 1923. S. 299, 306; *Siebs Th. Zur Geschichte der englisch-friesischen Sprache*. Halle a/Sale, 1889. S. 7, 8; *Kossinna G. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit*. Leipzig, 1928. S. 7, 12; *Salvi S. Le nazioni proibite*. Firenze, 1973. P. 371, 372.
- ¹⁰ *Тацит Корнелий*. Т. 1. Ан. IV, 72.
- ¹¹ *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 110—112; *Dessau H. Geschichte*. . . S. 407, 418; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. I. Blz. 92, 97, 107, 181, 206, 207; *Norden E. Die germanische Urgeschichte*. . . S. 284.
- ¹² *Тацит Корнелий*. Т. 1. Ан. I, 60; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 1. Blz. 102, 103, 105, 107, 207; *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 112—114; *Norden E. Die germanische Urgeschichte*. . . S. 301, 302.
- ¹³ *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 1. Blz. 126, 139, 140, 194, 208, 287.
- ¹⁴ *Тацит Корнелий*. Т. 1. Ан. IV, 72.
- ¹⁵ Там же; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 1. Blz. 140—142, 208; D. 2. Blz. 526; *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 118.
- ¹⁶ *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Bez. 118, 119; *Тацит Корнелий*. Т. 1. Ан. IV, 74; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 1. Blz. 142; *Norden E. Die germanische Urgeschichte*. . . S. 284.
- ¹⁷ *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 120, 121; *Тацит Корнелий*. Т. 1. Г., 34.
- ¹⁸ *Тацит Корнелий*. Т. 1. Ан. XI, 19; *Norden E. Die germanische Urgeschichte*. . . S. 295, 298.
- ¹⁹ *Тацит Корнелий*. Т. 1. Ан. XIII, 54.
- ²⁰ Там же; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 1. Blz. 148, 154, 155, 194, 195, 208; D. 2. Blz. 526, 705; *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 112, 121, 122; *Norden E. Die germanische Urgeschichte*. . . S. 303, 385; *Delbanco W. Die Quellen der «Cronica der Fresen» des Eggerik Beninga*. Aurich, 1975. S. 45.
- ²¹ *Тацит Корнелий*. Т. 2. II., IV, 12, 13, 15, 16, 18; *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 123, 124; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 1. Blz. 208; D. 2. Blz. 706; *Norden E. Die germanische Urgeschichte*. . . S. 301.
- ²² *Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. М., 1974. С. 332; *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 69, 71, 76, 97; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 2. Blz. 395, 454.
- ²³ Глиноземы Нидерландов и ФРГ — это не только вид почв, это определенный тип культуры, имеющий историческую и этническую окраску (как и упоминающиеся далее торфяники, марши и гёсты).
- ²⁴ *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 2. Blz. 448—450; *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 69, 88; *История крестьянства в Европе (Эпоха феодализма)*. М., 1985. Т. 1. С. 98—100; *Монгайт А. Л. Археология*. . . С. 332.
- ²⁵ *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 71, 89, 96, 97. (Fig. 23), 120, 152, 559, 565, 567, 568, 570, 571; Bijl. III; Pl. XII, XIII; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 1. Blz. 287; D. 2. Blz. 524.
- ²⁶ *Монгайт А. Л. Археология*. . . С. 228, 229.
- ²⁷ Ibid. С. 231, 331.
- ²⁸ Ibid. С. 337; *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 2. Blz. 525, 526; *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 91, 560, 566, 568, 570, 575—577, Fig. 19: 506, 20: 919. 1601, 1445, 86; Bijl. IV, V; Pl. XXII, XXIV, XXV.
- ²⁹ *Boeles P. C. J. A. Friesland*. . . Blz. 567, 569, Fig. 22: 101; Bijl. VII; Pl. XXXVI, XXXVII.
- ³⁰ *Byvanck A. W. Nederland*. . . D. 1. Blz. 194; D. 2. Blz. 453, 527, 529, 548.
- ³¹ Ibid. D. 1. Blz. 194, 209; D. 2. Blz. 451, 455, 462, 526—530, 550, Fig. 31; Afb. 100;

- Boeles P. C. J. A. Friesland. . . Blz. 108, Fig. 26; Pl. XV, 11—13; История в источниках. Социальная история средневековья. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 70.*
- ³² *Norden E. Die germanische Urgeschichte. . . S. 424; Byvanck A. W. Nederland. . . D. 1. Blz. 92, 186, 190, 194, 200, 207, 209; D. 2. Blz. 519.*
- ³³ *Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. (До середины VI в.). М., 1984. С. 136; Boeles P. C. J. A. Friesland. . . Blz. 117, 123; Byvanck A. W. Nederland. . . D. 1. Blz. 207, Fig. 7; D. 2. Blz. 530, 706.*
- ³⁴ *Byvanck A. W. Nederland. . . D. 1. Blz. 287; D. 2. Blz. 530, 594; История крестьянства. . . Т. 1. С. 126.*
- ³⁵ *Там же; Byvanck A. W. Nederland. . . D. 2. Blz. 530, 701—703, 706.*
- ³⁶ *Boeles P. C. J. A. Friesland. . . Blz. 124, 125.*
- ³⁷ *Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок. . . С. 24, 132, 133; Byvanck A. W. Nederland. . . D. 2. Blz. 707.*
- ³⁸ *Byvanck A. W. Nederland. . . D. 2. Blz. 530, 708—710; Boeles P. C. J. A. Friesland. . . Blz. 75, 569; Musset L. Les invasions. . . P. 150, 152; Handbuch der europäischen Regionalbewegungen. S. 118; Siebs Th. Zur Geschichte. . . S. 112; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок. . . С. 95, 98, 100, 102; История крестьянства. . . Т. 1. С. 24, 30.*
- ³⁹ *История крестьянства. . . Т. 1. С. 106; Монгайт А. Л. Археология. . . С. 325, 339; Siebs Th. Zur Geschichte. . . S. 5—7; Musset L. Les invasions. . . P. 152.*
- ⁴⁰ *Byvanck A. W. Nederland. . . D. 2. Blz. 573, 694, 695, 710, 712; Boeles P. C. J. A. Friesland. . . Blz. 117, 560.*
- ⁴¹ *На современной карте Нидерландов этот топоним остался лишь в названии Катвейк-ан-Зе в провинции Южная Голландия. Boeles P. C. J. A. Friesland. . . Blz. 112, 113.*
- ⁴² *Ostfriesland. S. 51, 74, 75; Handbuch der europäischen Regionalbewegungen. S. 119; Byvanck A. W. Nederland. . . D. 1. Blz. 206, 207; Siebs Th. Zur Geschichte. . . S. 8, 10, 18; Kossinna G. Ursprung. . . S. 15; Dessau H. Geschichte. . . S. 418, 435.*
- ⁴³ *Boeles P. C. J. A. Friesland. . . Blz. 75; Siebs Th. Zur Geschichte. . . S. 27; Ostfriesland. S. 51; Clement K. I. Die Lebens- und Leidengeschichte der Friesen, insbesondere der Friesen nördlich von der Elbe. Kiel, 1845. S. 11.*
- ⁴⁴ *Byvanck A. W. Nederland. . . D. 1. Blz. 694; D. 2. Blz. 701; Boeles P. C. J. A. Friesland. . . Blz. 72; История крестьянства. Т. 1. С. 24; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок. . . С. 162, 199.*
- ⁴⁵ *Clement K. I. Die Lebens- . . . S. 10, 68.*
- ⁴⁶ *Ostfriesland. S. 51, 52; Musset L. Les invasions. . . P. 152.*
- ⁴⁷ *Ostfriesland. S. 52, 77; Handbuch der europäischen Regionalbewegungen. S. 119; Siebs Th. Zur Geschichte. . . S. 8; Byvanck A. W. Nederland. . . D. 2. Blz. 713; Salvi S. Le nazioni. . . P. 372, 373, 399, 400; Boeles P. C. J. A. Friesland. . . Blz. 75, 561, 592.*
- ⁴⁸ *Delbanco W. Die Quellen. . . S. 43; Ostfriesland. S. 51—53.*
- ⁴⁹ *Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1900. Bd. IV. Hf. 2. S. 464; Jørgensen P. Über die Herkunft. . . S. 35—50; Стреблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953. С. 11; Handbuch der europäischen Regionalbewegungen. S. 118; Byvanck A. W. Nederland. . . D. 1. Blz. 161, 163—165; Norden E. Die germanische Urgeschichte. . . S. 384, 385; Kossinna G. Ursprung. . . S. 14, 15.*
- ⁵⁰ *Chadwick H. M. The Origin of the English Nation. Cambridge, 1924. P. 77, 88; Boeles P. C. J. A. Friesland. . . Blz. 592; Ostfriesland. S. 77; Salvi S. Le nazioni. . . P. 372, 373, 400; Langhans V. Ueber den Ursprung der Nordfriesen: Antiquarische Studie. Wien, 1879. S. 27, 28; Hoff H. E. Schleswig-Holsteinische Heimatgeschichte. In 3 Bd. Neumünster in Holstein, 1925. Bd. 1. S. 52; Jørgensen P. Über die Herkunft. . . S. 9—10, 51—52; Idem. Zum Schleswiger. . . S. 27; Хенниг П. Неизвестные земли. М., 1961. Т. 2. С. 14, 123—130.*
- ⁵¹ *Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. S. 471; Hoff H. E. Schleswig-Holsteinische Heimatgeschichte. Bd. 1. S. 71, 81; Sach A. Das Herzogtum Schleswig in seiner ethnographischen und nationalen Entwicklung. Halle, 1899, Abt. 2. S. 238; Jørgensen P. Über die Herkunft. . . S. 51—52, 62; Idem. Zum Schleswiger. . . (Карты «Das Mittlere und Südliche Schleswig»); Хенниг П. Неизвестные земли. С. 7, 123—130.*

- ⁵² В англосаксонской поэме «Битва при Финсбурге» (IX в.) повествуется о раздорах между данами и фризским королем Финном, женатым на датской принцессе. Один из эпизодов заканчивается убийством Финна; даны увозят к себе на родину его жену и большую добычу. См.: Беовульф. М., 1975. С. 79 и след., 643—644. (Библиотека всемирной литературы).
- ⁵³ Термин «южные» не обозначает в данном случае какую-то новую, ранее не известную группу фризского этноса, а указывает лишь на ее географическое положение: по отношению к северным фризам все другие фризские группы (и в первую очередь из Восточной Фрисландии) можно рассматривать как южные.
- ⁵⁴ Langhans V. Ueber den Ursprung... S. 25, 28, 45; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 11—18, 54, 63, 64; Hoff H. E. Schleswig-Holsteinische Heimatgeschichte. Bd. 1. S. 52; Handbuch der europäischen Regionalbewegungen. S. 119; Salvi S. Le nazioni... P. 401; Беовульф. С. 80—84, 644; Монгайт А. Л. Археология... С. 333; Musset L. Les invasions: le second assaut contre l'Europe chrétienne (VIIe—XIe siècle) Paris, 1965. P. 47, 108, 111, 118, 128, 136.
- ⁵⁵ Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. Leipzig, 1868. Bd. 1. S. 466, 471; Langhans V. Ueber den Ursprung... S. 24; Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. S. 428, 435, 464; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 18—20.
- ⁵⁶ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С. 52.
- ⁵⁷ Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 19—20.
- ⁵⁸ Langhans V. Ueber den Ursprung... S. 5, 24, 30, 34; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 20—21.
- ⁵⁹ Nordfriesische Beiträge aus dem Nachlass Hermann Möllers. Kopenhagen, 1938. S. 25—27; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 22, 23.
- ⁶⁰ Bremer O. Ethnographie der germanischen Stämme. Strassburg, 1904. S. 848; Hoff H. E. Schleswig-Holsteinische Heimatgeschichte. Bd. 1. S. 341, 342; Niederdeutsche Studien. Festschrift für Conrad Borchling. Neumünster in Holstein, 1932. S. 37; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 23.
- ⁶¹ Siebs Th. Zur Geschichte der friesischen Sprache. Halle a/Sale, 1889. S. 25, 27, 28; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 23, 24, 97—99.
- ⁶² Bremer O. Ethnographie... S. 849; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 19, 25—27.
- ⁶³ Sach A. Das Herzogtum... Abt. 2. S. 237.
- ⁶⁴ Sach A. Das Herzogtum... Halle, 1896. Abt. 1. S. 5—7; 1899. Abt. 2. S. 134—137; Hoff H. E. Schleswig-Holsteinische Heimatgeschichte. Bd. 1. S. 52—55, 309, 310, 319, 341; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 27—29; Bremer O. Ethnographie... S. 846—848, 849; Boeles P. C. J. A. Friesland... Blz. 578, 579; Siebs Th. Zur Geschichte... S. 24, 25, 27—30; Idem, Helgoland und seine Sprache. Beiträge zur Volks- und Sprachkunde. Rauschenplat, 1909. S. 25, 29, 169, 170.
- ⁶⁵ Chadwick H. M. The Origin... P. 86, 88, 89, 94, 99, 191, 193, 194; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 30.
- ⁶⁶ Hoff H. E. Schleswig-Holsteinische Heimatgeschichte. Bd. 1. S. 51, 82; Lehmann O. Das Bauernhaus in Schleswig-Holstein. Altona, 1927. S. 115, 133, 134, 139; Festschrift Otto Lehmann // Altonaische Zeitschrift. Altona, 1935. Bd. 4. S. 62; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 30, 31, 71.
- ⁶⁷ Langhans V. Ueber den Ursprung... S. 38; Niederdeutsche Studien. S. 207—228; Boeles P. C. J. A. Friesland... Blz. 579; Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 32, 34, 63.
- ⁶⁸ Jørgensen P. Über die Herkunft... S. 31—33, 55, 57, 59—62, 145—147; Idem. Zum Schleswiger... S. 4, 32, 33; Среблин-Каменский М. И. История... С. 13.
- ⁶⁹ Philipp H., Kamphausen A. Nordfriesland... S. 113; Kersten K., La Baume P. Vorgeschichte der Nordfriesischen Inseln. Neumünster, 1958. S. 98, 99.
- ⁷⁰ Ostfriesland. S. 51, 52, 54; Nordfriesland im Umbruch // Grenzfriedensheft. Husum, 1961. 2. S. 71, 72, 114—115; Grote Winkler Prins. Amsterdam; Brussel, 1968. D. 7. Blz. 740, 746; 1972. D. 14. Blz. 271; Brockhaus Enzyklopädie in zwanzig Bänden. Wiesbaden, 1968. Bd. 6. S. 620—622; Meyers Neues Lexikon. Leipzig, 1973. Bd. 5. S. 160; 1974. Bd. 10. S. 154, 155; Jørgensen T. Vore friske naboer // Grænseforeningens årbog. Roskilde, 1971. S. 3; Musset L. Les invasions... P. 152; Salvi S. Le nazioni... P. 373, 401; Byvanck A. W. Nederland... D. 2. Blz. 525.

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГРЕНЛАНДСКИХ НОРМАННОВ *

Г. И. Анохин

В соотношении Романия—Барбария мир скандинавских северогерманских племен находился практически вне воздействия средиземноморских цивилизаций. Хотя эпизодически ее земель достигал и грек Питей из Массалии (южная Франция) в IV в. до н. э., и из южной Прибалтики существовал в Романию янтарный торговый путь.

Даже в эпоху викингов (конец VIII—первая половина XI в.), когда северогерманцы по морям и рекам достигали в Восточной Европе Руси, в Западной — Британских островов, в нынешней Франции — среднего течения Сены — собственно Романия по морям с запада, как и Византия (Восточно-Римская империя) через Русь с севера, были крайним и сравнительно редко посещаемым, совсем иным для этой части Барбарии миром.

Эпоха викингов завершилась колонизацией островов в Северной Атлантике вплоть до рассматриваемого ниже крупнейшего острова мира — Гренландии.

В истории народов Европы одной из самых трагических в целом для этноса и в то же время загадочной по своему финалу была судьба у гренландских норманнов. Возникнув как автономная группа норманнов в эпоху викингов, проделав затем тот же путь к становлению отдельного этноса, как исландцы и фарерцы — также потомки норманнов, ведущие начало из эпохи викингов, гренландские колонисты оказались затем на тупиковом пути развития.

Эпоха викингов — яркий и тревожный период европейской истории — начинается с конца VIII в. Морские разбойники — выходцы из Скандинавии, называемые там викингами, — на быстроходных для того времени парусно-весельных килевых судах опустошали прибрежные районы Европы.

Гренландские норманны как колонисты ненаселенной суши, а затем и как формирующийся новый народ попали на свою новую родину с прародины не прямым путем из Норвегии, а с промежуточных мест обитания.

* Помощь необходимыми для анализа печатными публикациями, — как ксерокопиями антикварных источников, так и новейшими публикациями об археологических открытиях, — оказана датскими коллегами Артуром Вогом и Туве Христиансен, фарерскими коллегами Боженной Расмуссен и Валдемаром Далсго-ром.

С марта по июль от Вестланна, что на западе Норвегии, через Северное море дуют северо-восточные ветры. Если грабительские маршруты датских викингов проходили через Северное море на запад и юго-запад, преимущественно к восточным берегам Англии, северным и западным берегам Франции и Испании, то норвежские викинги за два дня на ладьях под парусом с попутными ветрами достигали на западе Шетландских островов, на третий день — Оркнейских и Гебридских, а за четыре — пролива Минч между Шотландией и Гебридами. Отсюда далее через Ирландское море они попадали к берегам Франции и Испании, а уж затем, вместе с датскими викингами — в Средиземноморье, где в опасности от них оказывались на побережье поселения не только в западной части моря, но и в Адриатике, и в Эгейском море, и на Ближнем Востоке. А с июля по октябрь ветры дуют обратно, от пролива Минч к западной Норвегии, и этим путем с награбленным добром норвежские викинги возвращались на родину.

Причинами походов были: завершение колонизации внутренних земель и дальнейшая невозможность просуществовать с достигшихся при займке земли угодий ввиду продолжающегося роста и дробления больших патриархальных семей и в целом роста населения всей страны. Поход фактически был складчиной. Какая-то семейная община владела кораблем. Сам глава семьи, он же фактический предводитель среди других, менее зажиточных и влиятельных семей, т. е. хёвдинг, или назначенный им «морской предводитель» из числа его сыновей, фактически не имевший собственной крыши над головой, а лишь полномочия от отца, набирали из своей семейной общины и дружеских семейных общин соседской общины лишних претендентов на земельный надел, которые становились корабельщиками и в то же время составляли боевую дружину в походе.

В походе его участники накапливали информацию не только о землях, на какие нападали, но и о других, еще не достигнутых, о которых узнавали от захваченного в плен населения. Никакой государственности в Норвегии еще не существовало, когда к концу VIII в. ее викинги освоили упомянутый выше первый дальний и очень удобный для грабежей маршрут. Тотчас же, по следам первых набегов в 790-е годы начались захват и колонизация семьями норманнов Шетландских, Оркнейских и Гебридских островов, населенных кельтами¹.

Узнав на этих островах о расположенных севернее Фарерских островах, норманны с 825 г. колонизировали и этот архипелаг, на котором дотоле жили лишь ирландские монахи². Заселение архипелага норманнами, как и единовременные захваты дружинами викингов острова Мэн в Ирландском море, западного берега Шотландии, а с 840 г. — восточного и юго-восточного берегов острова Ирландия, происходило по крайней мере отчасти с первых трех колонизированных архипелагов, возможно, с участием в рядах норманнов потомков смешанных скандинавско-кельтских браков. После случайного открытия около 867—869 гг. острова, названного

впоследствии Исландией, уже в 874 г. туда прибыли из Норвегии на постоянное жительство две первые семейные общины. Замечательный памятник начального этапа истории Исландии — «Книга заимки земли» называет поименно четыре сотни важнейших колонистов³, а в поименных указателях к современным изданиям «Саг об исландцах» названо 7 тыс. первопоселенцев, и, благодаря этому, можно определить, откуда географически и кто этнически эти люди.

Так как столетие спустя колонизация Гренландии проводилась не только более поздними, конца X в., норвежскими поселенцами Исландии, но и потомками ее первопоселенцев, отметим сразу этнический состав указанных 7 тыс. колонистов. Более 82 % из них прибыло из Норвегии, преимущественно из Западной, но немного из Восточной, до 5 % из Швеции и Дании, более 12 % с островов промежуточной колонизации в Северной Атлантике, в том числе с Фарерских островов⁴. Обратим внимание на то, что с островов Северной Атлантики и из собственно Скандинавии семейные общины скандинавов прибывали с зависимыми людьми, которыми были как земляки, так и рабы кельтского, а также славянского происхождения⁵.

К 930 г. на всех лучших землях, да и вообще всюду по побережью острова Исландия «стояло несколько тысяч хуторов, населенных 15—20 тысячами переселенцев»⁶. В 930 г. состоялся первый альтинг — всенародное вече Исландии. В этом новом обществе, выходцы из которого в последней четверти IX в. начали колонизацию Гренландии, древний северогерманский язык стал единственным языком общения, хотя и с элементами лексики, заимствованной из ирландского⁷.

Вопрос о причинах колонизации Исландии, о социальных структурах, бытовавших в Норвегии и возникающих затем в Исландии и в Гренландии, сложен и спорен.

Во-первых, как походы, так и последующая колонизация норманнами островов Северной Атлантики начались, как мы видели выше, еще с конца VIII в., когда ни о какой государственности на бывшей родине речи не шло, а колонизация Исландии стоит в непрерывном ряду этих миграций — освоении новых земель. Конечно же, обогащение в походах вело к накопительству богатств их участниками, особенно предводителями походов и хозяевами кораблей, повышало общественный престиж викингов, создавало устойчивый авторитет их лидерам. Но понятие конунг (konungr) VIII—X вв. нельзя понимать как король. Это еще предводитель, наемный князь, аналогичный таковым в ранней Новгородской и Псковской вечевой Руси.

Во-вторых, нехватка земель в собственно Скандинавии продолжалась, но к причине поиска и заселения новых земель в данном случае Исландии добавилась еще одна — спасение от кровной мести между семейными общинами, т. е. спасение от смерти глав семей (а следовательно, и семейных общин в целом), объявленных тингом (народным собранием) вне закона за убийство свободного

человека из другой семейной общины. Накопление богатства и собственная индивидуальная агрессивность, развитая в викинге и способная все более проявляться также и в родных местах, против соплеменников, ставила под угрозу уничтожения каждый из таких коллективов целиком в ответной кровной мести.

В-третьих, все саги вовсе не содержат хронологии и записаны через три—четыре столетия после событий, т. е. в основном в XIII в., когда как раз нависла угроза присоединения Исландии к Норвегии со стороны действительно существовавшей там монархии. Именно отношение записывающих саги к этой угрозе нашло свое отражение в текстах.

Итак, поиск пастбищ для домашнего скота и спасение от становящейся непосильной кровной мести на родине или промежуточной родине на островах Северной Атлантики заставляли норманнов уплывать в Исландию. Бежала не беднота от эксплуататоров. В тех группах, которые покидали насиженные места, сохранялась вся структура общества, те же общественные отношения, традиции обычного права: уплывали семейными общинами с их главами, домохозяевами, зависимыми людьми и рабами-ненорманнами. И даже столетие спустя, когда все удобные пастбища были поделены, продолжалось переселение в Исландию. Причем колонисты стали именовать себя исландцами (и так их стали именовать на их бывшей родине) в отличие от временных приезжих (например, с торговыми целями или в гости к родственникам), которых именовали теперь новым этнонимом — эстманны, т. е. «восточные люди», или норвежцы.

Среди более поздних заимщиков земли, когда все плодородные и удобные земли в Исландии были распределены, там в начале 970-х годов оказался человек, которому суждено было в дальнейшем предложить и возглавить колонизацию исландцами обследованной и названной им новой земли — Гренландии. Им стал Эйрик Торвальдсон, по кличке Рыжий, который с отцом Торвальдом бежал из своих родных мест в Йерене (на береговой полосе, южнее Ставангера⁸, в юго-западной Норвегии), спасаясь от кровной мести. Во всяком случае один из источников, «Книга заимки земли», равняет их обоих в вине за убийство человека⁹. А в Исландии они будто бы имели родственников¹⁰.

За отсутствием лучшего они поселились в самой холодной, северо-западной части Исландии — на Драунге, Скальном перешейке, на Хорнстрандене (Побережье Рогов)¹¹. Там и умер Торвальд. А Эйрик Рыжий, который до этого успел вновь побывать в Норвегии, где служил «среди людей Хакона ярла»¹², вернулся, унаследовал хозяйство отца, женился на Торхильде, чья мать во втором браке жила в Хаукадале (Ястребиной долине), что в нынешней сисле (административном округе Исландии) или исторической провинции Дала на восточном берегу Хвамсфьорда. Эйрик переселился туда и расчистил землю под свою усадьбу Эйрикстадур (Усадьбу Эйрика) возле Ватнсходна (Речного мыса). «Сага о гренландцах» свидетельствует как раз о поселении

в Эйрикстадуре без указания других подробностей о том, что «сына Эйрика Рыжего и Торхильды звали Лейв»¹³. Ему было суждено сыграть не меньшую роль в жизни гренландских норманнов, чем его отец.

Существует акцент в современной оценке личности Эйрика Рыжего на том, что он — «человек неумной энергии и к тому же своевольный»¹⁴. Поскольку речь идет об оценке будущего лидера — хёвдинга гренландских норманнов, считаем нужным заявить, что анализ нами всех «саг об исландцах» и «королевских саг» для перечня фактов, к которому мы не располагаем здесь местом, показывает этнопсихологию скандинавов эпохи викингов как раз такой, какой она предстает в действиях Эйрика Рыжего. Эти действия типичны для скандинавов того времени. Ряд примеров из трех главных источников об исландцах, ставших затем гренландскими норманнами, иллюстрирует это¹⁵.

В Эйрикстадуре Эйрик Рыжий устроил обвал склона на дом соседа Вальтьова. Друзья соседа убили его рабов. Эйрик убил сначала одного из этих друзей соседа — Эйольва, а затем на поединке — прославленного драчуна Храфна. Родичи Эйольва возбудили тяжбу на тинге (местном вече соседской общины) мыса Тора (который расположен на южном берегу Брейдифьорда, у выхода из Хвамсфьорда, — там происходили тинги годордов, соседских общин северо-западной Исландии), и Эйрик Рыжий был поставлен вне закона, практически обречен на изгнание из Ястребиной долины.

Эйрик Рыжий поселился на пустующих скалистых островах у выхода из Хвамсфьорда, на западе от устья Хаукадаля и на северо-востоке от мыса Тора (рис. 8). Условия для хозяйствования здесь так же сложны, как на месте усадьбы на Драунге. А пока Эйрик Рыжий строил на острове новый Эйрикстадур, он одолжил Торгесту Старому, именитому соседу из Брейдабоульстадура (Разбросанной Усадьбы), которая располагалась как раз напротив островов Эйрика Рыжего, «резные столбы почетного кресла главы рода»¹⁶. Могущественный сосед не отдал их. Когда столбы понадобились самому Эйрику, тот со своими людьми нагрянул неожиданно и забрал их. Погоня Торгеста настигла группу Эйрика, но в схватке были убиты два сына Торгеста и несколько человек из погони.

После этого в усадьбах как Эйрика, так и Торгеста всегда было много людей — их сторонников на случай неожиданного нападения враждующей семьи. Дело разбирал снова тинг мыса Тора. Как подробнее других свидетельствует «Эйрбиггьясага»¹⁷, на этом тинге Торгест Старый и сыновья Торда Геллера (Ревун) предъявили иск Эйрику Рыжему. На тинге было много вооруженного народа, и Эйрик предусмотрительно снарядил корабль на случай срочного бегства. В сагах остается неясность о сроках объявления Эйрика Рыжего вне закона¹⁸, а норвежский писатель Э. Булстад утверждает, что Эйрик получил приговор skogarmadrgr («вне закона навсегда») ¹⁹. Это было строжайшим наказанием

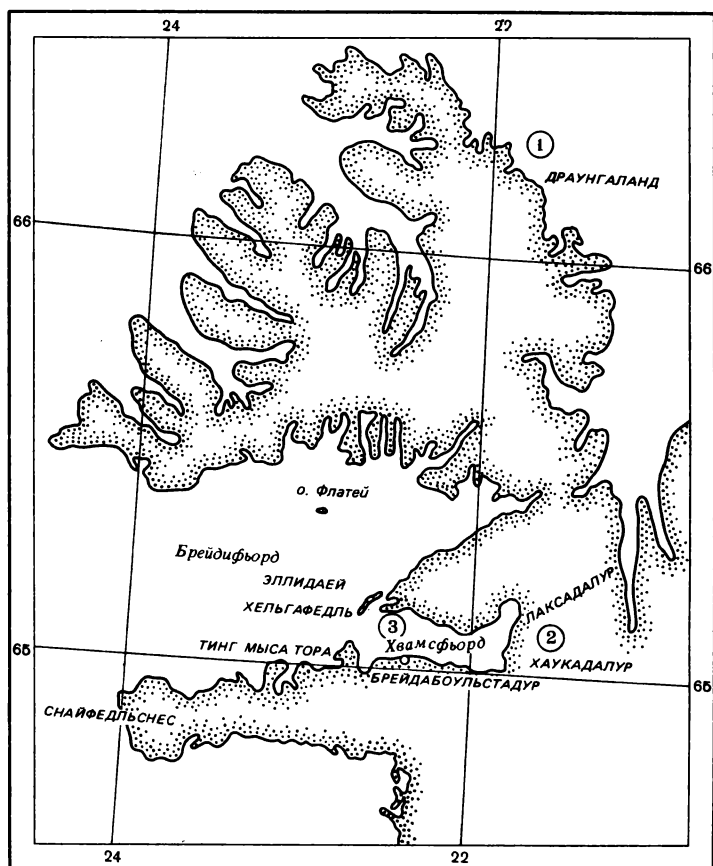

Рис. 8.
Северо-запад Исландии

1, 2, 3 — пункты, где жил Эйрик Рыжий

в те дни, ибо означало право убить осужденного в любое время. А датский историк Ф. Гад полагает, что Эйрик Рыжий был объявлен вне закона на три года на всей территории Исландии²⁰.

Торгест имел много сторонников на тинге и по окончании суда пытался разыскать Эйрика, чтобы убить его. Но сторонники Эйрика Рыжего, многие из которых позже стали первопоселенцами Гренландии, укрывали его.

Эйрику и его современникам было известно из исландских устных преданий, что лет за сто до этого корабль некоего Гуннбьёрна пронесло в шторм мимо Исландии к неведомым торчащим из воды скалам, которые вошли в фольклор под названием шхеры Гуннбьёрна. Не имея средств для покупки корабля и всего необходимого для жизни в изгнании, Эйрик Рыжий получил от своих

сторонников все необходимое под залог, чтобы найти эту сушу, обследовать в течение трех лет и поделиться с теми, которые помогли ему.

Поиск неведомой земли начался, по расчетам многих исследователей, в 980²¹ или в 982 г.²² Обратим внимание на действия этого обычного хёвдинга: как и все хёвдинги эпохи викингов, времени поиска добычи и новых земель, пробужденной инициативы и осмысленного исследования, он ищет пригодные для хозяйствования земли не только для себя, своей семьи, понимая невозможность остаться здесь на всю жизнь одной семьей даже при самых благоприятных условиях, т. е. при полном отсутствии враждебного и вообще какого-либо местного населения и наличии тучных пастбищ, столь желанных для основы хозяйствования всех скандинавов, особенно норманнских колонистов на островах Северной Атлантики. Опыт шести—восьми поколений эпохи викингов и колонизации впитан каждым.

Маршрут Эйрика для поиска шхер Гуннбьёрна пролегал из Хвамсфьорда вдоль северного берега Снайфедльснес (мыс Снежной горы) прямо на запад. Когда утверждают, что у скандинавов эпохи викингов не было навигационных приборов²³, это заблуждение. Такой прибор был. Им пользовались норманны, исландцы, затем гренландские норманны. Как раз единственный во всей Скандинавии эпохи викингов обломок такого прибора — деревянный полукруг с насечками пеленгов по окружности — обнаружен в 1948 г. именно в Гренландии, среди руин женского монастыря, который стоял на берегу фьорда Сиглу (ныне Унарток), несколько южнее мест, где среди наиболее крупных на протяжении 500 лет хуторов находилась также и усадьба Эйрика Рыжего и его потомков.

Эйрику посчастливилось сразу же не только выйти к неведомой земле с ледником, наименованным им Bláserkr (Синяя Рубашка), но и в поисках мест для удобной высадки обогнуть эту землю с юга, минуя мыс, которому, видимо, он же дал название Hvarf²⁴, одно из значений которого можно перевести как Поворот Судьбы (в современном написании Farvel — прощание).

Первую зиму Эйрик Рыжий провел на острове Эйрик, севернее того места в Гренландии, где датчане в XVIII в. основали Юлианехоб.

Весной Эйрик вошел в ближайший длинный фьорд, названный им Эйриксфьорд, и, как рассказывает «Книга заимки земли», «здесь выбрал место под свою усадьбу» — почти в самой отдаленной от моря части этого узкого фьорда. Тем же летом он посетил на корабле другие фьорды на крайнем юго-западе острова Гренландия, а зимовать стал на острове, возможно, том же, Эйрика. На третье лето знакомства с местностью продолжались значительно севернее — у Снефедля (Снежной горы) и Хравнфьорда (Вороньего залива). Углубившись в последний, он считал, что проник в страну дальше, чем это было в Эйриксфьорде. Третью зимовку он также провел вне фьорда, но южнее — на архипелаге, который он тоже

назвал своим именем — Эйриковы острова, которые расположены возле мыса Хварф²⁵.

И хотя Эйрик Рыжий, может быть, не нашел шхер Гуннбьёрна, он за 3 года, обогнув с юга неведомую землю, детально разведаль пастбищные угодья вдоль берегов фьордов на ее юго-западе и по зеленой летом полосе пастбищ ниже ледников дал название Гренландия (Grænland — Зеленая страна), «ибо считал, что людям скорее захочется поехать в страну, если у нее будет привлекательное название»²⁶.

Когда Эйрик вернулся на четвертое лето в Исландию, многие исландцы жаждали услышать о тех больших возможностях, которые были в обнаруженной стране. А Эйрик Рыжий очень расхваливал ее.

Эйрику пришлось зимовать в Исландии, а его враг Торгест Старый искал возможности мести. «Весной сражались Эйрик с Торгестом, и Эйрик признал себя побежденным. После этого они помирились»²⁷, но условия мира источники не сообщили. Летом 985²⁸ или 986 г.²⁹ флотилия из 25³⁰ или 35 кораблей³¹ отбыла из Брейдифьорда, но только 14 кораблей достигли цели — Гренландии³². По подсчетам специалистов, в этот рейс стартовало из Исландии до шестисот человек³³ — целые семейные общины с принадлежащими им рабами, скотом, инвентарем, оружием. Как и при колонизации из Норвегии островов Северной Атлантики, включая Исландию, люди бежали от нужды и кровной мести. Некоторые же, как свидетельствует «Книга заимки земли», соблазнились рекламой Зеленой страны, созданной Эйриком Рыжим, и покинули вполне благополучные усадьбы, как Херьольв Бардарсон из усадьбы, расположенной между Вогсом и Рейкьянесом на крайнем юго-западе Исландии, землю под которую взяли его предки еще при первопоселенце Исландии Ингоульвуре Аднарссоне и на которой выросли три поколения его рода³⁴.

Состав отправившихся в Гренландию был пестрым — помимо семей исландцев, были потомки кельтов, получивших еще в Исландии не только волю, но и землю, не только построивших усадьбу, но и имевших к третьему поколению свою семейную общину. На корабле Херьольва плыл даже христианин с Гебридских островов, где обитатели два столетия были норманнами. Гебридец, видимо, был именно норманном, а не кельтом, ибо когда начался шторм «в три волны вместе» (девятибалльный) и тяжело нагруженные корабли торгово-грузового типа — кнарены, или бюрдингеры — потеряли за высокими валами воды друг друга из вида, он декламировал норманнскую хавгердингадрапу — стихотворную хвалу богу с просьбой о помощи³⁵.

Нет точных свидетельств того, как распределялась земля, и датский историк Ф. Гад высказывает предположение, что «флотилия была настолько рассеяна штормом, что Херьольв прибыл первым и расположился на ближайшем же месте, куда его принесло, как будто предчувствуя, какое значение это место получит для всей колонии... Эйрик приплыл позже, но расположился

намного севернее. Он-то знал совершенно точно, где он хочет поселиться»³⁶. Таким образом, учитывая последовательный перечень заимщиков и взятой ими земли, Ф. Гад предлагает рассматривать заимку по мере прибытия, т. е. чем позже приплыли, тем дальше, севернее взяли землю.

Однако совершенно логично предположить, что перед отплытием из Исландии Эйрик дал всем установку в случае одновременного прибытия на условленный финиш собираться, вероятнее всего, после мыса Хварф, скажем, у Эйриковых островов или у входа в тот фьорд, где потом поселился Херьольв. Именно после Хварфа поток с дрейфующим льдом прекращается перед Эйриковыми островами. Отсюда Эйрик и сопроводил флотилию к устьям фьордов, выделяя каждой семейной общине будущее владение, показав по ходу плавания другим заимщикам вход в Эйрикс-фьорд как свое владение, а уж после всех вернулся туда. При таком распределении Эйрик мог оставлять резерв для тех своих друзей в Исландии, которым он обещал землю на случай их прибытия.

Замечательное время заимки первопоселенцами земель состоялось. Лето там коротко, зима близка и сурова. Поэтому тотчас началось строительство двух групп хуторов — Эстрибюгдар на юго-западе острова Гренландия и Вестрибюгдар в южной трети западного побережья этого острова (рис. 9). Обратим сразу внимание на ошибочность наименований обеих групп колонии относительно сторон света. Впоследствии, когда четыре столетия спустя связи стали нерегулярными, торговцы и церковники из Норвегии и Дании по старым записям стали разыскивать гренландских норманнов Эстрибюгдара прежде всего в Восточной Гренландии, где их не было.

Обе группы хуторов гренландских норманнов располагались на широтах южной половины Норвегии: Вестрибюгдар на широте Тронхейма и Эстрибюгдар на широте Осло. Однако с востока доступ в Гренландию затруднен дрейфующими с севера ледовыми полями шириной от 1,5 до 3,5 км, причем от южного окончания острова у мыса Хварф отдельные участки паковых льдов заносит на юго-запад и запад. А от северо-запада этого же острова ледовые поля надвигаются на юг до 64° северной широты, в отдельные годы смыкая зимой в ледовые клещи величайший остров мира Гренландию. Как раз напротив этих, зимой смыкающихся у юго-запада острова паковых льдов, поставили свои хутора и выпустили на пастбище скот гренландские норманны.

Сто лет назад норвежец Ф. Нансен после пересечения на лыжах южной Гренландии и зимовки на западном ее берегу, возле мест, где 900 лет до этого стояли хутора Вестрибюгдара, так характеризовал эти урочища; «Там, где встречаются глубокие, узкие и самые длинные фьорды, ограниченные высокими и отвесными, увенчанными ледниками горами, и где туманы и морской ветер не вырываются с моря, — там улыбочивые участки, где солнечные лучи отражаются от высоких горных стен, тепло от солнца в определен-

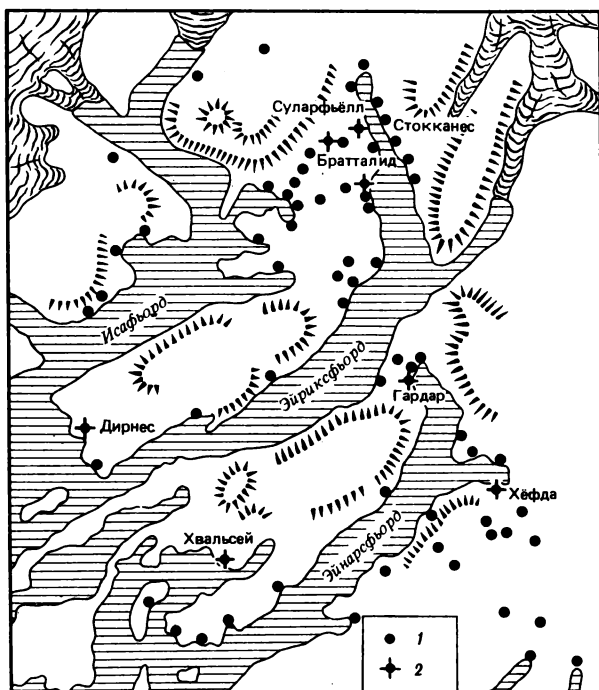

Рис. 9.
Юго-западная Гренландия

1 — хутора гренландских норманнов; 2 — церкви

ные времена года все же может создать духоту, и где именно поэтому взгляд встречает сочную зелень ниже покрытых снегом скал и ледников: заросли кустарника — ивы и березы — поднимаются выше человеческого роста, а иногда во влажных углублениях — и трава с великим множеством красивых цветов»³⁷.

Действительно, разнотравье, преимущественно многолетних цветочных на пастбищах — роскошное, даже в наши дни — свыше 4000 видов, в том числе 450 высших растений. А тысячу лет назад, как свидетельствуют саги и подтверждают геоботаники нашего столетия, климат там был теплее³⁸. Вокруг поселений норманнов росли густые березняки, причем карликовые березы перевивались столь густо, что образовывали сплошной труднопроходимый лес, а в защищенных от ветров котловинах березы могли достигать высоты 7 м.

Самым важным растением из местной флоры, на которое норманны обратили внимание позже, когда связи с Европой нарушились и пищевые ресурсы стали еще более ограниченными, оказалась песчанка (береговая рожь самосеянка, растущая вдоль фьордов), зерна которой колонисты перемалывали на каменных жерно-

вах для получения крупы и муки. Впрочем, исследователь Э. Булстад даже видел в хронической зависимости гренландских норманнов от привозного зерна положительное воздействие: это, якобы, обеспечивало «безалкогольное существование, в высшей степени непохожее на жизнь с пивом и медом в собственно Скандинавии, откуда происходили гренландские норманны». Это будто бы гарантировало «хорошее планирование и осмотрительность, совершение своими силами больших дел»³⁹.

В действительности ввозили не только зерно, но и хмельные напитки, а «планирование и осмотрительность» вызывались экстремальной экологией во всяком случае на протяжении большей половины года.

В Гренландии велико число птиц (170 видов), половина из них — водоплавающие, а важнейшие промысловые виды — белая куропатка и гага. Остальной животный мир скуднее — более 30 видов млекопитающих, из них 22 — морских. С конца XIX в., когда начались археологические раскопки руин хуторов гренландских норманнов, там нашли среди отбросов кухонь кости снежного зайца, белого медведя, полярного волка, песца.

Эйрик Рыжий поставил свою усадьбу Браттахлуй (Крутой Склон) на северном берегу Эйриксфьорда, в самой его далекой от моря части, причем на удобном для пешего перехода перешейке суши, к которой примыкает с другой стороны Исафьорд. Упоминание в источниках топонима Стокканес (Бревенной мыс) напротив усадьбы Браттахлуй побудило исследователей к утверждению, что Эйрик, «очевидно, последовал обычаю» скандинавов при займке земли с моря — выбросил столбы кресла главы рода, чтобы поселиться там, где вода выбросит столбы на берег⁴⁰, как поступили, например, первопоселенцы Исландии Ингольвур Аднарссон и его сводный брат Лейвур Хроударссон. Источники не дают таких прямых сведений о соблюдении обычая Эйриком. В данном случае более правдоподобным представляется, что во время трехлетней разведки Эйрик оставил в облюбованном им, просто надежном для хранения месте — на очень отдаленном от моря мысу, во фьорде привезенные с собой из Исландии бревна от сруба своего дома в Исландии — материал для возведения затем нового дома. Но лишь при массовой займке земли построил усадьбу на представившемся ему более удобном месте — на Браттахлуе. А Бревенной мыс, где Эйрик оставил, вероятно, бревна, мог быть условным местом для их сохранения.

Когда же в ближайшие годы после этой зимовки стали прибывать новые колонисты, первым среди них оказался Торбьёрн Вивильссон с его домочадцами, рабами и скотом, попавший в материальные затруднения в Исландии. Его отцом был ирландец Вивиль, затем получивший в Исландии волю и землю от своей госпожи Ауди, а его сын Торбьёрн Вивильссон стал другом и защитником Эйрика Рыжего в его последней тяжбе в Исландии. Эйрик же обещал ему за это землю в Гренландии. Пока Торбьёрн со своими домочадцами зимовал у Эйрика, принявшего его хорошо,

тот выделил гостю соседний с собственным участок в Стокканесе, где даже построил для него усадьбу⁴¹, возможно, из своих оставленных там бревен.

Около 998 г. спаслись бегством в Гренландию от кровной мести в Исландии братья Снорри и Торлейв Торбрандссон со своими семьями⁴². Первый еще ранее участвовал в колонизации Гренландии в 986 г.⁴³, но почему-то вернулся в Исландию. В сагах он значился тогда под именем Хельге; возможно, это было более позднее его имя — после крещения. Он поселился на своей земле в Алфтафьорде, а Торлейфу земля досталась возле какого-то безымянного залива, «между ледниками»⁴⁴.

Многие исследователи, в частности норвежец Э. Булстад, на основе приведенных выше примеров из саг следующим образом характеризуют Эйрика и создавшееся новое общество в Гренландии: «В сагах нет никаких следов его дурного расположения духа. . . Он жил как справедливый хёвдинг, полный уважения. . . Как только он достиг цели своего тщеславия, сама жизнь упорядочилась для него так мирно, как только это возможно под собственным управлением. . . В первое время займки земли в Гренландии господствовал идиллический мир. . . Новое поколение женщин и мужчин еще не подросло для соперничества за супругов и за наследство отцов, чтобы разрушать мир ударом меча»⁴⁵.

Да, у Эйрика Рыжего был горький, но зато основательный опыт обычного права, вынесенный им из Норвегии и Исландии, и единоличное знание земли, которую он открыл и обследовал. Как и при заселении первопроходцами Исландии, где Торольф Моstrarскегг (Моховая Борода) распределял, кому на каких угодьях строить хутор, так и Эйрик Рыжий совместил в себе роль хёвдинга, законоговорителя и жреца, поскольку создалась языческая община из двух групп хуторов и должен был существовать храм и годи (жрец). Не сохранилось собственно гренландских письменных источников, и это затрудняет возможность подробно вникнуть и проанализировать повседневный быт гренландских норманнов. Но из исландских письменных источников просачиваются (в отдельных случаях подробно) штрихи этого быта, и можно установить, что в Браттахлуе при Эйрике Рыжем и его наследниках, сыне и внуке, а затем в усадьбе Гардаре при католическом соборе епископа с 1126 г. собиралось всенародное вече гренландских норманнов *allmannafing*, как оно называлось в отличие от исландского *alþingi*⁴⁶.

Однако трудно согласиться с утверждением Э. Булстада и других исследователей только о дружелюбии и идиллии в гренландском обществе в первые 15 лет, когда, якобы, не было причин «разрушать мир ударом меча», даже если иметь в виду, что в Гренландию переехали из Исландии семейные общины союзников, т. е. связанные между собой дружбой и взаимовыручкой в борьбе против кровных врагов, или, в крайнем случае, совсем нейтральные семьи из отдаленных от Брейдифьорда мест. Да, Эйрик Рыжий заботился после смерти Торбьёрна Вивильссона о его дочери Гуд-

рид, выдав ее замуж за одного из своих сыновей — Торстейна, а после смерти Торстейна — за исландца (íslenzkan), богатого купца из дружеского рода в Исландии Торфинна Карлсефни⁴⁷.

В противовес утверждениям о дружелюбии и идиллии в раннем обществе гренландских норманнов приведем серию примеров из пространной «Флоаманнасаги»⁴⁸, ярко характеризующих, в частности, и нрав главы этого общества — Эйрика Рыжего. К зиме 997—998 гг. по давнему приглашению Эйрика Рыжего с намерением поселиться в Гренландии после долгих мытарств (с четырьмя зимовками на восточном берегу Гренландии) прибыл Торгильс Тордарссон. С ним Эйрик Рыжий имел длительную дружбу, начавшуюся еще до женитьбы Эйрика, когда последний был послан своим отцом из Исландии в Норвегию и служил вместе со встретившимся там Торгильсом при дворе Хакона ярла. С Торгильсом в Гренландию добралось 20 спутников с его корабля, из них 12 рабов и малолетний сын Торгильса. Эйрик встретил друга «холодно, угощение было ниже ожидаемого», не разрешил ему расправиться с теми рабами Торгильса, которые убили его жену на восточном берегу Гренландии и скрылись на западном. Враждебная реакция Эйрика и тогда, когда Торгильс спас скот соседних хуторов и жизнь своего сына от задиравшего их медведя. Стычка в усадьбе Эйрика Рыжего, закончившаяся убийством виновника ссоры, — раба Эйрика, — не превратилась в массовое побоище лишь из-за боязни сопротивления со стороны многочисленной свиты Торгильса. В этой же саге вскрывается, что в Гренландии уже при Эйрике были объявленные вне закона Рольф с семьей, укрывшийся в безлюдной пустоши на юго-востоке Гренландии, и тридцать грабителей, объединившихся на двух кораблях в шайку. Эйрик с его людьми уклонились от борьбы для уничтожения шайки. А когда шайку истребил Торгильс со своими людьми, то подчеркнутая враждебность Эйрика Рыжего к Торгильсу вынудила последнего со своими людьми вернуться в Исландию.

Показав выше непредсказуемую неоднозначность отношений Эйрика Рыжего к людям и к их действиям, объективности ради отметим, что в важнейшем вопросе — сохранении политической независимости Гренландии от Норвегии и Исландии — Эйрик Рыжий, его сын Лейв и внук в роли предводителей общества сыграли положительную роль, сохраняя, однако, неизменно дружбу с наиболее могущественными людьми (конунгами и ярлами) в Норвегии. Эта независимая политическая позиция сразу же заложила основы также и этнической автономности гренландских норманнов, которых уже к концу X—началу XI в. называли гренландцами (grænlingar)⁴⁹ в отличие от других скандинавов, в частности — от представителей народов с их бывших родин, которых в сагах именуют исландцами (íslenzkan)⁵⁰, а норвежцев в Исландии и Гренландии — эстманнами, «восточными людьми» (austmenn)⁵¹.

И хотя Гренландии, экономически зависимой от Норвегии и от посредничающей Исландии (подвоз зерна, деловой древесины,

железных изделий, алкогольных напитков), удалось до 1260-х годов сохранить политический суверенитет, конфессионально она довольно быстро капитулировала, приняв в том же, 1000 г., как и Исландия (причем совершенно независимо от этого ее шага), христианскую веру.

Фактологически, согласно «Саге об Эйрике Рыжем», это излагается так: сын Эйрика Рыжего — Лейв — посетил Тронхейм в Норвегии и там был с почестями принят конунгом Олавом Трюгвасоном, знаменитым викингем, который не только сам стал христианином, но и активно насаждал христианство среди норманнов⁵². Лейв прожил при дворе Олава всю зиму на правах его дружинника. Воздействие Олава и пребывание в дружине, состоящей из воинов-христиан, побудило Лейва не только принять христианство самому, но и склонить его корабельщиков к тому же. А при отплытии весной в Гренландию Лейв получил задание Олава — крестить гренландских норманнов⁵³.

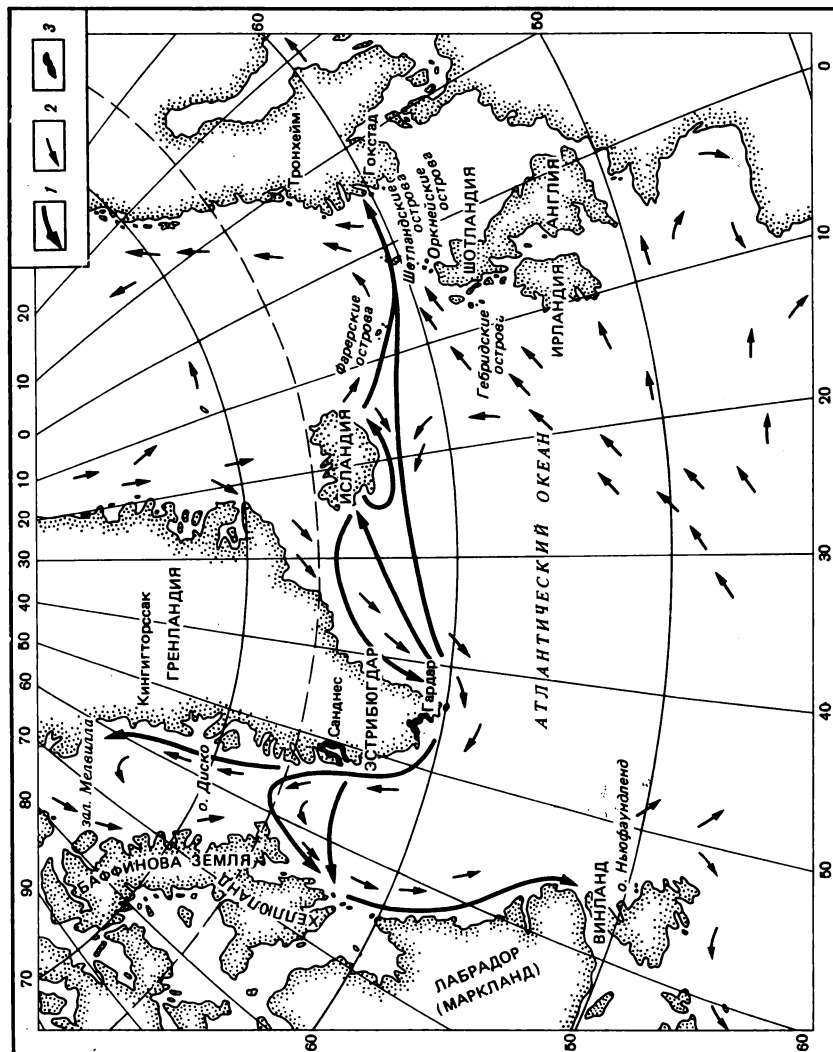
Аналогичную миссию Олав уже до этого пытался осуществить в Исландии, куда он заслал священника. В возникшем споре священник был убит двумя исландскими язычниками. Олав учел неудачный опыт, стал вовлекать в христианскую веру прибывающих в Норвегию исландцев, а весной 1000 г. с двумя обращенными в христианскую веру исландцами отправились в Исландию несколько посвященных в духовный сан норвежцев⁵⁴. Они-то и проделали работу, которая привела к официальному принятию христианства повсеместно в Исландии по добровольному решению на ее альтинге.

Лейв в том же, 1000 г., доставил в Гренландию в усадьбу своего отца в Браттахлуэ священника. Эйрик Рыжий, очень недовольный действиями сына, сказал, что в них сквозит противоречие: с одной стороны, Лейв спас потерпевших кораблекрушение возле Гренландии язычников, а с другой — «привез с собой плута, как он назвал священника»⁵⁵.

Письменные источники не содержат данных о первичной численности язычников и христиан в Гренландии. Поэтому трудно объяснить объективную неизбежность принятия христианства тогда же в Гренландии на смену господствовавшему в этом обществе язычеству, если не предположить, что уже в первой флотилии займщиков земли было больше христиан, чем на корабле Херьольва Бардарсона, где был один христианин, и что за последующие 14 лет их прослойка в Гренландии возросла за счет посещавшей Норвегию и там принявшей христианство молодежи.

Как бы там ни было, но введение христианства состоялось в Браттахлуэ, вероятно, на аллманнатинге, однако саги такой подробности не сообщают. Эйрик, согласно «Саге об Эйрике Рыжем», долго определялся, переходить ли ему в новую веру в отличие от Торхильды, которая, по свидетельству основных саг о гренландцах, не только точчас крестилась сама, но и отказалась от языческого имени Торхильда, взяв новое — Тьёдхильда⁵⁶, распорядилась построить первую в Гренландии церковь «не очень

Рис. 10.
Маршруты
гренландских норманнов
1 — маршруты;
2 — морские течения;
3 — поселения

близко от домов»⁵⁷ усадьбы Браттахлуя и «отказалась поддерживать супружеские отношения с Эйриком»⁵⁸.

Поскольку захоронить умершего христианина полагается в освященном месте — на церковном кладбище, то за время с 1000 до 1124 г., помимо маленькой, похожей на часовню церкви Тьёдхильды, появились другие — вблизи крупнейших хуторов Эстрибюгдара и Вестрибюгдара. Первым епископом Гренландии будто бы был назначен Эйрик из Упси (Швеция), но он пропал без вести в плавании в 1121 г. А в 1125 г. архиепископ всей Скандинавии Асгер экзаменовал священника Арнальда, посвятил его в сан епископа, и с 1126 г. Арнальд принял епископат в Гренландии⁵⁹.

Надо сразу же оговорить, что распространение христианства как усилиями ее первого миссионера из конунгов Норвегии Олава Трюгвасона, так и последующими конунгами никак не способствовало политической зависимости Гренландии от норвежской или другой скандинавской власти. Ибо католические священники, хотя и присылаемые в Гренландию из Норвегии или Швеции, были на службе Ватикана и укрепляли конфессиональные связи и влияния римского папы.

Не вдаваясь здесь в подробности, отметим, что в том же, что и год принятия христианства в Гренландии, 1000 г. состоялось случайное открытие новых земель западнее этого острова, вероятно, Баффиновой Земли, Лабрадора и Ньюфаундленда, т. е. земель собственно Северной Америки. Согласно сагам, там оказались «поля самосеянной пшеницы и виноградная лоза. Некоторые из деревьев были так велики, что сгодились на постройку дома»⁶⁰.

Эту плодородную землю называли Винланд⁶¹. Туда совершали плавания отдельными экспедициями все четверо детей Эйрика Рыжего — сыновья Лейв, Торвальд, Торстейн и внебрачная дочь Фрейдис, причем Торвальд погиб в Винланде в стычке с местным монголоидным населением, называемым в сагах скрелингами, а Торстейн так и не добрался туда, зимовал в Вестрибюгдаре и там же умер, но похоронен на церковном дворе в Браттахлуе⁶².

Участники трех из четырех экспедиций привезли с собой из Винланда бревна для строительных целей, пушнину и, если верить сагам, виноград. Все дальнейшие сведения из письменных источников XII—XIV вв. сбивчивы и не дают возможности понять, оставался ли Винланд местом постоянных экономических интересов, а может быть, и переселения туда (рис. 10)⁶³.

Ни одна исландская сага не содержит сводный перечень хозяйственных занятий гренландских норманнов. Об этом можно получить представление только по крупницам, выборочно из всех саг. Зато имеется анонимный норвежский историко-литературный памятник «Зерцало короля» (записанный в том же XIII в., что и большинство саг), который содержит такую сводную характеристику о добывании средств к существованию населением: «рассказывают, что там, в Гренландии, име-

ются хорошие пастбища, добротные и большие хозяйственные дворы, ибо люди там содержат множество крупного рогатого скота и овец, получают много масла и сыра; народ живет там главным образом мясом и всеми видами промысла, как на дикого оленя, китов, тюленей, так и на медведей»⁶⁴.

С конца XIX в., когда в Гренландии стали предприниматься археологические раскопки датчанином Д. Брюкном⁶⁵, вырисовалась более четкая картина расположения и численности хуторов, быта гренландских норманнов, их хозяйственной деятельности. С раскопками под руководством Поула Нёрлунда в 1921 г. на Херьольвснесе⁶⁶, в 1932 г. и в последующие несколько лет на Браттахлуе⁶⁷ добавились характеристики как самых ранних лет жизни гренландских норманнов на юго-западе острова, так и самых последних лет их существования на острове.

В согласии с письменными данными епископства, которое было учреждено в Гренландии в 1126 г. и посылало доклады в Ватикан, археологи подсчитали, что к 1300 г. в Гренландии существовало 280 хуторов, из них 190 в Эстрибюгаре и 90 в Вестрибюгаре⁶⁸. В Эстрибюгаре действовало 12 приходских церквей и 2 монастыря, в Вестрибюгаре — 4 приходские церкви⁶⁹. Считается, что в это время в Гренландии жило приблизительно 3000 человек⁷⁰, из них 2000 — разбросанные в Эстрибюгаре в 190 хуторах на берегах двух десятков фьордов, между крайними из которых расстояние составляет 300 км.

Среди тех руин, которые раскопал П. Нёрлунд в Браттахлуе в 1932 г., он нашел остатки халла, подобного тому, какие строились в Исландии и Норвегии вплоть до 1100 г. Это был длинный зал без внутренних перегородок для отдельных нуклеарных семей в составе большой, семейной общины. Только в Норвегии халл создавался из бревен, в Исландии и в Гренландии — из камня и торфа, с бревенчатой крышей, сланцевыми плитами и торфом поверх нее. Зал имел внутри площадь 16×5 м, а стены толщиной 3,5 м из камня снаружи и с внутренней стороны толщиной 2,5 м из торфа.

Узкий вход был низким, а дверь из толстых досок не открывалась, а отодвигалась в сторону (или вверх и закреплялась снизу). Пол внутри халла был из жестко утрамбованной земли, местами выложен камнем. Посередине пола вдоль длинного зала тянулся длинный очаг — ряд костров, имевших тройное назначение (варка еды в котлах, отопление помещения, освещение). Вторым источником света был дневной свет, в летнее время довольно продолжительный — через четырехугольное отверстие в крыше, предназначенное также для выхода дыма.

В других жилых постройках норманнов в Гренландии XII—XIV вв. археологи обнаружили оконные проемы в односкатной крыше или в боковых стенах, и их, как и отверстия

для выхода дыма, закрывали по необходимости рамами с натянутыми свиными мочевыми пузырями или желудками тюленей, которые давали больше света, чем мутные оконные стекла того времени в Южной Европе ⁷¹.

Зал в Браттахлуе имел скрытый водопровод в выложенный камнем колодец, который мог закрываться в халле плоской каменной плитой. Скрытое водоснабжение свидетельствует не только о поиске удобств первыми норманнами Гренландии, но и об опыте, вынесенном из Исландии, на случай наиболее распространенного метода нападения при кровной мести — осады халла с попытками сжечь обитателей дома, обложив его хворостом.

В таком халле жил хёвдинг Эйрик Рыжий, затем его преемник старший сын хёвдинг Лейв со своей женой, детьми, зависимыми родственниками. Воздух в таком зале был постоянно пропитан запахом дыма, мяса, внутренностей разделанных животных, кипящей еды, кислого молока, хранившегося в заглубленных в землю емкостях из сланца, а также мочи, которую, как и в Исландии, берегли в отстойниках из сланцевых плит для стирки белья из шерсти и которую мылись, ибо, как и в Исландии, мыло тогда не было известно ⁷², и ворвани, которую подливали в жировые светильники для дополнительного освещения.

Находки в халле жерновов, остатков чанов из дерева и из мыльного камня, пряслиц из него же заставляют предположить, что здесь же работали — пряли шерсть, делали вадмель (грубошерстную ткань, такую же, как и во многих странах Европы в раннее средневековье), выделывали кожи, шили одежду и обувь, занимались резьбой по кости, дереву и мыльному камню, вырезая из последнего даже большие чаны под кислое молоко, варенец, сыр и масло, мололи зерно на муку и крупу, развлекались, играя в шахматы и шашки, вероятно, рассказывали саги о заселении Исландии, а особенно Гренландии. Правда, никаких текстов типа саг в самой Гренландии все-таки не найдено ⁷³.

Хозяйственное помещение стояло отдельно. Это было длинное (21,8 м), узкое (от 3,5 до 5 м) и низкое (высота до крыши от 1,25 до 1,5 м) помещение. На коровник в нем из общей длины здания приходилось 8 м, на амбар — 13 м, а между ними — разделяющая толстая стена с дверью. Стены постройки были двойными: толстая каменная толщиной 1,5 м и внутренняя, торфяная — 2,5 м. Единственный вход в коровник имел протяженность 7,5 м. Пол выложен каменными плитами в несколько слоев таким образом, что оставлены впадины для навоза и сток для мочи.

Полагают, что лишь в суровые зимы крупный рогатый скот содержался постоянно в стойлах скотного двора, а овцы и козы находились всегда под открытым небом. Выпас всего скота на подлеске, как и порубки более крупного древостоя

на строительные цели и топливо, делали все более редкими рощицы. Ведь строительный лес лишь изредка поступал из Винланда или тем более из Норвегии. В амбаре хранили накошенное на пастбищах сено, привозное зерно. Отдельные хозяйственные постройки были трофейными: для хранения вяленой рыбы, шкур тюленей и пушных животных, запасов веревок из кожи, снятой с головы моржа, которые продавались как якорная бечева в Норвегию и в Южную Европу вместе с еще более ценными товарами — клыками моржа и нарвала. Наличие на хуторах следов кузниц и выплавки железа из болотной руды свидетельствует как о нехватке привозного из Норвегии железа, так и о том, что для выделки железа население должно было собирать плавун и вырубать леса для получения дров из ольхи, можжевельника и березы, а затем — древесного угля из них. Такой метод плавки был известен в Исландии, а ранее — на родине норманнов в Норвегии.

Археологи установили, что, как и в Исландии, примерно с XI в. хёвдинги Гренландии строили более крупные и несколько иные жилые постройки, чем халл, или лангхюс («длинный дом»), хотя они сохранили вытянутые пропорции. Да и само новое название его гангхюс («коридорный дом») сохраняет ту же вытянутость. В таком длинном доме уже при его постройке закладывались большие или маленькие отсеки по обе стороны от коридора, вдоль которого по осевой линии гангхюса оставался лангилд (открытый «длинный очаг»). Обнаружено, что и старые халлы не разобраны на строительный материал, а функционируют как праздничный зал — для свадеб и рождения, традиционно самого большого и всеобщего праздника, подобно всей Скандинавии. Появление гангхюса мы рассматриваем как желание круга кровных родственников сохранить вместе патронимию из малых семей — для лучшей взаимопомощи в быту и на случай обороны. Ибо новых земель для заимки не было, а имевшиеся использовались даже в ущерб окружающей среде (перепас, переруб). Следовательно, возрастала роль морского промысла, рыбной ловли, охоты.

Археологические раскопки 1921 г. на церковном дворе Херьольвснеса единственными своего рода находками одежды пролили свет не только на то, как одевались в Гренландии. Все одежды были из вадмеля, они не только хорошо сохранились, но и производили впечатление непоношенных. Здесь оказались достигающие пят женские платья и мужская верхняя одежда, подобная названным платьям, — аналогичные традиционной одежде исландцев XIV—XV вв. Капюшоны пришивные к наплечным накидкам имеют в верхней части длинную косицу шириной не уже двух пальцев и длиной более локтя. Однако эта коса не была «формой модного дурачества», как полагает Э. Ернигор⁷⁴, а, по моему мнению, обматывалась вокруг шеи для удержания капюшона на голове при сильных ветрах и облегчала снятие капюшона с головы — за саму косицу.

Сопоставление находок с верхней одеждой средневековой Европы показало, что большая часть одежд относится ко второй половине XIV в., а некоторые — ко второй половине XV в., будто с картин живописцев Голландии времен Людовика XI и Карла Смелого. Вплоть до самых последних археологических раскопок 1980-х годов в Гренландии не обнаружено более поздних следов пребывания там норманнов. Одна из шляп и несколько женских платьев свидетельствуют, что вплоть до 1500 г. существовала корабельная связь с Европой: Поул Нёрлунд нашел обрывки модных платьев как раз этих лет, вероятно, датского или голландского изготовления. Археологи отметили совершенную непрактичность этих покупок норманнов — одежда мало подходила к суровым условиям климата Гренландии⁷⁵.

Удивительны медико-антропологические исследования скелетов с кладбища Херьольвснаса. Антрополог Фр. Х. Хансен даже утверждал, что гренландские норманны к XV в. физически и психически деградировали. Были налицо признаки рахита, подагрических и ревматических изменений, как и узкий таз у части женщин, которые из-за этого не могли рожать. Мала емкость всех 25 найденных на кладбище черепов. Зубы у всех были изношены от кариеса, стоматита, стирания гравием или песком, находившимся в хлебе, хотя возраст старших из умерших едва переваливал за 30 лет⁷⁶. Позвоночники некоторых из гренландских норманнов были сгорблены. Скрюченными умершие и были положены в могилу⁷⁷.

Когда летом 1961 г. при рытье канав под фундамент здания будущей школы-интерната вблизи бывшего хутора Браттахлуа обнаружили в земле человеческие кости, то оказалось, что именно здесь было кладбище первых христиан Гренландии — возле руин церкви Тьёдхильды. Церковь очень маленькая: 2×3,5 м, стоя рядом там могло поместиться 20—30 прихожан. В 150 могилах одежда не сохранилась, но обнаружены останки 96 современников Эйрика Рыжего и Тьёдхильды. Может быть, там имеются останки и их самих. Средний рост взрослых мужчин — 177 см, а у четверых — 184—185 см. Средний рост женщин — 166 см. Археологов поразило, что среди захороненных всего 10 детей, хотя в древности и средневековье велика была именно детская смертность⁷⁸. Но если вспомнить о существовании скандинавского метода ограничения деторождения, который был прекращен много времени спустя, после введения христианства в Гренландии, — выбраковки слабых и лишних новорожденных отцом с учетом им положения дел в своем хозяйстве, — то это малое число детских скелетов на церковном дворе легко объяснимо. Так, в «Финнбогасаге» говорилось, что такого новорожденного клали на пустоши с куском мяса во рту, — чтобы не слышно было плача, — меж двух камней с третьим в качестве крышки⁷⁹.

Эпоха расцвета поселений гренландских норманнов совпадает с подъемом скандинавских стран в Европе и Исландии — примерно от 1100 до 1250 г. Ведь тотчас после эпохи викингов на севере Европы развилась торговля, особенно в Норвегии. Этот же период совпал с учреждением в Гренландии католического епископства. «Сага об Эйнаре, сыне Сокки» сообщает об этом, как о выполнении желания аллманнатинга, собранного в Браттахлуе наследником рода Эйрика Рыжего — Сокки, сыном Торера. Присланный архиепископом из Лунда епископ Арнальд избрал резиденцией один из крупнейших хуторов Гренландии — в Гардаре⁸⁰, что на берегу Эйнарфьорда, на самом узком перешейке к Эйриксфьорду. Это произошло в 1126 г., тогда же туда было перенесено место аллманнатинга, а сам хутор, небывало расстроившийся и обнесенный каменным забором, стал скорее напоминать укрепленную резиденцию.

Среди разбросанных построек особо обращали на себя внимание усовершенствованный гангхюс на последнем этапе своего развития, кафедральный собор св. Николая, покровителя моряков, и особенно скотный двор. Кафедральный собор, крестовый в плане, имел размеры 27×16 м необыкновенно высокую колокольню, высотой, возможно, от 18 до 40 м. Трудно сказать, сколько здесь жило и кормилось людей, но имеются подсчеты, что на подати прихожан со всех гренландских норманнов епископат содержал, помимо епископа, многих священников, их помощников и учеников, монахов, звонарей, мальчиков из хора, хозяйственников, прислугу, а также охотников, рыбаков, рабочих хутора и пастухов, доярок,стряпух, ткачих и детей своеобразного интерната, возможно, от 100 до 200 (ко времени расцвета в 1300 г.) человек. Достаточно сказать, что объединенная хозяйственная постройка, состоящая из коровника и гумна, имела длину 64 м и стояла для 100 коров. Гангхюс протянулся на 54 м, в нем лишь зал для приема гостей имел размеры $16,75 \times 7$ м, т. е. 132 м^2 ⁸¹.

С 1261 г. гренландские норманны, испытывая все большую потребность во многих товарах из Норвегии, согласились, наконец, платить подати королю Норвегии Хокону Хоконссону, прося взамен посылать им с товарами по кораблю в год (Гренландскнаррен, как он назывался, т. е. «торговый корабль Гренландии»). Тем самым Гренландия стала заморской территорией Норвегии.

Однако фактическим хозяином в самой Гренландии оставалась католическая церковь в лице ее единовластного правителя — епископа. Можно сказать, что это был также и единственный феодал на острове.

При инспекторе епископства Иваре, сыне Бордара (1341—1368 гг.) католическая резиденция в Гардаре владела всем Эйнарсфьордом, десятины и налоги создавали богатства в Гардаре, а моржовый клык, вадмель и другие товары отправлялись в Европу.

Епископ был единственным, кто имел постоянную связь с Европой и с сильнейшим владыкой Европы того времени — папой римским. И даже, когда епископы перестали приезжать в свою резиденцию в Гренландии, управляя паствой из Скандинавии, налоги взимались в той же мере.

Еще в XIII в. гренландские норманны стали чувствовать нехватку корабельной связи с Европой, своих кораблей уже не было. Упадок самой Норвегии и ее торговли, отказ в 1344 г. Ганзы торговать с Гренландией поставили норманнов острова в труднейшее экономическое положение. А те корабли Ганзы, которые достигали Гренландии, приносили теперь из Европы опустошительную Черную смерть — чуму. Связи затухали. Во время правления Норвегией короля Магнуса (1319—1371 гг.) в Норвегию пришли вести о нападении на норманнов скрелингов, о встрече и взаимоотношениях с которыми мы сообщим ниже. О спасательной экспедиции лишь поговорили в Норвегии. Когда же Норвегия вошла в 1380 г. в унию с Данией, торговля с Гренландией была провозглашена датской королевской монополией. Но в 1389 г. королем стал Эрик Померанский, который запретил купцам датско-норвежского государства плавать в Гренландию. Может быть, это и был смертный приговор гренландским норманнам. Хотя, казалось бы, почему общество животноводов, рыбаков и охотников должно исчезнуть?

Тем не менее, в XVI в. норманны Гренландии исчезли. Свидетельство о, возможно, последнем, но уже мертвом гренландском норманне записал в 1625 г. исландец Бьёрн Йоунссон со слов глубокого старика Йона (по кличке Гренландец), которого однажды в дни его далекой молодости занесло в шторм на немецком корабле из Гамбурга в один из фьордов, возможно, на юго-западе Гренландии (Херьольвснес?): «Там нашли они мертвого человека, лежащего носом вниз. Он имел на голове добротнo сшитый капюшон. Его остальная одежда была частично из вадмеля, частично из тюленьей шкуры. Подле него лежал согнутый поделочный нож, сильно изношенный и утонченный частыми заточками»⁸². Полагают, что плавание Йона Гренландца в дни его юности состоялось в 1540 г.

О причинах исчезновения гренландских норманнов за последнее столетие выдвинуты и сохраняют силу несколько научных гипотез, и все они в той или иной мере обоснованны.

Наиболее общая причина, на которую обращают внимание почти все специалисты, но не все придают ей решающее значение, состоит в ухудшении климата. Главную роль в гибели гренландских норманнов отводили ухудшившемуся климату датские археологи Даниель Брююн⁸³, Поул Нёрлунд⁸⁴, Оге Рассел⁸⁵, исландский географ и геолог Сигурдур Тораринсон⁸⁶. Они полагали, что довольно мягкий климат X—XI вв. становился все жестче с конца XIII в. и достиг тяжелых, критических пределов в XIV—XV вв. Граница растительности опустилась, оскудели паст-

бища, на них и на селения наступали ледники, а паковые льды блокировали с моря побережье, мешая судоходству.

Американец Мартин Спессер, изучив циклические изменения климата Земли, установил, что после самого теплого в период нашего летосчисления времени между 600 и 700 г. предельное похолодание относится примерно к 1433 г. Почти в то же время, в 1438 г., Карл VII торжественно вступил в Париж, и источники отмечают столь суровую зиму, что волки из Булонского леса вбегали в поисках тепла на улицы городов. Из китайских анналов также явствует, что в XIV в., особенно в 1370—1385 гг., на солнце наблюдалось необычное множество пятен. В Исландии в XIV и XV в. было несколько тяжелейших неурожайных лет, связанных с похолоданием, и нередко это приводило к падежу скота. Так, в 1483 г. в Исландии было 233 000 овец, а год спустя после очень холодной зимы и весны их осталось только 42 000.

Фритьоф Нансен, не отрицая ухудшения климата, все же отказывался признать его причиной гибели гренландских норманнов. Он полагал, что летняя температура была достаточной для существования людей и животных. В очень суровые годы и даже десятилетия гренландские норманны могли выселиться к берегу и от традиционного животноводства полностью перейти к морским промыслам, освоить инвентарь скрелингов — эскимосов культуры инугсук, которые к тому времени, в XIII—XIV вв., продвигаясь с севера вдоль западного берега Гренландии, вошли в соприкосновение с норманнами.

Самое первое свидетельство о донорманнских аборигенах относится еще ко времени заимки земли норманнами. В «Ислендингабоке» сообщается: «Они (норманны) нашли там много жилищ как на востоке, так и на западе (*austr oc vestr*, очевидно, иное написание для Эстрибюгдара и Вестрибюгдара. — Г. А.) страны и остатки кожаных лодок и каменного инвентаря, так что из этого следовало, что там странствовал какой-то народ, который норманны называли скрелинги»⁸⁷.

Из этого сообщения историки делают вывод, что «норманны нашли страну необитаемой»⁸⁸, а археологи по датировке находок на С-14 полагают, что предшествующие эскимосы культуры дорсет уже в начале 800-х годов покинули западную Гренландию⁸⁹ (возможно, ушли в восточную, где их потом впервые обнаружили и описали датчане лишь в XIX в.). Но уже в XI в. в промысловой поездке на север вдоль западной Гренландии норманны встретили скрелингов в маленьких каяках из шкур, и результатом встречи было обсуждение затем первыми того, что «кровь скрелингов течет иначе»⁹⁰. В дальнейшем встречи были как враждебными, так и мирными, с товарообменом.

Нансен отрицал возможность уничтожения эскимосами норманнов и указывал, что главная особенность психического склада эскимосов, по его личным наблюдениям во время жизни среди эскимосов, — миролюбие⁹¹. Но ныне и скандинавы миро-

любивы. Не то было в эпоху викингов, когда они по воинственности превосходили, пожалуй, всех современников. Однако в подтверждение тесных связей норманнов с эскимосами он приводит сообщение 1347 г., где говорится: «Обитатели Гренландии добровольно отпали от истинной веры и религии христиан, а затем, отбросив все добрые обычаи и истинные добродетели, повернулись к народу нового мира»⁹² (т. е. «явно к эскимосам», говорит Нансен).

Итальянец К. Джини⁹³ и норвежец Х. Ингстад по-своему поддерживали возможность такого слияния норманнов с эскимосами, правда, применительно лишь к Вестрибюгдару. Они утверждают, что в такой обособленной общине, в какую превратился Вестрибюгдар, мужское население должно было сокращаться быстрее, чем женское⁹⁴. По их мнению, гренландские норманнки оказались там в значительном большинстве и в конечном итоге (около 1347 г., т. е. согласно вышеприведенному тексту, найденному в архиве Ватикана) «под угрозой остаться без мужа» соединились с эскимосами.

Датский ученый Теркель Матиассен в 1935 г. высказал мысль, что даже для Вестрибюгдара такое толкование совсем не обоснованно, так как оно не подтверждено антропологическими исследованиями⁹⁵. Ингстад тоже знает, что антропологи не находят следов средневекового смешения рас, но все же оставляет для себя лазейку. Он говорит, что норманнок было мало и что поэтому не удастся найти изменения в антропологическом облике эскимосов⁹⁶.

Более реальной некоторые считают гибель норманнов от вооруженных стычек с численно превосходящими их эскимосами. К такому выводу склонялись миссионеры норвежец Х. Эгед (XVIII в.)⁹⁷ и датчанин Х. Х. Эстергор (XIX в.), а также упомянутый выше ученый Т. Матиассен.

Сторонники гипотезы истребления норманнов эскимосами считали, что Вестрибюгдар был уничтожен около середины XIV в. Во всяком случае, И. Бордсен в 1350 г. писал, что «когда они достигли цели (Вестрибюгдара), то не нашли никаких людей, ни христиан, ни язычников, а лишь одичавший крупный рогатый скот и овец, за счет которых они обеспечивались настолько, что едва вмещали корабли»⁹⁸. Один из документов свидетельствует, что в 1379 г. эскимосы напали даже на Эстрибюгдар, убили 18 человек и увели двух подростков с собой⁹⁹. Да и эскимосский топоним урочища Херьольвснаса свидетельствует о неблагоприятной судьбе бывшего хутора: *ikigait* означает «место, которое уничтожено огнем». Раскопки в Гардаре также показали действие сильного огня — обилие древесного угля и оплавленный шлак от металлических предметов¹⁰⁰. Кроме того, археологами доказано, что именно в XIV в., возможно, в связи с похолоданием, происходило массовое перемещение эскимосов вдоль берега на юг. Это была волна эскимосов культуры инугсу. Эгед предполагал, что их было до 30 000,

а норманнов в ту пору, в XIV в. — 3000, и они были разбросаны небольшими группами по своим хуторам ¹⁰¹.

Возможно, в пользу именно этой гипотезы о гибели норманнов от эскимосов свидетельствует тот факт, что около 1530 г. в Исландию пригнало волнами много кораблей из кож, «пропитанных тюленьим жиром», который нигде больше для такой цели не употреблялся, кроме Гренландии. Корабли были без железных гвоздей, с каркасами из тонких ветвей и на них совершенно не было людей. На единственном среди всех кораблей весле скандинавскими рунами было вырезано: «Часто бывал я усталым, когда тащил тебя» ¹⁰².

Оригинальную гипотезу выдвинул датский геоботаник Юханнес Иверсен ¹⁰³. Считая, как и Нансен, что похолодания в катастрофических формах не было, он утверждает, что климат все же изменился. По его мнению, лето стало сухим, а это способствовало небывалому нашествию травяной моли *Agrotis oculata*, которая уничтожила растительный покров, погубив тем самым корм для скота и сам скот. Иверсен пишет, что норманны вынуждены были перейти из внутренних частей фьордов к морскому побережью и заняться промыслом морского зверя. Но здесь, на берегу и на воде, они были истреблены спустившимися с севера эскимосами. И хотя гипотеза Иверсена, казалось бы, была подтверждена обнаружением слоев чешуек с крылышек бабочек и личинок травяной моли в земле, находки эти локальные, касаются только колонии Вестрибюгар, и неизвестно, в какой мере можно распространять его гипотезу на все поселения гренландских норманнов.

Датчанин Х. Л. Вебэк, соглашаясь с Иверсеном в том, что климат летом стал сухим, отводит главную роль в уничтожении норманнов высыханию пастбищ из-за нехватки влаги и регулярно наступавшим пескам, что также подтверждено песчаными отложениями на месте прежних дворов ¹⁰⁴.

Чумные и другие эпидемии в Европе, а также в Норвегии и Исландии в XIV и XV в. могли оказаться завершающим ударом по норманнам. Канадец исландского происхождения В. Стефанссон в 1906 г. сравнил число потомков эскимосов (их осталось 30) в дельте р. Макензи с численностью их в 1848 г. до волны эпидемий здесь, когда Рихардсен насчитывал их около 2000 ¹⁰⁵. Это сравнение подтверждает реальность гипотезы об исчезновении гренландских норманнов вследствие имевших тогда место эпидемий.

Выдвигаются гипотезы, в частности тем же Х. Ингстадом ¹⁰⁶, о том, что колонии гренландских норманнов могли быть истреблены европейскими пиратами в XV и в начале XVI в., когда они не оставляли в покое даже очень удаленные от Европы острова — ни Фарерские, ни Исландию.

Многие исследователи уделяют большое внимание фактору прекращения контактов Гренландии с Норвегией. Причем, единодушно считая этот факт губительным для колоний, они

выдвигают разные причины самого этого прекращения контактов.

Горячие дискуссии вызвала гипотеза датского антрополога Фр. Х. Х. Хансена о физической и психической дегенерации гренландских норманнов под воздействием различных сложившихся здесь неблагоприятных факторов: сурового климата, скудости питания, вытекающих отсюда характерных заболеваний. В основе выводов Хансена, опубликованных в 1924 г., лежит исследование 25 человеческих скелетов с хорошо сохранившейся на них одеждой¹⁰⁷. Скелеты были найдены при археологических раскопках в 1921 г. на церковном дворе в Херьольвснесе, в 50 км северо-западнее мыса Фарвель. Напомним, что это один из самых первых норманнских хуторов, возникших в Гренландии. Просуществовал он, как оказалось, дольше всех, и находки на нем — самые поздние, конца XV в.

При изучении 25 черепов от найденных скелетов нельзя было заметить каких-либо признаков смещения с эскимосами. Но удивительно мала у этих норманнов емкость черепа, не идущая ни в какое сравнение с эскимосами Гренландии, живущими в тех же, что и норманны, тяжелых физико-географических условиях, но обладающих черепом нормальной емкости.

Гипотезу Хансена могли поддержать или опровергнуть новые исследования скелетного материала в других частях Эстрибюгдара и Вестрибюгдара. Но датские антропологи К. Фишер-Мёллер¹⁰⁸ и Е. Б. Ергенсен¹⁰⁹ по находкам в Эстрибюгдаре, в частности — самым древним на церковном дворе Браттахлуи утверждают, что ни об измельчании людей, ни тем более психической деградации говорить не приходится.

Данные по Браттахлуи начала XI в. все же не могут опровергнуть доводов Хансена о дегенерации норманнов в XV в. на Херьольвснесе, ибо в Браттахлуе скелетный материал относится к начальному этапу колонизации Гренландии, а других находок в Гренландии нет. Правда, и у этих скелетов заметны аномалии — признаки сильной подагры. Однако все черепа нормальной емкости. Но ведь впереди у потомков этих в действительности первых норманнов острова было еще 400—500 лет жизни в крайне неблагоприятных условиях! Еще важнее другое: достаточно ли убедителен критерий емкости черепа, чтобы судить об уровне психического развития? Во всяком случае, против гипотезы Хансена ополчились почти все антропологи, знакомые с его выводами.

И наконец, может быть, последняя гипотеза: норманны выселились из Гренландии в Америку, т. е. в упомянутые выше Маркланд или Винланд. Эту гипотезу поддерживают американец шведского происхождения Я. Р. Холанд¹¹⁰, норвежцы Е. Кр. Турнёе¹¹¹ и Х. Ингстад¹¹². Они приводят в качестве доказательств свидетельства европейцев XVI—XVII вв., преимущественно португальцев и англичан, которые отмечали в своих дневниках

сходство некоторых индейцев, живших на Ньюфаундленде и в других восточных частях Канады, с европейцами.

Отчего же все-таки вымерли потомки норманнов в Гренландии? Очевидно, от комплекса всех перечисленных выше факторов, легших в основу не исключających друг друга гипотез. И все эти факторы в большей или в меньшей степени способствовали вымиранию норманнов или исчезновению их из Гренландии. Ни одну из перечисленных гипотез отбросить нельзя. При этом нельзя отвести и утверждения, кажушиеся самыми фантастическими, в частности — о переселении гренландских норманнов в Америку. Науче нужны еще многие и разносторонние факты для выяснения судьбы гренландских норманнов.

Сравнивая этническую историю гренландских норманнов с таковой исландцев и фарерцев с их законсервировавшимися вариациями древнесеверогерманского языка, как своими особыми языками, и самосознанием отдельных этносов, мы видим много аналогичного в развитии этих популяций. Но исландцы и фарерцы сумели создать свою специфическую культуру, приспособленную к новым местам обитания, т. е. стать особыми этносами, адаптироваться к новой среде и выжить.

Гренландские же норманны не сумели стать новым этносом, хотя и были близки к вступлению на этот путь. Продвинувшись по нему им помешали, видимо, стремление не менять кардинально свой образ жизни и максимально сохранять связь с Европой. Когда эти связи прервались, а условия жизни усложнились, популяция, не сумевшая стать всецело приспособившимся к новой родине этносом, вымерла.

¹ Campbell A. Keltisk och nordisk kultur i möte paa Hebriderna // *Folkliv, Acta ethnologica et folkloristica Europae*, Stockholm, 1943—1944. Т. 7—8. S. 230.

² *Dicvili liber De mensura orbis terrae* a Gvstave Partley recognits Berolini in aedibvs Friderici Nicolii. 1870. Kap. VII. § 14. S. 44.

³ *Landnámabók // Islendinga saga*. Reykjavik. 1953. 1. S. 36—75.

⁴ Например, внук первопоселенца Фарерских островов некоего Гримпа с кельтской кличкой Камбан, т. е. «кривой, сутулый, горбатый»: *Færeyinga Saga oder Geschichte der Bewohner der Färöer*. Kopenhagen, 1833. S. 7.

⁵ *Стеблин-Каменский М. И.* Культура Исландии. Л., 1967. С. 19.

⁶ *Holmsen A. Norges historie fra de eldste tider til 1660*. Oslo; Bergen, 1961. S. 125; имеются и другие цифры. М. И. Стеблин-Каменский (Культура Исландии. С. 19) утверждает, что «несколько десятков тысяч — примерно столько же, сколько их было в начале XIX в.». А их было «в 1801 г. 47 тысяч» (*Васильев Я. А.* Исландия вчера и сегодня. М., 1986. С. 87.): Л. С. Серебрянный (Исландия. М., 1969. С. 112) предлагает вариант: «оценки численности населения... колеблются от 20 до 70 тыс. человек со средним значением ок. 30 тысяч».

⁷ *Стеблин-Каменский М. И.* Культура Исландии. С. 20.

⁸ *Gad F. Grønlands historie*. København, 1967. 1. S. 40.

⁹ *Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse, Beboelse og Landnamsmænd // Grønlands Historiske Mindesmærker*. Kjøbenhavn (далее — GHM). 1838. Bd. 1. S. 172.

¹⁰ *Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse*. . . S. 182, Anm. 1, где рассказывается, что дедом Торвальда по мужской линии был Юксна-Торир, от которого произошли многие займщики земли.

¹¹ Ввиду прозрачной, осознаваемой тогда этимологии топонимов и антропонимов

раннего средневековья и дополнительной для читателя характеристики как среды обитания, так и кличек людей, мы всюду, по возможности, будем давать в скобках русское значение этого названия.

- ¹² Uddrag af Floamanna-Saga, indeholdende Thorgils Thordarsøns, kaldet Orra-beinsfostres. Liv og Levnet // GHM. 1838. Bd. 2. S. 56—57. «Датско-русский словарь» (М., 1960. С. 319), например, утверждает, что «jarl (ист.) — ярл, удельный князь, граф». Для X в. будем считать осторожнее, без синонимизации с феодальными титулами: ярл — могущественный лидер ряда влиятельных семейных общин во главе с их хёвдингами, первый среди равных в части или во всей Норвегии. Аналогична этимология «конунг» с предпочтительным значением для всей Норвегии.
- ¹³ Erik den Rødes Saga eller Fortællinger om Erik den Røde og om Grønlandene // GHM. 1838. Bd. 1. S. 202—203.
- ¹⁴ Например: *Брандис Е.* Походы викингов и открытие Америки // Оливье Ж. Поход викингов. М., 1963. С. 10.
- ¹⁵ Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 174; Erik den Rødes Saga... S. 202; Thorfinn Karlsefnes Saga // GHM. 1838. Bd. 1. S. 358.
- ¹⁶ Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 174; Erik den Rødes Saga... S. 202; Thorfinn Karlsefnes Saga. S. 358; *Bolstad Ø.* Sagaen om norskebygdene på Grønland. Oslo, 1945. S. 48; М. И. Стеблин-Каменский (Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 87, 106) переводит это слово как «скамьевые доски».
- ¹⁷ Uddrag af Eyrbyggja om Grønlandernes islandske Hjemstavnns første Beboelse og Tildragelser, samt Grønlands ældste Nybyggeres Levnet // GHM. 1838. Bd. 1. S. 606—609.
- ¹⁸ Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 176; Erik den Rødes Saga... S. 202; Thorfinn Karlsefnes Saga. S. 360.
- ¹⁹ *Bolstad Ø.* Sagaen om norskebygdene på Grønland. S. 35.
- ²⁰ *Gad F.* Grønlands historie. 1. S. 42.
- ²¹ *Holmsen A.* Norges historie. S. 128; *Krogh K. J.* Viking Greenland. København. Odense, 1967. S. 8.
- ²² Grønlander Sagaer. Aarhus, 1955. S. 7; *Ingstad H.* Vesterveg til Vinland. Oslo, 1965. S. 17; *Gad F.* Grønlands historie. 1. S. 42.
- ²³ *Olsen O., Grumlin-Pedersen O.* Fem vikingeskipe fra Roskilde Fjord. København; Odense, 1969. S. 119.
- ²⁴ Ordbog over Det gamle norsk Sprog. Oslo; Bergen; Tromsø, 1973. Bd. 2. S. 113.
- ²⁵ Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 176—178.
- ²⁶ Ur Íslendingabók Ara Prests hins fro a // GHM. 1838. Bd. 1. S. 168; Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 178; Erik den Rødes Saga... S. 204; Thorfinn Karlsefnes Saga. S. 362.
- ²⁷ Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 178.
- ²⁸ «Это произошло за 15 зим до того, как христианство законным путем было введено в Исландии», — свидетельствуют «Книга заимки земли» (Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 178) и «Сага о гринландцах» (Erik den Rødes Saga. S. 206), а в «Книге об исландцах Ари Мудрого» говорится, что это произошло за 14 или 15 зим до законного принятия христианства в 1000 г. (Ur Íslendingabók Ara Prests... S. 170).
- ²⁹ Таков подсчет исследователей — норвежца Э. Булстада (Sagaen om norskebygdene på Grønland. S. 38) и датчанина Ф. Гада (Grønlands historie. 1. S. 44).
- ³⁰ Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 178.
- ³¹ Erik den Rødes Saga... S. 206.
- ³² Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 178; Erik den Rødes Saga... S. 206.
- ³³ *Bolstad Ø.* Sagaen om norskebygdene på Grønland. S. 38.
- ³⁴ Brudstykker af landnama om Grønlands Opdagelse... S. 178—180.
- ³⁵ Udtog af Konungs Skuggsjo angaaende Grønlands Belligenhed og physiske Mærkværdigheder // GHM. 1845. Bd. 3. S. 315.
- ³⁶ *Gad F.* Grønlands historie. 1. S. 46.
- ³⁷ Nansens Røst, Samling av avisartikler, taler og foredrag. Bd. 2. Oslo, 1942. Bd. 2: (1884—1905). S. 12.

- ³⁸ *Ostenfeld C. H.* The flora of Greenland and its origin // Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Biologiske Meddelelser, København, 1926. Bd. VI, 3. S. 71.
- ³⁹ *Bolstad Ø.* Sagaen om norskebygdene på Grønland. S. 50.
- ⁴⁰ Например, *Gad F.*, Grønlands historie. 1. S. 47.
- ⁴¹ Thorfinn Karlsefnes Saga. S. 382.
- ⁴² Uddrag af Eyrbyggja om Grønlandernes islandske Hjemstavns første Beboelse og Tildragelser... S. 716.
- ⁴³ Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 180.
- ⁴⁴ Uddrag af Eyrbyggja om Grønlandernes islandske Hjemstavns... S. 716, Anm. 81 — S. 737—738.
- ⁴⁵ *Bolstad Ø.* Sagaen om norskebygdene på Grønland. S. 49.
- ⁴⁶ О месте тинга и вообще о правовых нормах Вестрибюгдара нет никаких письменных свидетельств.
- ⁴⁷ Thorfinn Karlsefnes Saga. S. 383—400, 406.
- ⁴⁸ Uddrag af Floamanna—Saga... S. 86, 88, 126—128, 122—126, 130—138.
- ⁴⁹ Ur Íslendingabók Ara Prests... S. 170.
- ⁵⁰ Uddrag af Eyrbyggja om Grønlandernes islandske Hjemstavns... S. 668.
- ⁵¹ Ibid. S. 666, 668.
- ⁵² Важно отметить поразительный контраст того, кому служили отцы и сыновья. Эйрик в молодости служил в дружине ярого язычника Хакона ярла. Вьярни, сын упомянутого выше Херьюльва Бардарсона, был около 986 г. в почете при дворе другого язычника Эйрика ярла, лютого врага христианина конунга Олава Трюгвасона.
- ⁵³ Thorfinn Karlsefnes Saga. S. 384—388.
- ⁵⁴ Uddrag af Kong Olaf Tryggvesøns Saga, forfattet af Gunløg Leifson / GHM. 1838. Bd. 2. S. 224.
- ⁵⁵ Af Olaf Tryggvesøns Saga i Snorre Sturlesøns Heimskringla eller Norske Kongers Historie // GHM. 1838. Bd. 2. S. 226: «pat er hann hafði flutt ske manium til Grænlands svá kallaði hann prestinn».
- ⁵⁶ Brudstykker af Landnama om Grønlands Opdagelse... S. 174, 183—184; Erik den Rødes Saga... S. 202, 256—257; Thorfinn Karlsefnes Saga. S. 356, 357, 359, 382—383, 388, 467, 471.
- ⁵⁷ Thorfinn Karlsefnes Saga. S. 388. В 1961 г. датскими археологами найдены соответственно этому ориентиру руины христианского храма: *Meldgård J.* Fra Brattahlid til Vinland // Naturens Verden. København, 1961. S. 353 og fig.; *Idem.* Tjodhildes kirke på Brattahlid // Grønland. København, 1964. S. 281 og fig.; *Idem.* Nordboerne på Grønland, en vikingebygds historie // Søndag-suniversitet. København, 1965. S. 46—48, 53 og fig.
- ⁵⁸ Thorfinn Karlsefnes Saga. S. 388.
- ⁵⁹ Fortælling om Einar Sokkesøn // GHM. 1838. Bd. 2. S. 682.
- ⁶⁰ Thorfinn Karlsefnes Saga. S. 386.
- ⁶¹ Это название все авторы ошибочно переводят как «страна винограда», хотя vin можно истолковать только как «вино»; следовательно — «винная страна». Норвежский исследователь Х. Ингстад предлагает самую древнюю этимологию из скандинавских языков: vin — луг, пастбище, следовательно, — «страна настиж, луговая страна». *Ingstad H.* Vesterveg til Vinland. Oslo, 1965. S. 82—84.
- ⁶² Erik den Rødes Saga... S. 210, 230, 232, 238.
- ⁶³ «Исландские анналы» от 1121 г. сообщают, что первый епископ Гренландии Эйрик из Упси отправился в этом самом году искать Винланд и не вернулся (Íslandske Annaler. Christiania. 1888. S. 112). В «Исландских анналах» от 1347 г. сообщается, что «прибыл корабль без якоря из Гренландии с экипажем 17 или 18 человек, они плыли в Маркланд, но шторм завернул их сюда» (Íslandske Annaler. S. 213). Маркланд, по предположению многих ученых, — нынешний Лабрадор.
- ⁶⁴ Kongsspegelen. Oslo, 1965. S. 69; Udtog af Konúngs Skuggsjó... S. 332—333.
- ⁶⁵ *Bruun D.* Den arkæologiske Expedition til Julianehaab-Distrikt 1894 // Geografiske Tidsskrift. Kjøbenhavn, 1895—1896. Bd. 13.
- ⁶⁶ *Nørlund P.* Buried Norsemen at Herjolfsnes // Meddelelser om Grønland. Kjøbenhavn. (далее — MoG. K.). 1924. Bd. 67. S. 1—270.
- ⁶⁷ *Nørlund P., Stenberger M.*, Brattahlid // MoG. 1934—1936. Bd. 88.

- ⁶⁸ Нельзя согласиться с утверждениями советского историка В. Е. Возгрин, когда он пишет об этих двух группах хуторов: «В обоих селениях, а также множестве хуторов», «Естербюгден и Вестюрбюгден выросли в довольно крупные поселения. Они не были похожи на европейские города... потому что не имели стен... По количеству же горожан (2 тыс. человек) Естербюгден можно сравнить с тогдашним Копенгагеном... Многие норманны селились вдали от городов... В город эти отшельники приходили крайне редко... Век спустя закончил свое существование и Естербюгден. Крупнейший гренландский город был изолирован от Европы с 1441 года... Город был обречен... город боролся... забрали горожан в плен» (*Возгрин В. Е. Гренландские норманны // Вопр. истории. 1987. № 2. С. 186—187*). Не было у гренландских норманнов ни городов, ни горожан. Скандинавские *gard*, *gård* (в произношении — «гард, горд, гор») означает только «двор, хутор, усадьба», *bygd* — «сельская местность, группа хуторов, дворов, усадеб».
- ⁶⁹ Gripla // GHM. 1945. Bd. 3. S. 222—225. Beskrivelser over Grønland af et ældgammelt Haandskrift // GHM. 1845. Bd. 3. S. 228; *Jonsson F. Grønlands gamle Topografi efter Kilderne // MoG. 1899. Bd. 20. S. 297; Krogh K. J. Thjodhildes kirke på Brattahlid // Nationalmuseets Arbejdsmark 1963—1965. Odense. 1965. S. 6.*
- ⁷⁰ *Ernsgaard E. Grønland i tusende år. Viborg, 1982. S. 6.*
- ⁷¹ *Bolstad Ø. Sagaen om norskebygdene på Grønland. S. 52.*
- ⁷² *Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. С. 13.*
- ⁷³ *Bolstad Ø. Sagaen om norskebygdene på Grønland. S. 83.*
- ⁷⁴ *Ernsgaard E. Grønland i tusende år. S. 14.*
- ⁷⁵ *Nørlund P. Buried Norsemenn. S. 1—270.*
- ⁷⁶ *Hansen Fr. C. C. Antropologia medico-historica Groenlandiae antiquae. I: Herjolfsnes // MoG. 1924. Bd. 67. S. 291—547.*
- ⁷⁷ *Ernsgaard E. Grønland i tusende år. S. 14.*
- ⁷⁸ *Krogh K. J. Thjodhildes kirke på Brattahlid. S. 5—18.*
- ⁷⁹ *Ernsgaard E. Grønland i tusende år. S. 14.*
- ⁸⁰ *Fortælling om Einar Sokkesøn. S. 694—696.*
- ⁸¹ *Bolstad Ø. Sagaen om norskebygdene på Grønland. S. 80; Ingstad H. Landet under Leif arstjernen. Oslo, 1959. S. 300—310.*
- ⁸² *Den saakaldte Jon Grønlænders Beretning om formeentlige Levninger af Grønlands fra de islandske Colonister nedstammende Indbyggere, omtrent fra 1540 // GHM. 1845. Bd. 3. S. 513—516.*
- ⁸³ *Bruun D. The Icelandic colonization of Greenland and the finding of Vinland // MoG. 1918. Bd. 57.*
- ⁸⁴ *Nørlund P. De gamle Nordbobygder ved Verdens Ende. København, 1967. S. 46.*
- ⁸⁵ *Roussel Aa. Sandnes // MoG. 1836. Bd. 88, N 2, S. 71. Idem. Farms and Churches // MoG. 1941. Bd. 89, N 1. S. 9.*
- ⁸⁶ *Torarinsson S. Vinlandsproblemet // Ymer. Stockholm. 1942. Vol. 62. S. 39—46.*
- ⁸⁷ *Ur Íslendingabók Ara Prests... S. 168.*
- ⁸⁸ *Gad F. Grønlands historie. 1. S. 31.*
- ⁸⁹ *Larsen H., Meldgård J. Paleo-Eskimo Cultures in Disko Bugt, West Greenland // MoG. 1958. Bd. 161, N 2. S. 40.*
- ⁹⁰ *Lidegård M. Grønlands historie. København, 1961. S. 24.*
- ⁹¹ *Nansen Fr. Eskimoliv. Kristiania, 1891.*
- ⁹² *Notice om Grønlændernes Frafald fra den christelige Tro og Udvandring til America 1347 // GHM. 1845. Bd. 3. S. 459—463.*
- ⁹³ *Gini C. De norrøne grønlandsbygders undergang // Naturen. Bergen, 1957. S. 410—432.*
- ⁹⁴ *Ingstad H. Landet under Leif arstjernen. S. 511.*
- ⁹⁵ *Mathiasen T. The Eskimo archaeology of Julianehaab district // MoG. 1936. Bd. 118, N 1. S. 52.*
- ⁹⁶ *Ingstad H. Landet under Leif arstjernen. S. 496.*
- ⁹⁷ *Egede H. Det gamle Grønlands nye Perustration eller Naturel-Historie. København, 1741. S. 33.*
- ⁹⁸ *Baardssøn T. Det gamle Grønlands Beskrivelse. København, 1930. S. 39.*
- ⁹⁹ *Norsk Beretning, henhørende til Feiden mellem de skandinaviske Grønlændere og Skrælingerne eller Eskimoerne henved 1379 // GHM. 1845. Bd. 3. S. 464—465.*

- ¹⁰⁰ *Ingstad H.* Landet under Leidarstjernen. S. 533.
- ¹⁰¹ *Egede H.* Det gamle Grønlands. . . S. 36.
- ¹⁰² *Lidegård M.* Grønlands historie. S. 31.
- ¹⁰³ *Iversen J.* Moorgeologische Untersuchungen auf Grönland // Meddelelser fra Dansk geologisk Forening. Copenhagen, 1934. Bd. 8. *Idem.* Nordboernes Undergang paa Grønland i geologisk Belysning // Det grønlandsk Selskabs Aarskrift 1935. Copenhagen. 1935. S. 5—18.
- ¹⁰⁴ *Vebsæk C. L.* Middelalderlige bondegårde paa Grønland // Fra Nationalmuseets arbejdsmark 1941. København, 1942. S. 39—48.
- ¹⁰⁵ *Stefansson V.* The Stefansson-Anderson Arctic expedition of the American Museum: Preliminary ethnological report // Anthropological papers of the American Museum of Natural history. New York, 1914. Vol. 14.
- ¹⁰⁶ *Ingstad H.* Landet under Leidarstjernen. S. 531.
- ¹⁰⁷ *Hansen Fr. C. C.* Antropologia medico-historica Groenlandiae antiquae. 1: Herjolfsnes // MoG. 1924. Bd. 67, N 3. S. 56.
- ¹⁰⁸ *Fischer-Møller K.* The mediaeval Norse settlements in Greenland anthropological investigations // MoG. 1942. Bd. 89, N 2. *Idem.* Skeletons from ancient Greenland graves // MoG. 1938. Bd. 119. N 4.
- ¹⁰⁹ *Jørgensen J. B.* The Eskimo skeleton // MoG. 1953. Bd. 146.
- ¹¹⁰ *Holand H. R.* Explorations in America before Columbus. New York, 1956.
- ¹¹¹ *Tornøe J. Kr.* Columbus in the Arctic? Oslo, 1965. S. 56.
- ¹¹² *Ingstad H.* Landet under Leidarstjernen. S. 518—521; *Idem.* Vestervej til Vinland. S. 23, 103, 255.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ *

- Ааре р. 9, 15, 17
 Аванш гор. 11, 15, 17, 19, 20
 авары, аварские племена 31, 44, 79, 90, 99, 120, 122, 125, 127—128
 Августис гор. (древн.) 71
 Авантик[ум] гор. (древн.); см. Аванш 44
 Авиньон гор. 44
 авионы 150, 151
 Ад Геркулем гор. (древн.) 71
 Ад Медиас гор. (древн.) 71
 Адидже р. 80
 Адриатика 98, 101, 103—107, 109, 110, 165
 Адриатическое море 51, 98, 103—105
 Адтриценсинум гор. (древн.) 67
 Азия 3, 61, 62, 68
 Малая 61, 62, 68
 Айдер р. 131, 147, 149, 157—160
 Айдерштедт п-ов 155, 157
 Акве Лезитане гор. (древн.) 71
 Акве Неаполитане гор. (древн.) 71
 Аквилия гор. 64—69, 73, 78, 82
 Алалия гор. (древн.) 62
 албанцы 110
 албанские группы в Истрии 109
 алеманны, аламанны 21, 133
 аллоброги 14—16, 19, 20
 Алфатфьорд зал. 175
 Альпы г. 5, 9, 10, 14, 15, 20, 49, 64, 66, 73, 74, 78, 80—82
 Грайские и Пеннинские пров. римская (древн.) 20
 Лепонтинские 15
 Пеннинские 14
 Фрибурские 9
 Юлийские 80, 81
 амброны 152, 155—157
 Амеланд о-в 148
 Америка Северная 179, 189, 190
 Амрум о-в 152, 153, 157—159
 Ангельн обл. 144
 Англия 154, 155, 165
 англосаксы, англосаксонские племена 30, 41, 42, 139, 143
 англы 30, 41, 133, 134, 143, 145, 154
 ангриварии 144
 анты 124
 Аоста гор. 17
 Апеннинский п-ов 26, 48, 49, 52, 69, 74—76, 84, 99, 101, 104, 112
 Аппенцель кантон в Швейцарии 15
 Апулея, Апулия обл. (древн.) 54, 106
 арабы 87, 88
 Арв р. 16
 Арецо обл. 139, 140
 Артения гор. (древн.) 67
 арумыны 102
 Асти гор. 30
 Атлантика Северная 164, 166, 167, 170
 Аурих гор. 131
 Африка 3, 60, 61, 68, 72
 Бавары 30, 42, 103
 Базель гор. 11, 15, 17, 20
 балары 60, 61, 63, 72
 Балеарские о-ва 60
 Балканский п-ов, Балканы 74, 96, 98—100, 102, 103, 105—109, 111, 112
 Балтийское море 154
 барбарицыны 72, 73, 85
 Барбария, Барбаджа обл. (древн.) 5, 67, 72, 73, 92
 баски 3
 бастарны 73
 батавы 132, 133, 136, 139, 141, 143, 144
 Баффинова Земля о-в 179
 Безансон гор. 15
 Бельгия 146
 Берберия 58
 Бергамо пров. 83
 Бетгюм пос. (древн.) 140
 Бибракте пос. 16
 Биль гор. 17
 Бильское оз. 8, 9
 Биора гор. (древн.) 71
 Бития, Биция гор. (древн.) 62, 71
 Блоасерк ледник 170
 Боденское оз. 8, 10, 15
 Боза гор. (древн.) 71
 бои 73
 болгары 76
 Болонья гор., пров. 83
 Бонифаччо прол. 60
 Борделум нас. п. 148
 Боркум о. (древн. Бирханий, Буркана) 132, 145, 147
 Босния 109—111
 Брадерун нас. п. 159
 Браттахлуи пос. (древн.) 174, 175, 177, 179—181, 184, 189
 Брач о-в 103
 Брегенц гор. 15
 Бредштедт нас. п. 159
 Брейдабоульстадур пос. (древн.) 168
 Брейдифьорд зал. 168, 175
 Брешия пров. 31, 83
 Бриг гор. 15

* Составитель Е. А. Шервуд

- бригантии 15
- Британия 41, 141, 143
 - Римская пров. (древн.) 143
- Британские о-ва 30, 143, 144, 150, 151, 154, 164
- Бруттий обл. (древн.) 54
- Брюгге гор. 146
- Буйе община влахов в Истрии 109
- буньевцы 110
- булгары, болгары 31, 41
- Булон[ь]ский лес 186
- бургундионы 133
- бургунды 21
- Бут р. 65

- Ваал р. 133
- Ваддензе зал. 132, 135
- Вале кантон в Швейцарии 10, 11, 13, 14, 18—20
- Валенция гор. (древн.) 71
- Валь Камоника дол. 64
- Валь Тромпия дол. 64
- вандалы 74, 85, 86, 133, 146
- варцианы 98
- Ватсходн п-ов 167
- Вевер гор. 17
- Везер р. 134, 143, 145—148, 150, 152, 154, 158, 160
- Венгрия 99, 106
- венгры 80, 82
- венеды, венеты 51, 64, 67, 124
- Венето обл. 63
- Венеция гор., обл. 83, 99, 105, 106, 109
- Венеция и Истрия пров. (древн.) 54, 65—66, 69, 75
- Венож р. 9
- Венцона пров. 83
- верагры 14, 15
- Верона гор. 74
- Весонтион гор. (древн.); см. Безансон
- вестготы 74, 99
- Вестерго обл. 136, 138, 139, 144
- Вестерхевер нас. п. 159
- Вестланн обл. 165
- Вестрибюдгар обл. (древн.) 172, 179, 180, 187—189, 192
- Ветус гор. (древн.) 71
- Вехт р. 141
- Видо р. 131, 134, 158—160
- византийцы 75, 87, 88
- Византия, Восточно-Римская империя 31, 87, 89, 108, 164
- викинги 164—166, 177
- Вильнёв гор. 17
- винделики 15
- Виндиш гор. 15, 17
- Виндонисса гор. (древн.); см. Виндиш
- Виниола гор. (древн.) 71
- Винланд обл. (древн.) 179, 182, 189, 192
- винилы; см. также лангобарды 31
- Висла р. 133

- влахи 106—108, 110—112
 - далматинские 110
 - черные; см. морлаки 108
- Вли р. 134, 141
- Во кантон в Швейцарии 9, 11, 18
- Вогс обл. (древн.) 171
- Водняна гор. 104
- Воднянский округ (Истрия) 110
- вольски 49
- Восток Ближний 165
- Восточно-Фризские о-ва 132, 147
- Вьенн гор. 16

- Галлия 5, 15, 20, 44, 98
 - Бельгийская пров. римская (древн.) 20
 - Нарбоннская пров. римская (древн.) 15, 20
- галло-карны 64
- Гамбург гор. 185
- Гардар пос. (древн.) 175, 184
- Гардинг нас. п. 159
- гебридец 171
- Гебридские о-ва 165, 171
- гельветы 14—16, 19, 20
- Гельвеция пров. (древн.) 16, 18
- Гельголанд о-в 131, 135, 148, 152, 153, 158
- Гельголандская бух. 132
- Гемелле гор. (древн.) 71
- Генаб[ум] гор. (древн.); см. Орлеан
- Генава гор. (древн.); см. Женева
- Генуа гор. (древн.); см. Женева
- Генуя гор. 14
- гепиды 30, 41, 73, 76, 99
- Германия 9—11, 20, 133, 135, 136, 140, 142
 - Верхняя пров. римская (древн.) 20
 - Северная (древн.) 133, 136
- германошвейцарцы 7, 21
- германцы, германские племена/народы 12, 28, 31, 34, 37—40, 42, 99, 132, 133, 135, 136, 140—144, 147, 150, 151, 153, 154, 157
 - североморские 133
- гермундуры 133
- Герцеговина обл. 109, 111—112
- Глемона гор. (древн.) 67
- Голландия 133, 134, 138, 139, 144—146, 149, 162
 - Северная (древн.), пров. Нидерландов 134, 138, 139, 144—146
 - Южная пров. Нидерландов 133, 162
- Гольштейн обл. 143
- готы, готский племенной союз 28, 29, 42, 73, 75, 76, 133, 146
 - восточные; см. также остготы 28
- Градо гор. 67
- Грансон гор. 11
- Граубюнден кантон в Швейцарии 13, 15
- грейтунги; см. также остготы 28

- греки 60, 62
 греческие группы в Истрии 109
 Гренландия 164, 166, 167, 169—177, 179—185, 188—190
 гренландцы; см. также норманны гренландские 176, 177
 Греция 5, 51, 105
 Великая 51
 Гронинген гор., пров. 131, 134, 137, 138, 142—146
 Гуннбьерна шхеры о-ва (древн.) 169—171
 гунны 28, 99, 146
 Гурули[у]с Нова гор. (древн.) 71
 Даки 5, 120
 Дал пров. (древн.) 167
 далитерны 14
 далматинцы, далматы 98, 108
 Далмация 28, 54, 66, 75, 98—101, 103, 104, 108—113
 материковая 109
 пров. римская (древн.) 99
 северная 98, 101, 108
 средняя 108
 южная 98
 Дания 131, 134, 148, 157, 159, 166, 185
 даны (древн.), датчане 143, 149, 150, 157, 158, 160, 163
 Дардания пров. римская (древн.) 99
 Джемона гор. 83, 84
 Динарское нагорье 98
 доклеты 98
 Драва р. 80
 Дренте пров. 143—145
 Дубровник гор. 99, 101, 103, 108, 111
 Дунай р. 111, 133
 Нижний 111
 Евреи 68
 Европа, Европейский континент 3—6, 25, 39, 50, 61, 65, 88, 105, 106, 132, 138, 139, 161, 163, 164, 173, 181, 183—185, 188, 199
 Восточная 163
 Западная 25, 132, 161, 163, 164
 Северная 139
 Средняя 139
 Юго-Восточная 106
 Южная 105, 164, 181, 182
 Египет 5
 Женева гор. 10, 11, 14—18, 20
 Женевское оз. 8—11, 14, 15, 17
 Жейны пос. 111, 112
 Загорье далматинское обл. 111
 Задар гор., пос. 99, 100, 103
 Западно-Фризские о-ва 131, 147, 148
 Зеландия пров. 133, 148
 Зета обл. 109
 Зейдер-Зе зал.; см. Эйсселмер 144—146, 153, 157, 161
 Зильт о-в 150, 152, 153, 157, 159
 Золотурн гор. 16, 17
 Зрманья р. 99
 Иберийский п-ов 5, 61
 иберийцы, иберы 8, 60
 Иблиго гор. (древн.) 67
 Ивердон гор. 16
 Идрия мест. 63
 Изонцо р. 78
 Икигаут пос. (древн.) 187
 Илион гор. (древн.); см. также Троя 60
 иллирийцы, иллирийские племена/союз племен 8, 98—103
 Иллирик пров. римская (древн.) 99, 103
 Иллирия 74
 ингевоны, ингвеоны; см. также германцы североморские 42, 133, 134, 143, 153, 157
 иолеи, илиенсы 61, 63, 72
 Ирландия 165
 Ирландское море 165
 Исаффорд зал. 174
 Исландия 164, 166, 167, 169, 171, 172, 174—177, 180—182, 184, 186, 188, 190, 191
 исландцы 167, 171, 176, 182
 Испания 105, 165
 испанцы 48
 Истрия п-ов, обл. 81, 98, 100, 101, 103—105, 108—113
 марка (древн.) 81
 Средняя 105
 истры 67
 италики, итальянские племена; см. также итало-римляне 4, 49, 52, 57, 71
 Италия 9, 13, 14, 26—31, 33, 34, 36, 38—42, 49—53, 55, 64, 65, 73, 75—78, 80, 81, 83, 86, 89, 90, 94, 98, 105, 139
 лангобардская 33, 34, 36
 Северная 28, 29, 98
 Средняя 139
 итало-римляне 27—29, 32—42
 италошвейцарцы 7
 итальянцы 7, 48, 78, 99, 109, 110, 112
 Ихнуса о. (древн.); см. также Сардиния 61
 Йерен обл. (древн.) 167
 Калабрия обл. 54, 105
 Кампания обл. 49, 50, 54
 камуны 63, 64
 каннинефаты 132, 133, 139, 141, 144
 Капоретто гор. 63
 Капут Тирси гор. (древн.) 71
 Каралис, Каралес гор. (древн., ныне Кальяри) 59, 62, 71, 88
 Карбия гор. (древн.) 71

Карбония гор. 63
Каринтия обл. 82
Карнийский Форум гор. (древн.) 65
карно-венеты 67
карны; см. также галло-карны 64—69
Карпаты г. 107
Карст плато 112
Карфаген, Карфагенская держава 4, 53
карфагеняне, пунийцы 4, 62, 63, 69, 70, 79
Каталония 105
Катвейк р. (древн.) 144
Катвейк-ан-Зе нас. п. 162
квады 73, 120, 133
Кварнерский арх. 103
кельто-иллирийцы, кельто-иллирийские племена 98
кельты, кельтские племена 12, 14—16, 18, 21, 22, 41, 51, 52, 64, 98, 103, 119—120, 165, 171
Британии 41
галльские 51, 52, 64
Кенаб[ум] гор. (древн.); см. Орлеан
Кимврский по-ов (древн.) 147, 157, 158
кимвры 16, 149, 153
Кинхем о. (древн.) 148
Киренаика обл. 5
клагильки 14
Кодройпо нас. п. 5, 79
Коклеария гор. (древн.) 71
колапианы 98
Конкордия гор. (древн.) 78, 81
Кормонес гор. (древн.) 67
Корниола марка (древн.) 81
Корнус гор. (древн.) 71
Корсика о. 4, 50, 53, 54, 60, 62, 74
корсы 60, 61, 63, 72
Корчула о. 103
Костра гор. (древн.) 67
котины; см. также кельты 120
Кракебюль нас. п. 159
Кремона гор. 83
Крк о. 103

Ла Тен пос. 12
Лабинштина обл. 105
Лабрадор п-ов 179
Лангенес о-в 159
лангобарды, лангобардское племя, лангобардский племенной союз; см. также виниллы 26, 30—42, 76—79, 99, 103, 122, 125, 133
латины 4, 52
Лауверс р. 144, 146, 147, 152, 158, 160
Лауверсзе зал. 134, 147, 148
Лациум, Лаций, Лацио обл. (древн.) 49, 50, 90
леменики 14
Леньяно гор. 83
лепонтии 15
Леуварден гор. 131, 140

Либурия обл. (древн.) 33
либурны 65, 98
Ливенца р. 64, 78, 81
ливийцы 60
Лигурия обл. (древн.) 54
лигуры, лигурийские/лигурские племена 8, 11—14, 63, 73
Лидия обл. (древн.) 60
Лика обл. 104, 108—111
Линдхольм нас. п. 159
Лозанна гор. 16, 17
Лошинь о. 103
Лугвидо гор. (древн.) 71
Лукания обл. (древн.) 54
Лунд гор. 184

Маас р. 145
Македония 5
Макоисиса гор. (древн.) 71
Мантуя пров. 83
Маркланд обл. (древн.) 189
маркоман[н]ы 73, 120, 133
Марсель гор.; см. также Массалия 132
марсы 49, 50
Мартины гор. 14, 17, 19, 20
Массалия гор., обл. (древн.) 164
Массонже гор. 17
Металла Сардопаторис Фанум гор. (древн.) 71
Метуонис мест. (древн.) 132
Милан гор. 83
Минч прол. 165
Млет о-в 103
Молярия гор. (древн.) 71
молдаване 110
Монте Сираи г. 63
Монте Фара г. 63
Морж гор. 11
морлаки, славяне-морлаки; см. также ускоки, чичи 108, 109, 111, 112
моровлахи; см. также влахи 102
Мотовунский округ (Истрия) 110
Мудон гор. 16, 17
Муртенское оз. 9
Мэн о-в 165

Нантуаты 14, 15
Натизоне р. 64
Неаполис гор. (древн.) 62, 71
Невшательское оз. 8—11, 15
Немас гор. (древн.) 67
немцы 7
Нибюль нас. п. 152, 159
Нидерланды 131—135, 137, 140—144, 146, 158, 160—162
Нора гор. (древн.) 61, 71
Норвегия 164—167, 175—177, 179, 180, 182, 184, 185, 188, 191
Норден нас. п. 149
Нордштрэнд о. 150, 159
Норик пров. (древн.) 66, 73, 75

- норики; см. также бавары 30, 41, 76
 норманны 149, 151, 164, 165, 167, 168,
 170, 171, 174—176, 180—184, 186, 187,
 189, 190, 193
 гренландские 164, 168, 170, 174—176,
 180, 183, 184, 186, 187, 190, 193
 Нуре гор. (древн.) 71
 Ньон гор. 16, 17
 Ньюфаундленд о-в 179, 190

 Оберланд Бернский регион 15
 Оверэйссел пров. 144
 Одерцо гор. (древн.) 34
 Озопулус гор. (древн.) 67
 Оланд о. 159
 Оллон гор. 11
 Ольвия гор. (древн.) 62, 71
 Опитергиум гор. (древн.) 67
 Оркнейские о-ва 165
 Орлеан гор. 14
 Орон-ла-Виль гор. 17
 оски 49
 Осло гор. 172
 Османская империя 109
 остготы, остроготы, восточные готы; см.
 также грейтунги 26, 28, 29, 42, 73, 75,
 99
 Остенде гор. 146
 Остерго обл. 139, 145
 Отока гор. (древн.) 71
 Павия гор. (древн.) 33
 Паг о-в 103
 Падуа гор. 83
 Пальманова нас. п. 79
 Паннония регион 28, 30, 36, 37, 66, 74,
 99
 пров. римская (древн.) 99
 паннонцы 41, 76
 Париж гор. 186
 Педена гор. 81
 Пельворм о-в 159
 Перфугас нас. п. 61
 Пиза гор. 34
 Пиренейский п-ов 11, 105
 Пицен обл. (древн.) 54
 плерей 98
 По р. 63
 Понс Санти гор. (древн.) 67
 Порденоне нас. п. 79
 Поречский округ (Истрия) 110
 Портценсес гор. (древн.) 71
 португальцы 48
 Портус Лигвидонис гор. (древн.) 71
 Праттельн гор. 7
 Предальпийская обл. 28
 Прибалтика 164
 Прованс 28, 75
 Пула гор. 100
 Пульский округ (Истрия) 110
 пунийцы; см. также карфагеняне 63
 Пуцидум обл. (древн.) 67

 Раб о-в 103
 Равенна гор. 75, 76
 Рарон гор. 11
 раураки 15—17, 19, 20
 Рейкьянес п-ов 171
 Рейн р. 9—12, 15, 17, 132—136, 138—
 145, 157, 160
 Рейсс р. 15, 17
 ретороманцы 7
 реты 15, 17, 19, 63, 64
 Реуния гор. (древн.) 67
 Реция обл. 54, 73, 75
 Риека гор. 111
 Рим (Древний) 14, 104, 132, 134—136,
 138—142, 144
 римляне; см. также итало-римляне 4,
 5, 15—19, 31, 32, 44, 48, 49, 51, 52,
 55—57, 64—67, 69, 70, 72, 75, 77, 78,
 85, 86, 90, 92, 98, 103, 104, 106, 132—
 137, 139—142, 144, 145, 151
 Римская империя 4, 5, 26—28, 38, 48—
 54, 56—58, 65, 66, 73—75, 96, 98, 99,
 102, 132, 133, 135, 136, 139—142, 146,
 160, 162
 Восточная; см. Византия
 Западная 28, 38, 141, 146, 162
 Ровинь гор. 104, 109
 Ровиньский округ (Истрия) 110
 Ровиньско Село пос. 109
 Роданус р. (древн.); см. Рона
 романцы 112
 Романья обл. 58
 ромеи 5
 Рона р. 9—11, 13—16
 Рочь гор. 100
 Рубриенсис гор. (древн.) 71
 румы; см. также ромеи 89
 Румыния 58, 106
 румыны 48, 110
 Русь 164, 166
 Новгородская 166
 Псковская вечевая 166

 Сабиняне 49
 Саксония Нижняя 138
 саксонцы 81
 саксы, племена саксов 30, 33, 41, 42,
 44, 133, 134, 143—145, 147, 149—154,
 156—158, 160
 салассы 15
 Самний обл. (древн.) 54
 самниты 49
 Санкт-Галлен кантон в Швейцарии 15
 Санкт-Петер нас. п. 159
 Санта-Лючия нас. п. (древн.) 63
 Сараво гор. 107
 Сардиния о. 4, 50, 53, 54, 58, 60—63,
 71—74, 85—91, 105
 сардинцы 4, 6, 48, 61, 89, 90, 105
 сарды 61, 63, 69, 70, 72, 87
 Саркапос гор. (древн.) 71
 сарматы 31, 41, 76

Сассари гор. 59
 Сатерланд обл. 131
 свевы, свебы 30, 31, 41, 42, 76, 154
 Северное море 132—135, 137, 143, 145, 147, 149, 150, 153, 154, 157—159, 165
 Северо-Фризские о-ва 131, 149, 150, 153, 155, 158—160
 седуны 14, 15
 секваны 15, 19, 20
 Сен-Бернар Большой перевал 17
 Сен-Бре пос. 7
 Сен-Морис гор. 20
 Сена р. 164
 Сербия 109, 111
 сербы 108
 Сиглу фьорд зал. (древн.; ныне Унар-ток) 170
 сиканы 53
 сикулы 53
 сирийцы 68
 Сирия 5
 Сицилия о. 4, 5, 28, 53, 54, 74, 75, 87, 105
 Скандинавия 30, 140, 164, 166, 170, 174, 179, 182
 скифо-сарматские племена; см. также сарматы 28
 скифы 119
 склавины 123
 скрелинг 179
 Славония 98, 101
 славяне, славянские племена/народы 28, 31, 79, 80, 96, 97, 99—101, 103, 106—112, 121—128
 южные, юго/южнославянские народы 97, 99—101, 111
 словаки 116—118, 126
 словенцы бенешские 80
 Снайфедльснес п-ов 170
 Снефедль г. 170
 Солимберго г. 83
 Сорабиле гор. (древн.) 71
 Соффумберго г. 83
 Спилмберго г. 83
 Средиземное море 4, 5, 9, 50, 51, 53, 58, 61, 62
 Средиземноморье 4, 5, 50, 51, 53, 58, 61, 62, 105, 165
 Ставангер гор. 167
 Стокканес п-ов (древн.) 174, 175
 стоэны 63
 Сульцис, Сульци гор. (древн.) 62, 71
 Сутрио гор. (древн.) 67
 Съон гор. 11, 14, 20

 Тавриски 65
 тайфалы 73
 Тальяменто р. 79, 82
 Таррос гор. (древн.) 62, 71
 Татинг нас. п. 159
 Тегула гор. (древн.) 71
 Тексел о-в (древн. Тессел) 147, 148

Тергесте гор. (древн.) 67
 Тённинг нас. п. 159
 Тибр р. 49
 Тибула гор. (древн.) 71
 тигурионы 16
 тилангии 14
 Тир гор. (древн.) 61
 Тироль 75
 тиррены; см. также тирсены, турша, туски, этруски 50
 тирсены; см. также тиррены, турша, туски, этруски 50
 Тичино кантон в Швейцарии 13—15
 тоигены 16
 Тольмино обл. 63
 Тора Мыс п-ов (древн.) 168
 Торино гор. (древн.) 30
 Торее р. 82
 Тоскана обл. 50
 Трагурион пос. (древн.); см. Трогир
 Транспадаана обл. (древн.) 54
 Тревизий обл. (древн.) 34
 Трогир пос. 100
 Тронхейм гор. 172, 177
 Троя гор. (древн.); см. также Илион 51, 60
 трумплины 63, 64
 Тунское оз. 12
 Тургау кантон в Швейцарии 15
 Туррис Либизонес гор. (древн.) 71
 Турубаум минус гор. (древн.) 71
 турша; см. также тиррены, тирсены, туски, этруски 50
 туски; см. также тиррены, тирсены, турша, этруски 50
 Тьель р. 9
 тюринги 30, 133

 Уберы 14
 Удине гор., пров. 83, 84
 Узелис гор. (древн.) 71
 Умбрия обл. (древн.) 54
 умбры, 49, 50
 усии 132
 ускоки; см. также морлаки, чичи 112
 Утрехт гор. 146
 Учка г. 111

 Фажан гор. 104
 фалиски 49, 50
 Фанум Каризи гор. (древн.) 71
 Фарвель п-ов 170, 189
 Фарерские о-ва 148, 165, 166, 188, 190
 фарерцы 164, 190
 Фарония гор. (древн.) 71
 Феррара, Феррария гор. (древн.) 71
 Фёр о. 150, 152, 153, 157—159
 финикийцы 61, 62, 70
 финны 8
 Фландрия 145, 146, 148
 Западная пров. Бельгии 145, 146, 148
 Флево оз. 135, 144, 158, 160, 161

Фленсбургский фиорд зал. 144
Фороулийский/Фриульский дукат 78, 79
Форум Юлии гор. (древн.) 65, 67, 75, 78, 94
Форум Траяни гор. (древн.) 71
Фосите, «страна Фосите» (древн.) 148
фракийцы, фракийские племена 98, 102, 110
Фракция (древн.) 5
франки, франки салические 21, 44, 80, 81, 133, 142—146, 149, 154, 158, 160
франкошвейцарцы 7, 21
Франкская империя 146, 160
Франция 10, 11, 14, 164, 165
французы 7, 48
Фригия обл. (древн.) 105
фризиавоны 133, 134, 141, 144
фризы, фризские племена 41, 131—158, 160, 163
Фрисландия 131, 133—140, 143—149, 152—160, 163
Великая (древн.) 146—148, 160
Восточная 131, 133, 134, 145, 146, 149, 152, 156—158, 160, 163
древняя 135, 138, 139, 145—147, 149, 155, 156
Западная (древн.), обл. провинции Северная Голландия 136, 139, 146, 153, 155
Малая (древн.) 149
пров. Нидерландов 131, 134, 136—140, 142—147, 157
Северная 131, 134, 147—160
Средняя (Центральная); см. также пров. Нидерландов 131, 147
Южная (древн.) 154, 157
Фриул[ь]и обл. 63, 65, 68, 69, 80—85, 90, 105
фриулы, фураны 6, 48, 79, 84, 85, 90
фураны; см. фриулы

Хавки 132—134, 143—145, 147, 150—152, 157
Хазе р. 143
хамавы 142
Хаттштедт нас. п. 159
хатты 132, 133
Хаукадаль обл. 167, 168
Хвамсфьорд зал. (древн.) 167, 168, 170, 172
Хвар о. 103
Хварф п-ов (древн.) 170—172
Херьольва Мыс п-ов (древн.) 180, 182, 183, 185, 187, 189
Хогс о. 159
Хорватия, хорватские земли/области 80, 96, 98—101, 103—105, 108—113
Далматинская 80
Посавская 80
«Старая» 112

Хорватское Приморье 98, 108
хорваты, хорватские племена/группы, хорватский этнос; см. также иллирийцы 80, 96—99, 101, 102, 104—106, 108, 112, 113
Хравнфьорд зал. (древн.) 170
Хузум гор. 131, 159
Хунте р. 143

Ценегген гор. 11
Прес о. 103
Цугское оз. 12
Цульо нас. п. 65
Цюрихское оз. 8, 10, 12

Чехословакия 106
Чивидале гор. 79, 81, 83, 84
Читтанова Истрийская гор. 80
Чичари плато 111, 112
Чичария обл. 111
чичи; см. также морлаки, ускоки 111, 112
истрийские 111

Шардана 61
Швейцария 4
Швеция 166, 179
Шельда р. 134, 150
Шетландские о-ва 165
Шибеник гор. 108
Шлезвиг обл. 147—153, 155—158
Южный 131, 144, 152
Шлезвиг-Гольштейн обл. 131, 154, 158
Шотландия 165

Эвганеи 63, 64
Эгейское море 91, 165
Эзинге нас. п. (древн.) 137—139, 143
Эйнарьфьорд зал. (древн.) 184
Эйрика о. (древн.) 170
Эйриковы о-ва (древн.) 171, 172
Эйриктадур пос. (древн.) 168
Эйрисфьорд зал. (древн.) 170, 172, 174, 184
Эйсселмер зал. 144—146, 148, 153, 157, 161
эквы 49
Эккернфёрдер-Бухт зал. 157
Элефантрия гор. (древн.) 71
эллины 98
Эльба р. 30, 41, 132, 134, 135, 138, 145, 152
Эмден гор. 145
Эмилия обл. (древн.) 54
Эммельсбюлль нас. п. 152
Эмс р. 133, 134, 143—146, 151—154
Энгер нас. п. 144
Эруциум гор. (древн.) 71
эскимосы Гренландии 187
Эсте, Атесте гор. (древн.) 63

эстманны, восточные люди 167, 176
Эстрибюгдар обл. (древн.) 172, 179,
180, 187, 189
этруски; см. также тиррены, тирсены,
турша, туски 8, 50—52

Югославия 106, 107

Юлианехоб гор. 170

Юлий Корнийский, Юлиум Карникум
римская колония (древн.) 67, 68, 78

Юлия Конкордия гор. (древн.) 65, 67

Юра г. 9, 10, 15, 17

Ютландия п-ов 133, 134, 145, 147, 149,
150, 153, 154, 160

Северная 149

Южная 153

юты 41, 133, 1344, 143, 153, 155

Ядебузен бух. 157

языги 120

япиды, яподы 65, 98

Условные сокращения

арх.	— архипелаг	обл.	— область
бух.	— бухта	оз.	— озеро
г.	— гора [ы]	о-в	— остров
гор.	— город	о-ва	— острова
дол.	— долина	п-ов	— полуостров
древн.	— древнее	пос.	— поселение
зал.	— залив	пров.	— провинция
мест.	— местность	прол.	— пролив
нас. п.	— населенный	р.	— река
	пункт		

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

С. А. Арутюнов, Н. А. Красновская, Э. А. Рикман

3

РАННИЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ШВЕЙЦАРИИ (до середины I тысячелетия н. э.)

М. Н. Новиков

7

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЭТНОСА (Социально-экономический аспект в V—VI вв.)

Е. А. Шервуд

25

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАЛЫХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЭТНОСОВ В ИТАЛИИ

Н. А. Красновская

48

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ХОРВАТОВ (О контактах с римской культурой)

М. Ю. Мартынова

96

ПРОБЛЕМЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛОВАКИИ

Н. Н. Грацианская

116

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ ФРИЗОВ

М. И. Решина

131

**К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ГРЕНЛАНДСКИХ НОРМАННОВ**

Г. И. Анохин

164

**УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ
И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ**

195

РОМАНИЯ И БАРБАРИЯ

*К этнической истории
народов
зарубежной Европы*

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства
Л. И. Тормозова
Художник
А. Д. Смеляков
Художественный редактор
И. Д. Богачев
Технический редактор
М. В. Абаджиян
Корректор
Е. Н. Белоусова

ИБ № 38944
Сдано в набор 27.01.89
Подписано к печати 20.07.89
Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная
Гарнитура обыкновенная новая
Печать офсетная. Фотонабор
Усл. печ. л. 13,0. Усл. кр. отт. 13,75. Уч.-изд. л. 16,0
Тираж 6650 экз. Тип. зак. 1261
Цена 1 р. 80 к.
Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

В издательстве «Наука»

В 1990 г.

выйдут в свет

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ АМЕРИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

30 л.

3 р. 40 к.

Книга рассказывает об исторической судьбе потомков индейских народов, о племенах, живущих ныне на территории США и Канады, их образе жизни, статусе в обществе, об упорной борьбе, которую они ведут за свои права и сохранение культурной самобытности. Вы узнаете о мужестве и силе коренных жителей Америки, их гордом духе, гармонии с природой и трагедии встречи с безжалостной цивилизацией.

Для этнографов, историков и широкого круга читателей.

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ НАРОДОВ СССР

50 л.

4 р.

Размер семьи в СССР, количество детей, внутрисемейные отношения, брачный возраст — эти и другие вопросы широко освещаются в книге. На основе большого этнографического и статистического материала авторы сравнивают семьи различных народов нашей страны, показывают, какие перемены происходят в семье в зависимости от региона проживания, традиций и др. Читатели узнают, что нового появилось в современных семьях, их обычаях, обрядах, ценностных ориентациях.

Для этнографов, демографов, социологов, философов и широкого круга читателей.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 **Баку**, 5, Коммунистическая ул., 51;
690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140;
320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24;
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4;
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148;
343900 **Краматорск**, Донецкой области, ул. Марата, 1;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6;
450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720000 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42;
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.

Огромную роль в истории Европы сыграла Римская рабовладельческая держава. Многие европейские племена были вовлечены в этнопреобразующий процесс романизации. По-видимому, на рубеже старой и новой эры появилось второе название Римской империи — Романия. Этим, не столько географическим, сколько культурным понятием охватывались как коренные области расселения римлян, так и романизованные ими регионы, вошедшие в сферу их влияния. Романии противопоставлялась Барбария — мир так называемых варваров, не охваченный цивилизаторской деятельностью римлян. После крушения Римской империи на ее землях и на пограничных с ними территориях возник ряд раннесредневековых этнических образований. Книга рассказывает, как взаимодействия римского и варварского мира, а в дальнейшем повороты исторической судьбы, отношения с соседями привели к сложению таких народов, как итальянцы, швейцарцы, хорваты, фриулы, фризы, сардинцы и др., способствовали становлению их культурного своеобразия.

